

Инна Живетьева

Вейн

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3948165
Вейн : фантастический роман: Эксмо; Москва; 2012
ISBN 978-5-699-57952-5

Аннотация

Вейн – это не профессия, а скорее – призвание. Далеко не каждый может стать человеком, способным ходить между мирами. Дану в этом смысле повезло. Он стал первоклассным вейном. Повезло ему и в другой раз. За могущественный магический артефакт Дар Двуликого, который Дану удалось выкрасть у жрецов, ему посулили большие деньги, но на этом везение вейна закончилось. Жрецы послали за ним охотников, от которых не укрыться даже в Цитадели, соединяющей Верхние миры с Нижними. А тут еще странно одетый мальчик Юра навязался. Ну как, скажите, этот пацан в джинсах и футболке сумел самостоятельно пересечь границу, отделяющую один мир от другого?

Содержание

Часть I	4
Глава 1	7
Глава 2	16
Глава 3	27
Глава 4	39
Глава 5	49
Глава 6	57
Глава 7	65
Глава 8	72
Глава 9	81
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Инна Живетьева

Вейн

*Моим родителям.
Я вас очень люблю.*

Часть I

Над площадью Святого Ильберта гроыхало и сверкало. Молнии высвечивали флюгер на доме купца Траптера – медный хомяк вспыхивал золотом и снова пропадал в сизой мгле. По мостовой бежали грязные потоки, захлестывало крыльцо и колеса пустой пролетки. Размывало клумбу под окном.

Эрик прошелся по комнате, захлопнул крышку сундука. Она громко стукнула, заставив вздрогнуть.

– Неврастеник, – поставил он сам себе диагноз.

У операционного стола не трусил, а сейчас пугается каждого звука.

Потрогал дверной засов. Задвижка холодная и влажная, прочно лежит в пазах. Прильнул ухом к щели. Собственное дыхание, шелест дождя. В коридоре тихо – не сезон для гостей. Точнее, межсезонье.

Вернулся к окну. Постоял, глядя, как погибает цветочная рассада. Гулко прокатился раскат грома, и Эрик выругался. Надо было переехать вчера! Но не смог заставить себя выйти из комнаты и просидел весь день, отгородившись от Бреславля шторами. В узкую щель виднелись пустынная улица и яркое, безоблачное небо. С утра прошла молочница, после нее – почтальон. Соседи. Мальчишки. Приезжал на обед извозчик. Хотел ведь окликнуть...

В коридоре послышались тяжелые шаги. Хозяйка. Задыхаясь после подъема на второй этаж, она позвала:

– Господин Эрик! Вы чаевничать будете?

Он посмотрел на запертую дверь и крикнул:

– Нет, благодарю!

– Так я вам сюда принесла. Вы откройте.

Эрик переплел и стиснул пальцы. Чаю – горячего, заваренного до горечи – захотелось невероятно. И чтобы стол был накрыт льняной скатертью и лежали накрахмаленные салфетки в кольцах. Стояла сахарница с вензелем на серебряной крышке, и тот же вензель повторялся на ложечках и розетках с ягодами...

– Спасибо, не нужно.

– Да как же! В такой дождь – первое дело.

Эрик прижался спиной к косяку, вслушиваясь. Поскрипывали доски. Наверное, у хозяйки снова болят колени, и она переминается с ноги на ногу. И руки у нее дрожат: брякнула ложечка.

– Подождите, сейчас открою.

Засов вылез из петель. Дверь распахнулась прежде, чем Эрик притронулся к ручке.

Отшвырнув к стене пожилую женщину – с подноса посыпался фаянс, – в комнату шагнул мужчина в походной одежде.

– Вечер добрый.

Эрик метнулся к окну, сбил с подоконника цветочный горшок и рванул створку.

Внизу, на клумбе, стоял парень в распахнутой куртке. Смотрел на Эрика и улыбался, очень довольный собой. Дождь стекал по его плечам, рубаха прилипла к груди – из-под мокрой ткани просвечивала наколка.

За спиной хлопнула дверь. Мужчина по-хозяйски прошелся по комнате и стукнул ногой по сундуку.

– Я смотрю, ты уже собрался. А поговорить?

Ну что ж... Эрик неторопливо повернулся и скрестил на груди руки.

– Слушаю вас.

Мужчина засмеялся:

– Вот это другое дело.

В спину хлестали струи пополам с ледяной крошкой, но холода жрица не чувствовала. Она сидела согнувшись и водила ладонями по раскисшей земле.

Из-за пелены дождя показалась громадная фигура Оуна.

– Все? Получилось? – с тревогой спросил он.

– Да. Помоги встать.

Теплые руки Оуна подхватили ее под локти.

– Переоденься, ты насквозь промокла.

За черными силуэтами деревьев виднелась палатка. Она светилась изнутри – там разожгли жаровню. Йорина вытерла ладони о платье.

– Некогда. Быстрее седлайте!

Оун посмотрел ей в лицо, и Йорина зашипела. У нее даже верхняя губа вздернулась, приоткрыв зубы. Пусть только посмеет заикнуться, что она устала!

– Кони не пройдут, – сказал Оун. – Загоним.

– Собирайтесь! Живо! Ну!

Ее хриплый крик разнесся по лагерю. Засуетились, сворачиваясь.

– Палатку бросить!

– Йорина...

– Он уходит, ты что, не понимаешь?! Уходит!

Ударил гиганта кулаком в грудь. Пустота выла и свистела, как зимний ветер в горном ущелье, и была такой же обжигающе холодной.

– Быстрее! Собирайтесь!

Оун вытащил из-за пазухи сверток, встряхнул, и сухой плащ накрыл жрицу.

– На его месте я бы отсиделся где-нибудь подальше от Середины, – сказал гигант.

Да, наверное. Йорина прижала грязные пальцы к вискам.

– А он куда-то идет. Куда?.. Не в Бреславль же! Межсезонье!

Противоположный берег пропал из виду, и только смутно белело здание Торгового присутствия. Медный корабль на его шпигеле плыл по грозовым тучам.

– Надо же, – сказал Грин, кутаясь в плед. – Дождь в Бреславле сейчас. А я думал, он весь остается там, за степью.

Олза поставила на стол зажженную лампу, и гостиничный номер показался уютнее. Высветились чайник, малиновое варенье в вазочке, открытая книга. Благородно заблестел паркет.

Женщина села в кресло-качалку и посмотрела в окно. Полосатые тенты убрали, столики и креслица сдвинули под навес. Ручьи стекали по широким ступеням и бурлили, ударяясь в парапет. Они пытались прыгнуть в помутневшую Ранну.

Грин закашлялся, навалившись на подлокотник. Затрясся стол, вплотную придвинутый к дивану, звякнула в стакане ложечка.

Олза, не вставая, протянула руку и достала ложечку, налила свежего чаю. Крепко заваренный, он пах липовым цветом, но Грин сказал со вздохом:

– Я скоро лопну. Или превращусь в самовар. У вас есть самовары? Я не помню.

Олза оттолкнулась от пола носком туфли.

– Есть.

Старое кресло тихонько поскрипывало.

Сверкнуло, высветив трубы-башенки на крыше Торгового присутствия. Блеснул корабль.

Грин завожился, пихая за спину подушку. Натянул плед до подбородка. Вытащил из-под себя ногу и снова поджал.

– Алекс, брось, – сказала Олза. – Я все равно вижу, что тебя колотит.

Грин недовольно закричал и перестал суетиться. Комната кружилась перед глазами. Гроыхнуло за окном – звуки гулко отдались в затылке.

Теплые руки взяли за виски и повернули голову.

– Кровь. Не двигайся.

Текло из носа, впитываясь в платок.

– Ничего. Отойду.

– Конечно, – согласилась Олза. – Куда ты денешься. Восемь баб на шее. Не захочешь, а выздоровеешь.

Снова загремело. Гроза разгулялась не на шутку.

Глава 1

Льет с капюшона. Просачивается сквозь плащ и куртку. В сапогах хлюпает. Дождь – за серой пеленой дороги не видно. Йоры могут отрядами маршировать, не заметишь и не услышишь. Шэт бы побрал это межсезонье! Дан сунул за пазуху ледяную руку и, путаясь в шнурках, выудил связку амулетов. «Сторожок» вроде холодный. А может, просто разрядился. Скрюченные пальцы с трудом упихали связку обратно.

Дан ударил каблуками, но кобыла лишь тряхнула головой, продолжая тащиться неторопливо.

– И зачем тебя, дуру, крал? Пошла, зараза!

Кляча вздохнула. Она тоже не понимала, зачем ее увели из теплой конюшни сюда, под ливень, на раскисшую безлюдную дорогу.

Дан поправил на плече арбалет и согласился с бессловесной скотиной:

– Правильно, сам дурак. Пешком было бы быстрее.

Но он устал. Не дойдет по вязкой грязи, липнущей к сапогам.

– Шевелись, мертвая!

Кому скажи, что украл под седло кобылу из васяйской деревни, – животы со смеху надорвут. Сюда бы этих смешливых. Дан сплюнул холодную, с железистым привкусом воду и замурлыкал под нос:

– Еще немного, еще чуть-чуть...

Вспомнился славянский трактир. Водочка с обязательной закуской: селедка, маринованный лук, черный хлеб. Менестрель Игорь, откинувшись к бревенчатой стене, перебирает гитарные струны:

А я в Россию, домой хочу,
Я так давно не видел маму.

Хорошо поет, надрывно, со слезой в голосе, как умеют только русские. Дан понимает с пятого на десятое, но ему все равно очень нравится.

В трактире было тепло, сытно и пьяно...

– Пошла, ледащая! – Дан треснул кобылу между ушей. – На живодерню сдам!

Та всхрапнула и все-таки прибавила шаг – поманил свет, показавшийся за пеленой дождя.

Дан заорал:

– А мне б в девчоночку хорошую влюбиться!

Возмущенным лаем ответил брехливый пес Тобиуса.

Левая створка ворот медленно, застревая в грязи, приоткрылась, и Дан въехал во двор «Перекрестка». Присвистнул, удивленно оглядываясь, – он никогда не видел его таким пустынным. Сараи на засовах. Кузня заперта. Свет горит лишь в окнах обеденного зала и на кухне.

Спешился, тут же провалившись в густую жижу по щиколотку. Незнакомый парнишка схватил повод, и Дан швырнул ему монетку:

– Обиходи.

Медь пролетела мимо неловко подставленной ладони. Канула в лужу.

– Раззява!

Набухшая дверь тяжело подалась. Дан ввалился под крышу и сбросил грязный плащ у порога.

В зале было непривычно просторно: столы поставлены друг на друга и сдвинуты в угол, убраны лавки. Но зато в камине горел огонь, облизывая дно котелка.

– Тобиус, ау! Почему я не слышу песни во славу святого Христофора, покровителя путешественников? Возрадуйся! Когда еще к тебе заглядывали в межсезонье?

– От тебя, вейн, шума больше, чем от десятка посетителей, – махнул рукой хозяин, появляясь на пороге кухни.

К животу он прижимал кружку, больше похожую на маленькую бадейку. Проковылял к очагу, снял с огня посудину, и в кружку полилось горячее вино, пахнуло специями.

– И почему я не удивлен, увидев именно тебя?

– Потому что только такой идиот, как я, едет в это время Славской дорогой.

Дан забрал кружку и, обжигаясь, выхлебал половину. Попенял:

– Опять гвоздику положил? Вкус перебивает.

– Ничего ты, вейн, не понимаешь. Тебе комнату? Надолго?

– До завтра.

Трактирщик хмыкнул.

– Ну, твоя свободна.

– Удивительно! – Дан прищелкнул языком. – А я думал, придется выгонять семью с малолетними детишками.

– Ступай уж! Холодно будет, к вечеру протоплю. Постирать что, Жельке отдай. Передохни и спускайся ужинать.

В комнате Дан тяжело опустился на лавку. Как же он устал, Шэт побери!

Привалился к стене. За окном шумел дождь, тугая струя хлестала из водостока в переполненную бочку. Перед глазами плыла раскисшая дорога. А всего сутки назад он лежал в талом снегу, не смея шевельнуться, и ждал: выстрелят, не выстрелят. Его загоняли обратно в горы, а там с йорами мало кто мог бы потягаться. Но выскользнул. Ушел по оврагу, полному ледяной воды с шугой. Дополз до узла и, уже не думая о погоне, рванул в Краснохолмские пески – оттаивать, согреваться. А потом снова под дождь...

Дан встряхнулся, сбросил с плеча арбалет. Начал было стаскивать куртку, но остановился. Выудил из-за пазухи амулеты, все разом, горстью. Там попадались и обычные, каких полно на любом торгу Середины, встречались и дорогие, вроде «когтя», припаянного к стальной цепочке. Отдельно на шелковых шнурах висели редкости: янтарное солнышко, кошка из черного дерева, стеклянная небьющаяся капля, каменный полумесяц. Медный крестик обычно терялся среди них, но сейчас первым выпал на ладонь. Вейн сердито стряхнул его и нашел железное кольцо, грубое, со следами напильника. «Сторожок» по-прежнему оставался холодным. Потеряли?

В дверь стукнули. Дан сунул амулеты за пазуху и потянулся к арбалету.

– Входи.

Через порог шагнул мальчишка-конюх. В руке у него золотилась лампа, и в ее свете Дан с удивлением понял, что пацан нездешний. Скорее всего, из верхнего мира. В джинсах, по колено заляпанных грязью. В промокшей джинсовой куртке с «молниями» и заклепками. С темных волос капает за шиворот. Лицо решительное, точно собрался лбом стенку таранить.

– Чего тебе?

Мальчишка поставил лампу на стол.

– Господин вейн, мне нужно в Бреславль. Срочно.

Дан тронул спусковой крючок. Какой сюрприз! Именно в Бреславль. Именно срочно.

– Просто – вейн, – поправил он.

Мальчишка глянул непонимающе.

– Когда говорят «вейн», то «господин» – не добавляют. Ты разве не знаешь?

Сколько ему? Пятнадцать? Вряд ли больше. Из верхних малолетки редко приходят в одиночку.

– Зачем тебе в Бреславль?

– Нужно.

– Это не ответ.

Выговаривает согласные слишком твердо. Как новичок, который еще не свyksя с чужим языком. Или хорошо притворяется.

– Я ищу одного человека, – нехотя сказал мальчишка. – Слышал, он там. А межсезонье скоро закончится.

– С чего ты взял, что я туда пойду?

– Славская дорога ведет в Бреславль. Если в обратную сторону, то проще через другой узел, а не к нам под дождь. Так господин Тобиус сказал.

Логично. Но таких совпадений не бывает.

– Кого ты ищешь?

– Это мое дело.

Ишь ты, окрылся.

– А болтун Тобиус не объяснил, почему сейчас в Бреславль никто не ездит?

– Опасно. Степняки.

– Угу, они тоже. А что такое проекции, знаешь?

– Пласты из других миров.

О проекциях, значит, слышал, а к вейну правильно обратиться не умеет.

– Ну и какого Шэта я туда попрусь, скажи на милость?

– Я заплачу. У меня есть, вот.

Мальчишка сунул ему часы на кожаном ремешке. Серый экран, светящиеся цифры. Помедлив, последняя «двойка» сменилась на «тройку». Пресветлая Иша, работают! Да их в Бреславле с руками оторвут.

– Откуда такая игрушка?

– С собой была.

– И какой умелец привел тебя на Середину?

– Я сам пришел.

Все чудесатее и чудесатее, как говорит Игорь. Сопляк, без поводыря, пришел и принес работающую электронику.

– А кто научил?

– Никто. У меня случайно вышло.

Вейн усмехнулся:

– Значит, ты у нас талант-самородок.

Мальчишка смотрел угрюмо.

Дан погладил стекло, за которым жили цифры, и нехотя вернул часы. Шэт, да за одну батарейку!..

– Нет.

Подбородок у мальчишки задрожал.

– Но... пожалуйста! Мне очень нужно, честное слово! Я же не просто так! А межсезонье закончится...

И Бреславль станет похож на сыр, изгрызенный мышами. За полдесятка золотых уведут хоть к Шэту на рога.

– Вот джинсовка, говорят, у вас редкость. Ну... у меня ничего больше нет. Мне очень надо!

Карие глаза смотрели с такой надеждой и отчаянием, что Дан почти поверил. Убрал руку с арбалета и скинул наконец-то куртку.

- Пожалуйста, господин вейн, ой, ну, вейн. Я... Мне правда, очень!.. Что хотите!..
- Не ори.
- Мальчишка моргнул. Кажется, у него намокли глаза.
- Ну и хрен с вами! Я сам пойду! Все равно! – зло сказал он.
- Шэт побери! Ох, прости, милосердная Иша, грешен.
- Ладно. Но обузой не возьму. Мне слуга нужен. Согласен?
- Да, конечно!
- ТЬфу ты, пропасть!
- Слушай, дите, ты давно на Середине?
- Мальчишка явно хотел огрызнуться, но сдержался.
- Уже две недели, – процедил он. – Какая вам разница?
- Действительно? Дан скривился в усмешке.
- Как тебя зовут?
- Юрий.
- В вашем мире существует обычай упрощать имена? Младшим, слугам?
- Да.
- Ну и как тебя зовут?
- Щенок, глупый кутенок с заплетающимися лапами, а глазами сверкать – так взрослый.
- Юрка.
- Дан вытянул ногу, оставляя грязный след.
- Сними с меня сапоги, Юрка.
- У пацана заходили желваки на скулах. Верхний мир, что ни говори.
- Ну?
- Мальчишка, помедлив, наклонился.
- Так не получится.
- Смуглые щеки вспыхнули изнутри багровым.
- Ты уверен, что тебе действительно нужно в Бреславль?
- Пацан глянул исподлобья и опустил на пол. Потянул с ноги вейна сапог.
- Ты мой слуга, я твой хозяин. Я иду в Бреславль, ты идешь за мной, – веско, точно ставя тавро, сказал Дан. – Повтори.
- Я ваш слуга, вы мой хозяин. Я иду за вами в Бреславль.
- На миг сопляка стало жалко.
- Договор заключен, – буркнул Дан. – Второй снимай, чего застыл?
- А может, парень просто отлично играет.
- Сапоги помой. И Жельку сюда позови.

Дождь разошелся и яростно барабанил по крыше. Стена под окном намокла, на полу растеклась лужа. В углу капало: сначала глухо, на дно глиняного кувшина, потом звонко, а сейчас плюхало и грозило перелиться через край.

Дан валялся на кровати без штанов, но зато в шерстяных носках. Желька, томно вздыхая, скалывала волосы. Русые пряди не помещались в горсти, выскальзывали и повисали вдоль щек. Пухлая губа оттопырилась, удерживая во рту шпильки. Руки – полные, белые – двигались неторопливо. Жельке было мало. Дан закрыл глаза. Пусть спасибо скажет, что хоть один раз получилось, после такой-то дороги.

Желька еще повозилась, но все-таки ушла. Проскрипела лестница.

Как непривычно тихо в гостинице. Слуг и тех нет – Тобиус распустил на межсезонье.

Дан вытянул руку, подцепил валявшиеся на столе штаны. Стукнул спрятанный под ними арбалет.

– Параноик, – вспомнил умное слово и представил, как там, за окном, распластался по стене невидимый из-за дождя йор.

Вейн неспешно оделся, задумчиво пошевелил пальцами в носках. Сапоги Юрка так и не вернул, наверное, приспособил сушиться.

Лестница, стонавшая под поступью Жельки, пропустила Дана бесшумно.

Один угол обеденного зала был освещен, в остальных густилась темнота. Пахло запеченным окороком – мясо, разложенное на решетке, капало жиром в угли. Те отзывались раздраженным шипением.

Тобиус сидел перед очагом, примостив ноги в таких же, как у Дана, полосатых носках, на приступку. Держал на коленях миску с тыквенными семечками. Лузгал, сплевывая шелуху в огонь. На табурете рядом с ним стояли кувшин и пара кружек. Вейн понюхал – пиво.

– Наливай, чего ждешь, – поторопил хозяин постоянного двора.

– Ну ты и нахал! – восхитился Дан, подтаскивая к очагу второе кресло.

Сидели, грели ноги. Пили пиво. Срезали пласты мяса и так, с ножей, ели. Тобиус присыпал свою порцию вонючей кудрявой травкой. Дан предпочитал мазать горчицей. Выщелкали все семечки, заплевав шелухой пол.

Проходила Желька, смотрела недовольно. Дан и Тобиус начинали хихикать, подталкивать друг друга локтями и раз от избытка чувств едва не свалились в камин. Потом хозяин сказал грустно:

– Была ведь фитюлька – во! Ладонями за талию обхватить можно. Я, дело такое, худеньких люблю.

Дан утешил, мол, захочет, двух фитюлек заведет. Тобиус посетовал на межсезонье и безденежье.

От окорока осталась кость. Дрова прогорели. Вейн поворошил угли и спросил:

– Этот мальчишка, Юрка, откуда у тебя?

– Сам пришел. Говорит, случайно получилось. Ну, я и взял. Куда ему сейчас деваться?

– Думаешь, его вправду никто не учил?

– Похоже на то. Заходил к тебе, да? В Бреславль просился?

– Кого он ищет?

– Какого-то Виктора Зеленцова, вейна. Я о таком не слышал. А ты?

Дан мотнул головой, и трактирщик с сожалением цокнул языком.

– Тут Игорь был, ну, менестрель. Буквально перед дождями. Сказал, мол, знает русского из верхнего, зовут Виктором, и фамилия похожа. Видел в Бреславле на днях. Но какой сумасшедший пойдет сейчас через степь!

Вейн хмыкнул. Хозяин посмотрел на него серьезно, словно они и не выдули кувшин пива на двоих.

– Кроме тебя. Правда, Дан?

– Хорошенького ты обо мне мнения.

Тобиус развел руками:

– Ты меня знаешь, вейн. Я о чужих делах не болтаю. Был у меня постоялец, не было... Помог бы мальчишке, а?

Дан молчал. Во рту сделалось кисло. Соскреб с кости остатки мяса, зажевал.

– Ему и впрямь нужно, видно же.

Шэт!..

– Ты редко за кого-то просишь. С чего вдруг сейчас?

Тобиус неторопливо обобрал со штанов тыквенную шелуху, прежде чем ответить:

– Жалко парня. Заходится. Боюсь, как бы в степь не убежал.

Дан сплюнул в присыпанные пеплом угли.

– Я беру его с собой.
Тобиус засиял:
– Ну, здорово! А мальчишка неплохой, ты не думай...
– Лошадей сейчас купить можно? – перебил Дан.
Хозяин закил от смеха:
– Васяйских?
Вейн тоже рассмеялся.
– Мне бы хорских. А эту клячу подари первому встречному.
– Лучше верну ее хозяевам. Представляешь, как они обрадуются? А завтра сходим в деревню. Или я сам?
– Давай уж ты. Только с утра пораньше.
– Сделаю.
Дан потянулся и зевнул.
– Все, я наверх.
Тобиус спросил с подковыркой:
– Жельку прислать?
– Упаси Иша! – в притворном ужасе замахал Дан. – Поспать бы перед дорогой. Разбудишь, как все готово будет?
– Угу. А за мальчишку спасибо. Измаялся он.
Вейн посмотрел с любопытством на хозяина. Сказал искренне:
– Хороший ты мужик, Тобиус!

Печной бок, выступавший из кухни, остывал медленно. Юрка скинул одеяло в ноги и отодвинулся на край лавки, подальше от выбеленных кирпичей. Быстрее бы прошла ночь, и завтра – уже завтра! – в дорогу. Но заснуть не получалось.

Перевернул подушку на прохладную сторону, закрыл глаза и постарался дышать ровнее. Шумел дождь. Топала за стеной Желька.

Сколько им ехать? Тобиус говорит, караван проходит за полмесяца, но то караван с груженными телегами. А верхом? Одну неделю? Ну ладно, десять дней. Нет, много.

Тьфу ты! Все, спать. Взбил подушку, рухнул в нее лицом. Пинком сбросил одеяло на пол. Долго вслушивался в монотонный стук капель, стараясь не думать о завтрашнем дне, и наконец задремал.

...скользкая дорога, пропахший бензином ветер и огромный радиатор. Надвинулся, дыхнул жарко. Солнце сверкнуло на хромированной решетке. Мелькнули вцепившиеся в баранку руки, белое лицо шофера...

Юрка рывком сел. Суматошно колотилось сердце. Да что же это такое!

– К черту! – сказал шепотом. – Не хочу!

Пульс медленно успокаивался.

Юрка пошарил в кармане куртки, висевшей в изголовье. Выудил часы. Из-под двери пробивалась полоска света. Подставил в нее циферблат и с трудом разобрал: начало двенадцатого. Вот засада!

Перевернулся на спину и закинул руки за голову. Издалека донесся раскат грома. За стеной брякала посудой Желька. В обеденном зале бубнили на два голоса. Чего не ложатся? Завтра же с утра ехать. Или вейн передумал из-за дождя?

Не одеваясь, в трусах, Юрка вышел в коридор и прислушался. О бабах говорят. И трактирщик туда же, вот старый хрен. Впрочем, он мужик нормальный. Работу дал, менестреля расспросить посоветовал. А вейн – еще тот козел. Сапоги ему снять! Ну, сушиться-то их Юрка пристроил. Но рассудил, что грязью больше, грязью меньше – роли не играет, и плюнул внутрь голенища. Хозяин нашелся!

На холодных досках стоять было зябко, и Юрка вернулся к печному боку. Ничего, главное – попасть в Бреславль. Остальное неважно.

Угомонилась Желька. Под потолком, в углу, шуршали тараканы. Нужно заснуть, иначе эта ночь никогда не кончится.

К утру дождь прекратился, но небо оставалось сырым и тяжело нависало над «Перекрестком». На востоке громыхало и клубилось, загораясь рассвет. Лужи во дворе раскинулись от края до края, подтопив дверь погреба. Пес по кличке Брехун лежал на крыше будки, обсыхал и смотрел на двух хорских жеребцов. На крыльце топталась Желька, вздыхала томно.

Дан поправил арбалет и в который раз подумал: может, зря? Переждать спокойно. С чего он взял, что догадаются караулить в Бреславле? И мальчишку не придется с собой тащить.

– Не взыщи, потратил все до медяка, – говорил хозяин. – А знатно торговался! У Гаги даже нос покраснел. Как слива!

Но если хоть на четверть правда то, что болтают о Йорине... Дан вспомнил раскосые глаза цвета расплавленного золота. Вертикальные узкие зрачки, похожие на расщелины в горах. Ведьма, как пить дать! Да и Оун у нее мужик толковый.

– Этот – Кысь. – Тобиус потрепал по шее молодого жеребца. – Другой – Увалень, мальчишке взял. Ну, что скажешь?

Кони хороши. Но в степи Обрег хозяин. Интересно, если йоры возьмут след, кто – кого?

– Продукты – как обычно. Вода. Одежда. Дрова. Посуда кое-какая. Еще чего нужно?

Дан качнул головой и посмотрел на Юрку. Мальчишка терпеливо ждал.

– Ты верхом-то умеешь?

– Да.

Новый слуга довольно ловко забрался в седло, уверенно взял повод.

– Бывай, Тобиус! – махнул Дан.

– Благослови тебя святой Христофор!

Брехун громко, с подвыванием, зевнул и тявкнул вслед. Вдохнула Желька.

Выезжая со двора, Дан тронул амулеты. Ну, Шэт, отведи глаза! А еще лучше – займись Йориной.

По размытой дороге двигались медленно. Кони осторожно месили грязь, боясь оступить в наполненные водой колеи. Дан пару раз оглянулся: мальчишка держался неплохо. Интересно, где научился? В верхних мирах лошади не в почете, у них больше технологии – автомобили, поезда. Ничего не спрашивает, по сторонам не смотрит. Правда, кругом мало интересного: холмистые поля с прибитой дождями травой, чуть подальше – лесок, рядом с ним деревня.

– Чего молчишь, как сыч? – не выдержал Дан. – Страшно? Можешь вернуться.

Мальчишка резко мотнул головой, сбросив на лицо волосы.

Выехали к перекрестку. Возле огромной лужи топтались утки, шлепая перепончатыми лапами. Следы колес уходили направо, огибая холм. Вейн поехал прямо. Его Кысь, умница, ловко поднимался по глинистому склону. Увалень отстал.

На вершине Дан остановился, поджидая мальчишку. Тот подъехал, глянул удивленно и все-таки спросил:

– А как это?

За холмом лежала степь, сухая, выгоревшая на солнце, ровная до горизонта. Серая дорога разрезала ее пополам.

– Шэт его знает. Межсезонье.

Дан скинул куртку и расшнуровал ворот рубахи, выпустив наружу связку амулетов. Мальчишка тоже стянул джинсовку, оставшись в черной футболке. С футболки скалилась жуткая харя.

– Вещь, – оценил Дан. – Васяков хорошо пугать.

Юрка неожиданно улыбнулся, разом посветлев.

Дан недовольно сплюнул.

– Поехали. Шевелись, сопляк!

Кысь ступил на пыльную дорогу, всхрипнул одобрительно. Ему тоже нравилась жаркая степь, и Дан похлопал коня по шее.

Солнце потрогало макушку вейна, огладило плечи, а потом и вовсе обхватило горячими лапами, вытапливая воспоминания о холоде – ледяном ветре в ущелье, талом снеге в предгорье, затяжных дождях на Славской дороге, водопаде в покаях жрицы. Дан проторчал под ним больше часа, прислушиваясь к шагам Йорины. Ее каблучки неумолчно постукивали по мозаичному полу, жрица долго не ложилась, металась из угла в угол, и вейн обмирал: почуяла! Его запах, его дыхание, сонные чары, наложенные на подушку... А потом так околел, что стало все равно. Сожгут за святотатство? Спасибо, пресветлая Иша, наконец-то согреюсь!

Дан накрыл ладонью связку амулетов. Все-таки он молодец! Еще бы степь пройти да в проекцию не влипнуть и Обрега не встретить. А может, помер его шаман? Не рискнут тогда кочевать. Вон уже полгода назад старикашка еле ноги таскал.

Вейн поежился, вспомнив, как перетрусил, когда его захлестнул аркан. Но на своей земле, рядом со своими идолами, бий оказался гостеприимным хозяином.

...в белой войлочной юрте пахло дымом, мясом и чем-то кислым. Напротив Дана сидел Обрег. Его лицо казалось похожим на медную маску степного бога: такое же круглое, смуглое, вместо глаз – черные прорези. Справа уместился на кошме старик в буром халате и остроконечной шапке. Нашитые на ней бубенчики звякали, когда шаман раскачивался и тряс головой.

На широком блюде исходили паром тонкие лепешки, только что выловленные из бульона. Девка – узкоглазая, с длинными косами – вывалила сверху мясо. В пиалах подали янтарную шурпу.

– Это бешбармак? – с любопытством спросил Дан.

Обрег кивнул, подцепил лепешку и завернул в нее кусок баранины. От удовольствия его глаза сощурились еще больше. Дан вытер руки о штаны и последовал примеру хозяина. Некоторое время оголодавший вейн мог только жевать, отдуваясь и цыкая. Бий улыбался одобрительно. Шаман ел неторопливо и скучно.

Потом они пили чай со странным, солоноватым привкусом, и Дан решился спросить:

– Почему ты не боишься кочевать в межсезонье?

Обрег облизал жирные пальцы, причмокнул.

– Вкусно? Вкусно. А не уйду, голодно будет. Долгий снег. Долго сходит.

– А проекции?

– Шаман есть. Чует. Скажет – туда не ходи, и не пойду.

– А если неожиданно накроет?

Бий пожал плечами:

– Воля чужих богов. Но мы чтим их. Зачем им гневаться на нас?

Дан усмехнулся, и шаман сердито зазвенел бубенцами.

– Вы говорите: дикари. – Обрег перестал улыбаться и снова стал похож на медного идола. – Говорите, богам не нужны жертвы. Но мы каждую весну кочуем по вашей степи, а вы ее боитесь.

Дан вспыхнул:

– Я ходил в межсезонье!

Добавлять, что на третий день повернул обратно, – не стал.

– Да, – кивнул Обрег. – Знаю, говорили. Принимаю на своей земле как гостя. Но на чужой... Не я так хочу, боги.

...Замечательный был бешбармак. «Встретишь – попросишь угостить», – подумалось ехидно. Сплюнул через левое плечо и не удержался, оглянулся на Юрку. Мальчишка сидел свободно, равнодушно смотрел перед собой, и это разозлило Дана. Уже хотел обругать сопляка, но услышал далекий гул. На скачущий табун это не походило, на грозу тем более.

– С дороги! Пшел! За мной!

Гул накатывал, нарастая.

– Шэт! Вот дерьмо, – процедил Дан, останавливая Кыся.

В степи не спрячешься, не уйдешь, только коней загубишь. Помоги, пресветлая Иша! Грешен, так дай пожить еще, искупить!

Из-за горизонта вынырнули серые туши, похожие на громадных жуков. Блестели на солнце выпуклые глаза-кабины.

У Юрки приоткрылся рот.

– Это же... вертолеты!

– А ты думал, дракон? – язвительно поинтересовался Дан. – Проекция, мать вашу!

Патруль? Поисковики? Случайно залетели? Не поймешь, что хуже. Могут так, сдуру да с перепугу, пальнуть.

Пара вертолетов шла над дорогой ровно, как по нитке. Вейн сощурился, пытаясь разглядеть маркировку. Кажется, что-то незнакомое, вроде синий треугольник в круге. Шэтово изобретение! Покосился на Юрку. Мальчишка смотрел с удивлением и пугаться не собирався. Сопляк, их в степи из пулемета уложить – плевое дело. Вейн нащупал в связке амулетов крестик и стиснул в кулаке.

Винты гудели над головой.

В драках не боялся, в Уль-фадском склепе не перетрусил, в Малбайтских джунглях выжил, Йоровы лабиринты прошел, а тут... Как червяк на сковородке. Ничего сделать не может. Не из арбалета же им в стальное брюхо садить! Ладонь стала влажной от пота.

Иша милостивая!

Вертолеты уходили. Гул шлейфом тянулся за ними.

Дан с трудом разжал пальцы, выпуская крестик. Спасибо, пресветлая! Не забуду, самую дорогую свечу поставлю. Хочешь разноцветную, будет разноцветная.

– Как это, а? – громко спросил мальчишка. – Они же тут не могут, того... технология высокая.

Дан пошевелил лопатками. Взмок так, что рубаха к спине прилипла.

– А говорил, знаешь о проекциях.

Собственный голос показался хриплым, и вейн откашлялся.

– Так они – там? Не здесь? Нас не видели? А чего мы тогда... Или как? А?

– Там. И здесь.

– Но они же рухнуть должны были! Несовместимая технология! Часы маленькие, и то... А там электроники в тысячу раз больше!

– Спроси у наставников, – пожал плечами вейн.

Юрка смотрел, как щенок, только что осознавший: мир не ограничивается мамкиной конурой.

– Проекция – это не узел, – сказал Дан. – Это одновременно и тут, и там. Пока не засосало, законы и те, и другие. Наслаиваются. Хоть танковую колонну выводи.

С досадой поскреб щеку. Что ж так не везет, пресветлая! Надеялся хотя бы до вечера продержаться на дороге, но придется уходить в сторону.

Глава 2

Улица имела официальное название, старое, еще советских времен. То ли Краснокоммунская, то ли Краснокоммунарская. Местные говорили по-своему: Обводная. Она обхватывала город с запада, долго шла по краю промышленных районов и ближе к концу втягивалась в жилые кварталы. Там по одну ее сторону стояли панельные пятиэтажки, а по другую раскинулся частный сектор – Рабочий поселок.

В Рабочем поселке улицы были узкие, засыпанные щебнем. В палисадниках росла сирень, цвели у заборов жарки и одуванчики. По утрам и на закате проходило стадо коров, оставляя коричневые лепешки; в обед спешили на дойку старушки в аккуратных платочках. Паслись козы, скандально взмекивая на редкие машины. Шныряли по крышам коты. Ходили важные гуси и бестолковые куры. Бдительные хозяйки помечали птиц синькой: кто подкрасит грудки, кто – крылья, а кто проведет полосу на спине. Юрка как-то расписал своих акварельными красками. Курам процедура не понравилась, они истошно орали, и на шум прибежала бабушка. Пришлось тогда удирать через забор.

Днем улицы принадлежали мальчишкам, а к вечеру на лавочках у ворот собирались пенсионеры. Лузгали семечки, перекрикивались с соседями. Бабушка такие посиделки не жаловала. Но иногда калитку открывала старенькая Марья Ивановна и просила: «Маргарита Леонидовна, будь ласка». Бабушка снимала фартук, поправляла прическу – уложенные коронной волосы – и выходила.

– Саммит на местном уровне, – говорил дед.

Бабушка отмахивалась:

– Иди в свою берлогу. Мне человека нетрудно уважить.

Берлогой назывался старый, еще прадедушкин кабинет, устроенный на чердаке. Подниматься к нему приходилось по узкой лестнице, то и дело задевая подвешенные к потолку березовые веники. В маленькой комнатке единственную прямую стену занимали некрашенные полки. На них – подшивки журналов и книги, некоторые с «ятами» в тексте. Широкий стол приткнулся под скошенной крышей. На его углу прочно утвердилась чернильница в виде колоколов, из самого большого торчали авторучки и карандаши. Кресло стояло древнее, разошедшееся, но дед не хотел его менять. На стенах висели пожелтевшие фотографии. На самой старой – студент в узкой тужурке, Юркин прадед. Был и сам Юрка: младенцем с пластмассовым зайцем, постарше – верхом на деревянной лошадке и первоклассником с портфелем и букетом астр.

Дед мог сидеть в берлоге часами. Читал, смотрел новости по крохотному черно-белому телевизору. Посмеивался: «Никак мозги на пенсию не уйдут». Когда-то он преподавал историю в Юркиной школе. Учиться у него внуку не довелось: деда торжественно проводили на заслуженный отдых, когда Юрка окончил второй класс. Но до сих пор иногда в калитку заглядывали верзилы и робко спрашивали: «А Георгий Константинович дома?»

Летом дед спускался с чердака дымить на крыльцо. Он устраивался под кухонным окном, переговаривался с бабушкой и командовал курами, если они пытались похозяйствовать на грядках. Грустно поглядывал на пустую будку. После смерти Дика другую собаку заводить не хотел, но и будку разбирать не разрешал.

Зимой жался к печи. Приоткрывал дверцу – в закопченной глубине ало светились угли. Усаживался на низкую скамеечку и неторопливо посасывал трубку. Сизый дым утягивало в печной зев, но запах – табака с ромовой отдушкой – оставался. Юрка пристраивался рядом. Пока был поменьше, притыкался деду под бок. Потом стал независимо садиться на подоконник.

Бабушка ворчала:

– Опять на ребенка дымишь! Смотри, приучишь.

Дед отвечал, щуря глаза на печной огонь:

– Начнет курить – выдеру.

Внук высокомерно хмыкал. А то он не пробовал! Забирались с пацанами в кусты на задах школы и торопливо затягивались, пока мальки стояли на стреме. Это так не походило на дедов курительный ритуал, что Юрка быстро разочаровался. Да и денег на папиросы не хватало, а «стрелять» у богатых одноклассников было противно.

– И начну, – все равно говорил он. – Выйду на пенсию, заведу себе семь трубок. На каждый день недели.

Дед горестно вздыхал:

– Да, тогда уже не выдеру.

Юрка хихикал, представляя, как один пенсионер гоняется за другим с ремнем. Дед тогда казался вечным, таким же, как их дом...

Мотнул головой, отгоняя тоскливые мысли. Монотонная дорога усыпляла. Сколько уже едут, а все одно и то же – степь. Серо-зеленая гладь сливается на горизонте с серо-голубым небом, и нет им конца и края. Мелькнула тень. Птица. Кругами ходит. За ними следит или добычу высматривает?

– Тихо! – шикнул Дан. – Стоять.

Вейн подобрался и выглядел точь-в-точь как одичавший кот, принохивающийся к ведерку с рыбой.

– Шагом.

Юрка осторожно сжал лошадиные бока. И чего всполошился, степь как степь. Тащатся не быстрее пожилой черепахи, так и межсезонье закончится. Сердито посмотрел на Дана. Нет, спорить – дороже выйдет. Даст по зубам и разбираться не станет, прав или нет. Ничего, главное – попасть в Бреславль. А там он с огромным наслаждением пошлет «хозяина» к черту.

Дохнуло горячим воздухом, и вдруг почудилось: из-под серой травы просвечивает песок, красноватый, смятый барханами. Бледные солончаки засветились янтарем. Сухо зашуршало под копытами. Ни фига себе сюрпризы!

– Ну, помоги, пресветлая Иша! – сказал Дан и положил руку на связку амулетов.

Степь истончалась, таяла. Юрка обернулся. За спиной раскинулись пески, и ветер торопливо зализывал отпечатки копыт.

– Воду без разрешения тронешь – пальцы переломаю.

Юрка дернул щекой и смолчал.

Теперь они двигались так, что тень падала наискось от левого плеча. Глаза быстро устали от монотонно повторяющихся барханов.

– Вейн, – нерешительно окликнул Юрка.

– Говори: «хозяин»!

Вот ведь... Юрка покатал желваки и с вызовом – на, подавись! – сказал:

– Хозяин, это уже другой мир?

– Да.

– А какой? Верхний или нижний?

– Понятия не имею.

Юрка опешил:

– А куда мы тогда едем?

– Вперед.

Наугад, что ли? По пустыне? Почти без воды, без фуража для коней?

– Да объясните же!

Дан раздраженно повернулся. Показалось, сейчас отрежет: «Ты мой слуга. Заткнись». Но вейн ткнул вперед и велел:

– Посмотри.

Юрка послушно глянул из-под ладони.

– Кого-нибудь видишь?

– Нет.

– И я не вижу. И никогда не видел. Кто мне скажет, что это за мир? Думать-то надо. –

Дан постучал по лбу. – А если б и сказали: «Уважаемый, вы находитесь в пустыне Ибн-Шэт-его-побери-нах». Что с того?

– Тогда вы бы спросили у других вейнов, где эта пустыня. В каком мире, – упрямо возразил Юрка. Да, он мало знает, но он не дурак! – Или сравнили язык, ну, на котором вам ответили.

– В общем, правильно, – признал вейн. – Если не считать, что слова и географические названия в близких мирах схожи. Кстати, а ты что, получил новый язык?

– Н-нет, – с запинкой отозвался Юрка.

Странно. Тобиус же говорил...

– Вот именно.

– Получается, тут нет поблизости людей?

– Угадал. Это не мир – обрывок.

– Как это? – сердито спросил Юрка. Опять он ничего не понимает! – А проекция – это что, не кусок другого мира?

– Шэт... Да это тоже – проекция! Все проекции, ясно? Проекция – наложение. А наслоиться может что угодно. Хоть нормальный мир, хоть это.

– А в чем разница?

Ну точно даст в зубы. Вейн рыкнул, однако сдержался.

– Нормальный мир как? Вошел в него, и все, обратно только через узел. А этот от края до края проехать можно. Ясно?

Юрка замороченно кивнул. Дан оглядел его с макушки до пяток и уронил с усмешкой:

– Сообразительный.

Солнце поднималось, припекая все сильнее. Морщинистая от барханов пустыня расправлялась, ее затягивало серой коркой. Под копытами хрустело, с таким звуком ломается тонкий лед. Наст крошился под лошаадьми, но вскоре затвердел и стал выдерживать их вес. Впереди заблестела ровная, словно выглаженная утюгом, поверхность. Воздух над ней подрагивал.

– Почему здесь... так? – спросил шепотом Юрка и поморщился: сейчас начнется с этим «хозяином».

– Не знаю.

Голос вейна показался слишком громким для здешней тишины. Цокот копыт, дыхание коней, позвякивание пряжки на ремне, которым перетянута поклажа, – только те звуки, что они привезли с собой, и ни одного постороннего.

Дан уверенно ехал вперед.

Обернуться хотелось до судорог в спине, и Юрка сдался, посмотрел назад. Пусто. Даже ветра нет. Ничего и никого – во всем мире, покрытом слюдяной коркой. Только он и Дан. Две букашки между двух плоскостей – пустым небом и мертвой землей.

«Никого», – беззвучно шевельнул Юрка губами. Это не помещалось в голове. Он лихо-радожно обшарил взглядом небо – пусть не птицу увидеть, так тень ее. Пальцы стиснули повод: послать бы коня в галоп, оглушив себя стуком копыт.

– Тут никого нет, – процедил Юрка сквозь зубы. Он боялся сорваться и заорать.

– Естественно, – отозвался Дан.

Ладонь, сложенная ковшиком, прижалась к уху, пытаясь удержать чужой голос. Но звуки протекли сквозь пальцы и растаяли.

Тишина давила на барабанные перепонки.

Юрка не выдержал:

– Никого! Вообще!

Как истеричная девчонка. Заткнул кулаком рот, давясь страхом.

Гулко стучало сердце.

– Успокойся. Кое-что тут есть, – сказал Дан. – Иначе бы я сюда не поперся.

Главное – попасть в Бреславль, напомнил себе Юрка. Посмотрел на невозмутимого вейна. Тот спросил:

– Ты петь умеешь?

– Что?..

– Ля-ля-ля. Умеешь? Если невмоготу – пой.

– Перетерплю, – огрызнулся Юрка. Еще такого позорища не хватает.

Дан хмыкнул:

– Ну, терпи. Немного осталось. Вон.

На тонкой нитке горизонта возник крохотный узелок.

– Воевать случаем не приходилось? – поинтересовался вейн.

– Нет.

– Повезло. Завидую.

То ли шутки здешнего пространства, то ли Юрка, лишенный ориентиров, обманулся, но точка быстро превратилась в холм, потом его силуэт изменился, и стало понятно, что это остатки крепости. Слева высокая стена уцелела, справа обрушилась, открыв двор и перекошенную башню. Потянуло прохладой. Увален, разомлевший на жару, прибавил шаг.

Подъехав ближе, Юрка разглядел, что стена не обрушилась – она расплавилась. Башня оплыла, подобно свече; застывшие каменные бугры у основания надежно закупорили вход. Прочие строения были причудливыми и жуткими. Они перетекали одно в другое, щерились пиками, превращались в изогнутые арки с проплавленными дырами и расплывались кляксами. Казалось, кто-то слепил из пластилина макет и забыл под палящим солнцем. Но ведь крепость – настоящая.

Дан спешил и шагнул в густую тень. Положил ладонь на стену, гладкую, точно отлитую из черного стекла.

– Мир и покой вам.

Голос его прозвучал глухо.

– Тут что, атомная бомба взорвалась? – спросил Юрка.

Он не мог представить другую силу, сотворившую такое.

– Не думаю, – качнул головой Дан.

– А...

– Никто не знает. Даже что тут было раньше: город или так, отдельное укрепление. Мы говорим: «Цитадель».

Город? Так, значит, этот песок... эта серая корка... Юрку замутило, он судорожно сглотнул.

– Пошли, – скомандовал вейн и двинулся вдоль границы тени.

Юрка с трудом заставил себя ступить на спекшийся камень. Зашагал следом. Левое плечо, оставшееся на солнце, припекало. Правое мерзло.

Угловая башня, к которой привел вейн, просела на один бок. В полуметре над землей выплавилась дыра, похожая на открытый в яростном крике рот. Оттуда веяло холодом. Дан зажал в кулаке связку оберегов и шагнул внутрь. Кысь попытался отстать, всхрипнул,

замотал башкой, но вейн потянул его за собой. Юрка вытер о штаны вспотевшие ладони, покрепче взял повод Увальня и перелез через оплывший край.

Перекрытия в башне не сохранились. Стены – в каменных подтеках. Свисали острые, закрученные штопором сталактиты. Дан вел коня, лавируя в узких проходах.

– Не отставай, – бросил через плечо Юрке.

И кто-то заорал, перебивая:

– Назад!

...шепот, стоны, крики, размерные чеканные слова и торопливое бормотание...

– Та кень!

...топот множества ног, хриплое дыхание, треск рвущейся ткани...

– Майн гот! О, майн...

...выстрелы, лязг железа, сухой щелчок курка, писк рации, звон, с каким встречаются два клинка...

И никого не было.

Юрка зажал уши, но все равно слышал, как настаивал мужской голос:

– ...успеешь, понял?

– Мэ тил дэ нот, но пэрен, – отчаянно просил женский.

Хрипло, сорванно:

– Огонь!

– ...коэн, коэн, – повторял кто-то шепотом.

– Ро-о-о-ось!

...теньканье арбалетной тетивы, треск автомата, взрыв...

Юрка крикнул:

– Тут же никого нет!

Ответ Дана пробился сквозь мешанину звуков:

– ...эхо. Цитадель хранит его.

– Но они говорят по-русски!

– Ну и что? Война везде была. Пошли.

Юрка шагнул в каменный лабиринт.

– ...шить. И приготовьте с ампутацией.

– Ферли, толи шеверли!

– ...но пэрен! – снова закричала девушка.

«Не умирай», – понял Юрка.

Мальчишка оказался упрямым. Вздрагивал, поглядывал за спину, но шел. Дан разозлился: а с чего сопляку бояться? На войне не был, про эхо не знает.

– Шевелись, не крути башкой!

Юрка дернулся на окрик и споткнулся о каменный наплыв. Рванул повод, напугав Увальня.

– Раззява, – презрительно бросил Дан, и мальчишка ответил ему сердитым взглядом.

Коня, впрочем, он успокоил быстро. Вот откуда у парня из верхнего мира такие навыки?

Выбрались из башни в северный коридор. Тут было светлее – крыша оплавилась и стекла по стенам. Перекосило пол, он собрался буграми справа. Слева чернели провалы, похожие на впадины между ребрами. Призрачные голоса стали глуше, зато чаще ахали взрывы, стучал пулемет. Казалось, пули чиркают рядом, хоть падай на брюхо.

Дан уцепился за амулеты: «Помоги, пресветлая Иша! Мне не захочешь, так мальчишке помоги. Ты же детишек любишь. Сама понимаешь, иначе – через степь, а там жузги и полоса приборя. Он не пройдет».

– Под ноги смотри, – предупредил Юрку. – Провалишься, вытаскивать не стану. Мне тут задерживаться не резон.

Полуденное солнце, повисшее над ущельем северного коридора, слепило глаза и расчерчивало волнистый пол тенями. Звенели клинки. Кто-то орал, захлебываясь от боли, его заглушил радостный вой победителей.

А потом крикнул Вцеслав:

– Ложись, пацан!

...Лейтенант хлопнул Дана между лопаток, заставляя уткнуться в пожухлую листву. Пуля прошила ветки, посыпалось на спину крошево. Ух ты! Лейтенант насмешливо оскалится – блеснули белые зубы, яркие на загорелом лице. Глаза у него тоже яркие – голубые, девчачьи.

– Испугался?

Дан презрительно фыркнул. Было совсем не страшно, даже, пожалуй, весело, как бывает только в четырнадцать лет, когда дурак дураком.

– Ты откуда такой интересный нарисовался?

Лейтенант придавил к земле, не вывернуться. Сильно брыкаться Дан опасался, пули с той стороны ложились низко.

За кустами слева спросили:

– Лазутчика поймали?

Густой бас справа прокашлялся и обстоятельно посоветовал:

– Штаны снять и крапивой таких лазутчиков.

– Разговорчики! – прикрикнул лейтенант и стянул свою добычу поглубже в овраг. – Так откуда ты взялось, прекрасное дитя?

– Мимо шел! – ответил оскорбленный Дан.

– Ага. Гулял в районе боевых действий.

Внимательный взгляд обежал нарушителя, отметил странного покроя штаны и рубаху.

– Ну-ка, дай.

Лейтенант потянул за шнурок и выудил из-за пазухи у Дана связку амулетов. Покрутил перед глазами и вдруг сказал на всеобщем:

– Какие мелкие нынче вейны пошли. Неурожай, что ли?

У Дана рот приоткрылся. Какой-то лейтенантишка в каком-то занюханном мире...

– Верни! – сердито дернул шнурок.

– На, чужого добра не надо. Вот что, парень, узел, который здесь, близко, знаешь? Ну и сыпь отсюда.

Вжикнуло над головой, щепой брызнули ветки. Дан пригнулся, но вместо ковра из листьев уперся в оплавленный камень Цитадели. В спину ему дышал озадаченный Кысь. Шэтово эхо!

Дан оглянулся. Мальчишка стоял, выпучив глаза. Конечно, не каждый день увидишь, как стенку бодают.

– Чего застыл? – накинуся вейн. – Пинками тебя подгонять? А ну пошел!

Эхо накатывало волнами. С ощутимым толчком воздуха пролетел мимо виска арбалетный болт. Ага, переулок в Бросовых кварталах Сарема. Пальцы, удерживающие повод, сжали несуществующую рукоять ножа. Воняло помоями и дерьмом. За спиной хекнули, Дан мотнул головой, как и тогда, уходя от удара. Резануло плечо отголоском боли.

Пресветлая Иша!

Прошное наплывало, заставляя вспомнить то стычку в предгорье одного из нижних миров, то драку в разрушенном городе. А вот и деревушка, возле которой заработал шрам на левое бедро. Дан выругался, заметив, что хромает, и пошел быстрее.

– Не отставай! – рыкнул на Юрку.

...Влажный, душный лес. Вейн продирался через густые заросли, и за ним гнались бойцы с автоматами, вылитые Шэтовы дети: рожи измазаны грязью, головы замотаны тряпками. Настигли возле самого узла, им не хватило доли секунды, и выстрелы...

Дан вытер мокрое от пота лицо.

...Рвало болью ногу, попавшую в капкан. Матерился Грин, пересчитывая оставшиеся автоматные рожки...

Патроны тогда не понадобились – успели уйти на берег до прилива. Дан вдохнул воздух, пахнувший гниющими водорослями, и увидел, как сквозь оплывшую кладку проступили стены Старой крепости.

Вейн сидел за столом напротив подполковника Вцеслава Натадинеля. Постукивало, будто ветками о стекло – то чаще, то реже. Иногда противно взвизгивало, бухало, и с потолка на карту сыпался мусор. Качался огонек в лампе, оставляя черный след на колбе.

Дан сказал:

– Я думал, при вашем вооружении бой – оглохнуть можно.

– А ты высунься, – посоветовал Вцеслав. Смахнул песчинки с типографского леса. – Они тоже не идиоты, по каменным укреплениям без толку палить.

– Это я вовремя зашел, – пробормотал Дан. Шэт, ну и выбрал он тихое местечко!

...Все-таки странно одновременно идти и сидеть. Главное, не сбиться с направления...

– Ты даже не представляешь насколько! У меня приказ: держать переправу до подхода основных сил. Только подкрепления не видно. Если не придет, я просто людей положу, и все. Это пока до нас у зейденцев руки не дошли. Технику гонят через соседей, там хороший мост. Потом, как смогут, перебросят сюда авиацию и раздолбают нас к чертовой матери.

– Так сматывайтесь, чего ждете?

– Без приказа не могу. И обстановку не знаю. Может, мы тут нужнее.

– Ау, какой приказ? – удивился Дан. – У тебя же связи нет!

– Это ничего не отменяет.

Опять взвизгнуло, дрогнул под руками стол. Дан с опаской глянул вверх.

– А это что? Не авиация?

– Миномет, – отмахнулся подполковник. Ткнул в карту: – Ты лучше сюда посмотри. Это – замаскированный командный пункт, под учения готовили. Твой узел вроде рядом?

Дан, разобравшись в изгибах реки, кивнул.

– По-вашему километров двадцать по прямой.

– Там мощная рация. Пароли, конечно, сменили, но можно передать со старым и от моего имени. Я уже пробовал посылать связных. Из-под земли только сунулись, напоролись на охранение. Пришлось отступать. Хорошо, перекрытия старые, за собой наглухо обрушили. Отправил другим ходом. Так сегодня утром их у нас под стеной расстреляли.

...больно колени, саднит ладонь. Кажется, упал. «Всего лишь эхо!» – яростно напомнил себе вейн. Встать. Нужно встать. Он уцепился за повод...

Подполковник смотрел на Дана в упор. Глаза у него остались ярко-голубыми, как в бытность лейтенантом.

– Сделаешь?

Вейн тщательно разгладил карту. Два десятка километров – не так уж много, конечно. Если идти по мирному лесу, а не наперерез чужим войскам.

– Дан?

Впрочем, тут своих нет. Долго разбираться с пришлым никто не станет. Пристрелят, и все дела.

– Сам не понимаешь? – чужим, неприятным голосом спросил Дан. Так затевают свару склочные тетки на базаре. – Как я пойду?

– Я дам тебе оружие.

Угу, пистолетик. С вероятностью, что сработает после Середины, – ноль целых, хрен десятых.

В дверь стукнули. Вцеслав кивнул на каменный закуток, и вейн торопливо шагнул в тень.

...за спиной – шершавая кладка, совсем не похожая на оплывшие стены Цитадели. Захлестнула паника. Шэт побери! Где он?!

Вошел мальчишка лет пятнадцати. В грязных камуфляжных штанах и большой, не по росту, куртке. Подполковник не шевельнулся, но Дану показалось – обмякли под кителем плечи.

– Дворик, который у западной башни, тоже обстреливают, – сипло доложил мальчишка. – Из миномета достали. Лейтенант Миддель говорит, пока своих запасов хватит. Только у него пулеметный расчет положили, просит хотя бы одного человека.

Связной взъерошил короткие волосы, из-под пальцев посыпалась каменная крошка. Дан разглядел запекшуюся ссадину на подбородке и темные круги под голубыми, как у подполковника, глазами. Мальчишка судорожно сжал губы, борясь с зевком.

– Хорошо. Пусть Дорош из своих отправит. Передашь, и отдыхай. Поспи хоть часок. Мальчишка спорить не стал, кивнул устало.

Вцеслав пару мгновений смотрел на закрывшуюся дверь, потом повернулся к вейну.

– Сын? – спросил Дан, снова усаживаясь за стол.

– Да.

– Надо же, здоровый какой. Был сопляк сопляком.

Снова взвизгнуло и бухнуло, но подполковник не торопился освобождать карту от песка.

– Если бы я мог... Даже узел не чую.

«Сам выбрал», – хотел сказать Дан, но промолчал.

Вцеслав потер переносицу, щуря воспаленные глаза.

– А у тебя точно не получится? – спросил он. – Хотя бы пацана.

– Ты же знаешь, какой из меня поводырь. А через этот узел даже курицу не протащишь. Сам щемился, как кот под забором.

Вцеслав тем же движением, что и сын, взъерошил волосы.

– Я, конечно, пошлю еще связных, но шансов у них мало. Роту сюда перед учениями перебросили, местность не знают. Думал, сам пойду, на лейтенанта крепость оставлю. А потом глянул: совсем зеленый, не справится. Так что ты для нас – чудо. Если не будет приказа, все ляжем.

Шэт! Нашли дар пресветлой!

Вейн встал, оттолкнувшись от стола кулаками.

– Прости, Вцеслав, но это не моя война, чтоб я на ней погибал. Работает рация, нет – хрен его знает. А мне голову подставлять. Чудо ему! Да от ваших минометов ни одно чудо... Я не сумасшедший! Я жить хочу. И вы не ждите, сматывайтесь. Ну что за дурь? Какой, на хрен, приказ?!

Взвизгнуло совсем рядом, дрогнула стена – и та, Старой крепости, и еле заметная Цитадели. Дан понял, что сидит, навалившись плечом. Поднял руку, тяжело, медленно. Было страшно: если под пальцами окажется шершавый камень, значит – все. Он там, в Старой крепости, и не успел уйти до бомбежки...

– Вцеслав!

Подполковник смотрел на карту.

– Ты сам говорил – военная судьба. А я погоны не надевал, тем более – ваши!

Нарисованный лес занесло песком. Колыхался язычок пламени, ставя на стекло траурные отметины.

Вцеслав поднял голову.

– Ты бы поторопился, – сказал спокойно. – А то и вправду прилетят.

Вейн долго застегивал куртку, путаясь в шнурках и петлях.

– Презираешь? Твое право. Только никто из наших не согласился бы. Никто!

Крикнул – и осекся. Грин.

– Ладно, признаю, есть один ненормальный. Здешние ориентиры Алекс знает? Ну вот и отлично. Поищу его. Встречу – передам. Записки, где могу, оставлю. Больше ничего не обещаю. Это не моя война.

Слова, сказанные когда-то, царапали губы острыми краями, и кровь бежала по подбородку. Дан облизнулся, но вместо солоноватого привкуса ощутил пресную воду. Открыл глаза. Над ним стоял перепуганный Юрка. В руке – фляга, перевернутая горлышком вниз.

– Я же предупреждал, тронешь воду – пальцы переломаю, – прохрипел Дан. – Наклонись.

Пацан растерянно послушался.

Ударил вейн расчетливо – для науки, чтобы нос не сломать, а только расквасить. Мальчишка плюхнулся на задницу. Фляжка загремела, гулко ударяясь боками.

– Меня не волнует, что ты теперь будешь пить. Ясно?

Юрка промокнул рукавом нос и кивнул. Глаза спрятать не успел, и Дан усмехнулся его ненависти. Дурачок. Рано еще.

– Пошли.

Ближе к башне северный переход сохранил крышу. Пол выровнялся. Лучи, падая из бойниц, резали полумрак кусками. Кто-то надоедливо вызывал по рации Жука. Сорванный голос матом поднимал в атаку. Вейн шагнул через порог – и стало тихо.

Чудовищный жар, расплавивший все окрест и подтопивший каменные стены, почему-то не тронул небольшой зал. Сохранились на полу шершавые плиты с блестящими капельками слюды. Стены поднимались плавными арками, смыкаясь вокруг окошка в центре купола. Виделся кусочек неба, казавшегося недостижимо далеким отсюда. Столбом падал свет. Тут не было алтаря, не было креста, даже самого простого, высеченного на камне. Мощь укреплений наводила на мысли скорее о войне, нежели о молитве. Но войдя в башню впервые, Дан выдохнул: «Иша пресветлая!» И никогда более не думал об этом месте иначе, как о часовне. Он и сейчас нашел среди амулетов крестик: «Милосердная и всепрощающая, даруй благо детям твоим, грешным и неразумным».

Странно, но впереться сюда с конем не казалось святотатством. Зато на Юркины шаги Дан ревниво оглянулся и цыкнул, чтобы пацан не шумел.

Ну, помоги, пресветлая! Не отвернись, святой Христофор, покровитель путников!

Вейн вдохнул, ловя горькие полынные нотки. Щекотно прошло вдоль позвоночника, потрогало ледяными пальцами желудок.

– Что-нибудь чувствуешь? – спросил у мальчишки.

Юрка шмыгнул носом. Глаза у него стали удивленными и почему-то обиженными.

– Пахнет. Табаком с ромом.

Надо же.

– Здесь узел. Очень мощный. Нет, самый мощный из мне известных. Повезет – шагнем прямо к Бреславлю.

– В межсезонье? А разве можно?

– Тебя забыли спросить, можно или нет! За пояс держись. Уздечку на кулак намотай.

Мальчишка послушно уцепился. Нервно фыркнул Дану в шею Кысь.

Вейн шагнул в пятно света, и запах полыни стал гуще. Подернулись дымкой стены. Так, ориентир – площадка у Пастушьих ворот, устойчивый, даже пьяный в зюю уцепится.

Хрустнул позвоночник, точно Дан вскинул на плечи мешок с зерном. Заложило уши, и сквозь тугую воздушную подушку слышались голоса.

– ...гусиные шкварки. У свиных – не тот вкус!

– Жрать хочу, – проскулили в ответ.

Показался столбик, один из десятка ограждающих узел. Близко – руку протяни. Дан и протянул, но вместо резного дерева схватил воздух.

Скрипели колеса.

– А ну, стой! – возмутился тот, что толковал про шкварки. – Деревенщина! Порядка не знаешь?

Из тумана выплыл задок телеги, за обрешеткой брыкался и повизгивал мешок.

– Дак это... утром уплочено было.

Мужичья спина в пропотевшей рубахе изогнулась, плечо возмущенно вздернулось.

– Вы же сами и стояли, господин.

Столбик не давался, выскальзывал, точно рыбий хвост. Пот заливал глаза, хрустели позвонки.

– А, глянь! Глянь! – заорали рядом.

Дан выругался. Ну, еще немного! Пальцы уже коснулись отполированной грани... и все растаяло.

– Да отцепись ты! – Вейн оттолкнул Юрку, еле удержав руку, чтобы не ударить. – И коня своего придурочного убери!

Лягнул воздух, всколыхнув волну полынного запаха. Ну за что, пресветлая Иша?! За что караешь, милосердная? Поманила и бросила? С Йориной сговорила? Что же вы, бабы, стервы такие – что святая, что жрица!

Подумал – и ухватился за крестик, замаливая кощунственные слова. Сам тоже хорош. Поверил, что можно проскочить в межсезонье. Кому расскажи, засмеют. Умник нашелся! Наверняка ведь и другие пробовали, ну и где они? Нет, весной в Бреславль одна дорога – через степь.

– Значит, говоришь, сам пришел? – повернулся Дан к Юрке.

– Да!

Кажется, не врет. Или все-таки отлично притворяется?

– Вот тебе узел. Покажи свой мир.

– Но мне туда нельзя!

– Это еще почему?

– А как я обратно? У меня случайно получилось!

Дан ухватил сопляка за локоть.

– За кретина меня держишь? Я прошу только показать. Давай!

– Я не знаю как!

Вот щенок! Отвесил ему оплеуху, аж голова мотнулась.

– Скажи еще, ориентиры взять забыл.

– Какие ориентиры?

– Свои! На возврат!

– Я не брал!

Вейн от удивления ослабил хватку. Мальчишка отскочил и спрятался за Увальню. Крикнул оттуда:

– Я не умею!

Для вранья это было слишком наглым. Дан почесал щеку, разглядывая взъерошенного сопляка. Тот следил за ним настороженно.

– Ладно. Сделаем вид, что я поверил. Чтобы взять ориентиры, нужно запомнить конкретное место. Действуй.

Он вытолкнул Юрку в центр полынного запаха и приготовился смотреть. Уж сейчас-то новичка от опытного сразу отличит.

– А... как? – спросил мальчишка.

– Как можешь. Если ты, конечно, на самом деле вейн.

Юрка топтался растерянно.

– Давай-давай, глаза разуй посильнее. Ну?

Пацан вдруг вскрикнул и прижал ладони к лицу. Дан помянул про себя Шэта.

– Будто вспышка от фотика, – морщился Юрка. – У меня получилось, да?

– Откуда я знаю? Я тебе в черепушку не заглядывал.

Неужто вправду – новичок? Щурится беспомощно, моргает мокрыми ресницами.

– Давай дальше. Я тебя подержу, не вывалишься. – Положил руку мальчишке на плечо. – Вспомни то место, откуда ушел. Тут очень мощный узел, у него до хрена выходов. Начал! Звуки. Запахи. Что видел. Найди в себе.

Мышцы под ладонью закаменели. Дан старался говорить размеренно:

– Твой мир есть. Он существует. Ты часть его, ты его помнишь.

Свет – яркий, полуденный. Слева косой штакетник, за ним куст сирени с нежными весенними листьями. Гудение, яростный механический рев. По серой полосе асфальта мчатся железные туши, низко опустив брюхо между колес. Запах бензина и гари, забивающий полынь. По ту сторону дороги – светлые многоэтажки, в окнах отражается солнце. Блеснуло лобовое стекло автобуса, надвинулось...

Юрка вывернулся из-под руки, и видение пропало. Мальчишка отскочил к стене. В тишине часовни слышалось его неровное, как после долгого бега, дыхание.

– Я не могу домой! Мне в Бреславль! Обязательно!

Ух, вызверился! Откажи такому – в горло вцепится.

– Дорогу к выходу помнишь?

Юрка кивнул.

– Пойдешь первым.

Дан уцепился за седельную сумку Увальня и скомандовал:

– Ну, чего встал? Топай.

Эхо ожило, стоило шагнуть через порог. «Это не моя война», – напомнил себе Дан.

Глава 3

Тени удлинялись, все больше клонясь вправо. В ушах звенело – после криков, запертых в каменных переходах, здешняя тишина казалась оглушительной. Юрка часто оборачивался, смотрел на оставшиеся за спиной оплавленные стены. Дан, сорвавшись, наорал на пацана и врезал ему по шее.

Цитадель долго не исчезала с горизонта. Прошло больше часа, когда наконец под лошадиными копытами захрустела и начала трескаться каменная корка. Вейн открыл флягу, глотнул степлившейся воды и с удовольствием выругался вслух.

Вскоре хрусткий звук сменился шорохом, и ровная гладь пошла барханами. Кысь фыркнул, принюхиваясь. Наверное, чуял степные запахи. Когда появился ветер, их ощутил и Дан.

Воздух зазвенел от треска кузнечиков. Надоевший песок менял окраску, прорастая травой во всем множестве оттенков зеленого – от насыщенного темного до выгоревшего пепельного. Солнце сползало к закату. В потоках теплого воздуха парил орел. На поверхности степи то и дело вырастали живые столбики – суслики, обнаглевшие в межсезонье. Они нахально рассматривали всадников.

Дан торопился. Юрка, как ни удивительно, темп выдерживал. Вейну даже интересно стало: попросит или нет о привале. Мальчишка молчал, облизывал сухие губы. Упрямый. Или тренированный? Дан нехотя придержал Кыся. Так и лошадей загнать недолго.

– Хозяин, – окликнул Юрка, поравнявшись.

Дан посмотрел с любопытством. Ему же это слово язык жжет!

– Я хотел спросить. Можно?

– Рискни.

– Если я знаю ориентиры Цитадели, я могу хоть откуда в нее попасть? Ну, из любого узла?

– Нет.

– Почему?

Шэт! Приказать бы мальчишке заткнуться, но скоро земли Обрега. Глядишь, и впрямь пригодится. Если не врет, конечно.

Дан напряг память. Как там говорил наставник? Умно, красиво. Аж под парту хотелось залезть и не высовываться. Узел – межпространственное нарушение структуры, возникающее на базисных... э... как там... и плотность усредненной основы обеспечивает... Тьфу! Дан Уфф, пожалуйста на пересдачу, бестолочь.

– Узел – это такая хреновина. Торчит из Середины, а на нее налипли другие миры. Вот сколько налипло, столько и входов-выходов. Если найдешь хреновину, на которую налип мир с Цитаделью, то в него выйдешь. Из другого – хоть тресни, не получится. Ясно?

Пацан кивнул.

Вскоре показалась дорога. Она выглядела безобидной, но вейн на нее соваться не стал и поехал вдоль обочины. Мелькнула каменная пирамидка, поставленная еще в те времена, когда Бреславль называли деревней. Темнело. На северо-западе проклюнулся Глаз Селезня, первая звезда на закате. Мальчишка уже не так бодро держался в седле, и Дан прикрикнул:

– Не спать!

Юрка мотнул головой, сел ровнее – и удивленно уставился вперед.

Вот они, Три сосны.

Небольшой хвойный лесок смолисто пах в разогретой солнцем степи. Тихонько бурчал родник. Беззвучно падали иголки – среди ветвей суежилась белка. Вейн тронул шершавый

ствол и попросил, как обычно: «Благослови его, пресветлая Иша». Того, кто сотню лет назад забрел сюда через проекцию и высадил – бог знает зачем! – три крохотные сосенки.

Юрка тяжело сполз на землю.

– Чего расселся? Коня почисти. И марш за хворостом.

Пацан хмуро посмотрел через плечо.

– Я пару минут всего.

Ну, сам напросился! От пинка по хребту Юрка охнул и повалился, скользя ладонями по хвое.

– Живо!

Мальчишка выругался шепотом, по-своему, но вейн уловил знакомые слова.

– Разговорчики! – прикрикнул на слугу.

На приказания Дан не скупился, гонял пацана в хвост и гриву и, только когда в котелке забулькал, доходя, кулеш, разрешил:

– Садись, ужинать будем.

Мальчишка рухнул на лапник.

– Только ложки сначала достань, – злорадно добавил вейн.

Юрка резанул взглядом – ух, волчонок! – но поднялся.

Ели, старательно дуя на горячее варево. Мальчишка, даром что голоден, не суетился. Не сопел, не чавкал. Видно, приходилось ему сиживать за приличным столом и манеры растерять не успел.

– Слушай, парень, а тебя не учили, что кому попало доверять не стоит? – не выдержал Дан.

Юрка глянул исподлобья:

– А как же. Не садиться с чужими в машину и не брать от плохих дяденек сигареты.

– Так какого Шэта ты со мной поперся?

– Мне нужно в Бреславль.

Да, неудивительно, что Тобиус просил за пацана, – задолбает хуже дятла.

– А может, я извращенец? Ты мой слуга, прикажу штаны спустить, что делать будешь?

Юрка мотнул головой, сбросив на лицо вороную челку.

– Не прикажете. Про вас Желька говорила, аж облизывалась.

Вот неугомонная баба!

– Ну, должно же быть разнообразие. Вчера Желька, сегодня ты.

Пацан сжался в комок, того и гляди – порскнет в степь.

– Или на мясо тебя взял, а? Жратва кончится, начну по кусочку отрезать. Как такой расклад?

– Невыгодно, – огрызнулся Юрка. – На жаре протухну быстро.

Дан засмеялся.

– Ладно, иди дрыхнуть. Не трону я.

Мальчишка старательно закутался в куцее одеяло и закрыл глаза. Не засыпал он долго, вейн слышал неглубокое дыхание. Потом усталость взяла свое, и Юрка засопел.

Дан скинул кожаный жилет, рубаху. Мягко ступая, прошел мимо пацана. Стреноженный Кысь поднял башку и посмотрел на вейна, тот успокаивающе погладил коня по крупу. Увалень повернулся задом, махнул хвостом.

Ветер теребил перья на амулетах. Тускнели желто-красные отблески костра, и степь теряла цвет, становясь черно-белой. Призрачно светилась полоска солончака. Бормотала ночная птица. Круглая луна нависла, точно яблоко – протяни руку, сорвешь. Вейн жадно вобрал ноздрями воздух. Он пах травой и землей, нагретой за день. Живой, полнокровный, не то что в горах. Хоть во флягу набирай и пей, как тошно станет.

Напряг на груди мышцы и расслабил, со звериной радостью ощутив, как сильно и послушно тело. Родись он хищником с длинным хвостом, зарычал бы от удовольствия и перекатился с боку на бок, дрыгая лапами. Но он был человеком и просто лег ничком, раскинув руки. Под левой – спорыш, под правой – клевер. Стучало сердце, близко-близко к земле, и казалось, степь пульсирует ему в такт. Ветер трогал голую спину.

Дан перевернулся. Сонная земля покачивала, плыли над головой созвездия. Вон летит Селезень, ярко светится его Глаз. Скользит неспешно Челн, распустив парус. За Млечной Тропой его ждет Дева. Вейн сказал вслух:

Полночный звон степной пустыни,
Покой небес, тепло земли,
И горький мед сухой полыни,
И бледность звездная вдали.

Это читал Игорь. Менестрель – тогда еще новичок на Середине – долго упрашивал показать ему степь, настоящую, а не ту, что за обочиной тракта. Дан не соглашался, посылал к другим проводникам. Боялся: ну, как не поймет? Игорь же прицепился, точно блоха к кудлатой шавке, и все-таки уговорил.

Ночью они ушли подальше от костра. Лежали, и Дан учил менестреля слушать дыхание земли. Говорил, глядя в звездное небо:

– Горы, леса – это все сверху. Нарост, ороговение. Степь – земная шкура.

Он не мог объяснить, не находил нужных слов. Водил ладонями по траве, чувствуя пульсацию живых токов.

– Как у лошади, понимаешь? Положишь на холку руку, и мышцы под ней ходят.

Игорь долго молчал, потом тихонько засмеялся:

– Ты язычник, Дан. Ты... Черт возьми!

Земля качала их обоих, несла навстречу звездам.

Игорь шептал то, запомнившееся:

...Что слушает моя собака?
Вне жизни мы и вне времен.
Звонящий сон степного мрака
Самим собой заморожен¹.

Дан и сейчас повторил шепотом:

– ...самим собой...

Отпустило напряжение, ставшее привычным там, в горах. Легко, не касаясь земли руками, вейн поднялся. Пошел к лагерю, тусклой алой звездочке на горизонте.

Юрка спал беспокойно – разметался, скинув одеяло. Дан ухмыльнулся, увидев под рукой у пацана ножичек. Подцепил носком сапога – сверкнуло лезвие и кануло в темноту. Мальчишка даже не шевельнулся. Умаялся, непривычен к долгим переходам. Хотя и не слабак, про таких говорят: худой, но жилистый. Разворот плеч хороший, ладони широкие. На бойца не похож: не те мышцы подкачаны, не так двигается. Но драться наверняка приходилось. Вейн постоял, разглядывая мальчишку. Кто мог додуматься заранее посадить в «Перекресток» соглядатая? Посредник, на всякий случай? Заказчик кому-то проболтался? Или на самом деле – просто совпадение? Серdito поскреб щеку. Не хотел он, но все-таки придется.

¹ Иван Бунин.

Дан выудил из поклажи веревку и наклонился над Юркой. Рывок – пацан уткнулся лицом в лапник. Коленом на поясницу, выкрученные руки в петлю. Юрка брыкался, вопил матерное. Дан подтянул мальчишку к сосне и примотал, туго затянув узел.

– Пусти! Козел!

Хлестнул сопляка по лицу.

– Тихо!

Пацан замолчал. Уставился широко раскрытыми глазами. Ресницы у него подрагивали. С разбитой губы капнула кровь.

– Боишься? Правильно, молодец.

– Да пошел ты!

Дан усмехнулся:

– Уверен, что этого хочешь? Чтобы я ушел и оставил тебя одного? Привязанного, без оружия. Ну, чего молчишь?

У Юрки дернулся кадык.

Вейн поворошил палкой в костре и снова повернулся к мальчишке. Тот крутил за спиной связанными руками – шевелились плечи. Под задравшейся футболкой вздрагивал живот.

– На кого ты работаешь? – спросил Дан.

– Опять, да? Че, комплекс неполноценности замучил? Хозяин, блин!

– Не делай вид, что не понимаешь.

Дан плюнул в пышущие жаром угли и повторил:

– На кого? Что ты должен сделать? Только следить за мной? Или? Лучше говори сразу, сопляк.

– Да чего! – удивленно выкрикнул Юрка. – Не следил я!

– Ага, просто случайно оказался в «Перекрестке». Сейчас, в межсезонье. Тебе просто случайно нужно в Бреславль. Так нужно, что поехал Шэт знает с кем. В этот бред ты предлагаешь поверить?

– Но это правда!

– Не смешно.

Дан вынул из костра горящую палку и опустил перед мальчишкой на корточки. Маленький факел осветил лицо. Готово – перетрусил. Зрачки расширились. Подрагивает подбородок.

– Кто тебя нанял? На кого ты работаешь?

Задрал на мальчишке футболку, и Юркин живот судорожно втянулся.

– Ну?

– Мне нужно в Бреславль, и все! Честное слово!

Ох, прости, пресветлая Иша!

Обугленный конец с лепестками огня ткнулся пацану в живот. Мальчишка заорал.

– Говори, дурак! Кто?! – Дан прижал ему ноги коленом.

– Никто! – брызнули слезы.

Выругавшись, Дан отбросил палку. Придавил ладонью скользкий от пота Юркин лоб.

– Что тебе нужно в Бреславле?

– Я же говорил! И Тобиус тоже...

Вейн сильнее вжал его затылок в сосну, и мальчишка зачастил:

– Я ищу Виктора Зеленцова, с Земли. Ну, из моего мира. Менестрель сказал, он застрял на межсезонье в Бреславле.

– Кто он, этот Зеленцов?

– Вейн.

Ах ты, сопля! Дан ударил наотмашь, голова у Юрки мотнулась.

– Не зли меня! Кто он?

– Я не знаю! Только имя, и все!

– Зачем он тебе?

Мальчишка шмыгнул разбитым носом.

– Ну?!

– Он... из-за него погибла мама.

Пресветлая Иша!..

Дан вытащил нож. Юрка завизжал, скребя по земле пятками:

– Я ни на кого не работаю! Правда!

– Да не ори ты!

Кончиком лезвия подцепил туго затянутый узел. Мальчишка барахтался, торопясь сбросить веревки. Почувяв свободу, рванулся. Дан смотрел с любопытством: сразу побежит или попробует коня угнать?

Юрка метнулся к своему ножичку. Зажал в кулаке, но нападать не спешил, следил за вейном. Кровь текла у него по лицу.

Дан неторопливо поднялся и повернулся к мальчишке спиной. Пока шел к сваленной поклаже, чутко прислушивался. Юрка сопел в отдалении. Вейн покопался в сумке и вытащил флакон толстого стекла. Через плечо швырнул на лапник.

– На ожог клади погуще. И морду вытри!

Тихо. Даже сопения не слышно. Потом чавкнула пробка, и запахло травами.

Дан обернулся. Юрка вытряс на пальцы комочки белесой слизи и, морщась, мазал себе живот. Ножичек лежал у колена.

– Кстати! Если тебе, сопляк, придет в голову идиотская мысль зарезать меня сонного, подумай сначала. Во-первых, вряд ли получится. Во-вторых, это ничего не даст. Один ты не пройдешь. Вернуться тоже не сможешь.

Заснул Дан сразу, стоило закрыть глаза.

Он любил раннее утро в степи, когда солнце только поднимается, еще и не солнцем вовсе, а расплавленным золотом и алым туманом. Прохладный воздух пахнет росой. Стедется над землей еле заметная дымка. Орут птицы, захлебываясь от жадности. Откроешь глаза – жить хочется.

Но сегодняшний рассвет оказался испорченным. Во сне приходила Йорина. Губы ее подрагивали, выговаривая: «Верни. Ты погубишь нас. Ты оставил нас без надежды». Голос походил на хруст стекла, по которому топчутся в подкованных сапогах.

Дан хмуро повел плечами, разминаясь. Огляделся. Юрка дрых у костра, свернувшись калачиком и натянув на голову куртку. Угли дотлевали под слоем пепла. На дне котелка скопилась вода, плавали хвойные иголки. Влажно поблескивало в траве лезвие ножа. На мешке с продуктами сидела белка и нахально теребила ремешок.

– Я проснулся, – шепотом предупредил ее вейн.

Белка взлетела на сосну, только хвост трепыхнулся.

Дан натянул сапоги, зашнуровал куртку. Мальчишка все сопел. Вейн примерился и пнул слугу под ребра. Юрка ошалело вскинулся, спросонья чуть не угодив на угли.

– Ты должен вставать раньше меня, – сказал Дан. – Живо – костер, воду кипятить. Будешь лениться, выдеру.

Завтрак прошел в гробовом молчании. Юрка жевал недоваренную крупу, не поднимал глаз от котелка. Вейн рассматривал его смешную футболку и думал, что скоро начнутся земли, по которым кочует Обрег.

– Значит, так, запоминай, – велел Дан. – В любой... ну, практически в любой проекции есть узел. Он – ее основа. Может быть нестабильным, пульсирующим, но он есть. Проще всего найти узел по запаху. У каждого вейна – свой. Помнишь, как в Цитадели? Ну вот, если

ромовым табаком вонять начнет – здесь, ищи. Узел, он вибрацией отдается. В позвоночнике, в затылке, в пятках. Дыхание сбивается... Шэт!

Дан чувствовал себя стрелкой компаса, которую спросили, как она находит север. Школьный наставник, конечно, красиво заливал про поля и биотоки, но кто из вейнов это помнит? Кому это пригодилось?

– В общем, захочешь – почувешь. Слепые кутята тоже как-то к мамкиному брюху доползают. Найдешь, попробуй, какие подходят ориентиры.

– Я же их не знаю. Только Цитадель, и все!

– Кстати, о ней. Там узел разнесенный, бывают такие. Ну, как подковка, разными концами торчит. На выход – в часовне, на вход – в башне, в оплавленной такой, видел? По ориентирам попадешь в нее, дальше подземным ходом.

– Но я другое место запомнил, – растерянно сказал Юрка.

Дан помянул Шэта.

– Ты запомнил Цитадель, в нее и попадешь. Вон дорогу видел, там что, всегда одни и те же машины едут? Корова одна и та же стоит? Ты же не на нее ориентиры брал!

– Не знаю, – буркнул Юрка. – Если там была корова, мог и на нее.

– Ну тогда я тебя поздравляю! Жди, когда она снова мимо узла пройдет. А без ориентиров ломиться, конечно, можно, но не советую. Занесет куда-нибудь в море-океан, не выплывешь.

Мальчишка смотрел угрюмо, и Дан вспылil:

– Я что, нанимался сопляков учить? Сам напросился! Так или нет? Ну?

– Так, – нехотя признал Юрка.

– Говори: «хозяин»! – прикрикнул вейн.

Пацан раздул ноздри и спросил, высоко вскинув подбородок:

– А не будет ли столь любезен хозяин одарить своего слугу ориентирами? Хоть самыми завальщиками.

Вот... щенок!

– Интересно, как? Через маячок? Ты его подвесишь? Или узел где-нибудь видишь, в связке поработать? А? Раньше надо было думать. Все, встали!

Юрка не тронулся с места.

– Зачем вы мне это рассказываете?

– Захотелось. Поднимай задницу! Расселся, как на именинах.

Дан осторожничал, опасаясь влететь в проекцию, и коней не гнал. Раньше срока степь не пройдешь, а Обрег может кочевать где угодно. Впрочем, Стрешкины луга объехать не помешает. Спустя час он начал забирать вправо. Юрка, убаюканный неторопливой поступью Увальня, спохватился не сразу, и ему пришлось догонять. Дан наградил мальчишку подзатыльником.

– Язык проглотил? Что сказать надо?

Юрка выдавил, глядя в сторону:

– Простите, хозяин.

Лучше бы он врал, подумал Дан. Пресветлая Иша, как было бы просто, если бы мальчишка врал!

Припекало солнце, подсушивая росу. Накалилась степь и заблестела солончаками. Запах лошадиного пота приманил слепней. Кысь раздраженно отмахивался хвостом. Дан натянул куртку на запястья и зашнуровал ворот. Попировать вволю у кровопийц не получилось – вскоре небо подернулось облаками, потянуло ветром. Полынь стелилась под его дуновениями, и вейну казалось, что рядом узел.

К обеду серо-зеленая гладь сменила окраску на более темную, обведенную на горизонте желтой полоской камыша. Запахло водой, в степной хор включились кряквы и жабы. Долго ехали вдоль топкого берега, пока не выбрались на косу. Дан скомандовал большой привал.

Первым делом искупали лошадей. Мальчишка держался без седла цепко. Увалень вредничал и пытался цапнуть всадника за колено, но Юрка справился. Кысь с удовольствием забрался в реку по брюхо, жмурился и тихонько фыркал, пока хозяин скреб ему бока.

Стоянку Дан обустроивал сам, отправив Юрку стирать. Пацан скомкал штаны и плюхал ими возле берега, поднимая со дна тучи ила. Вейн разозлился всерьез. Наорал, треснул по уху и показал, как следует обращаться с походной одеждой.

На обед сварили уху. Дан соорудил из тальника и сетки простенький бредень, загнал мальчишку по пояс в воду и забрался сам. Пошли вдоль берега. Прут в руке подрагивал, гнулся, однако выдержал. Выволокли добычу. Заблестели в траве окуньки и щурята. Потрошил рыбу Юрка, довольно ловко, правда, чертыхался, колясь о плавники. Готовил вейн, побоявшись доверить мальчишке столь ответственное дело. Сначала отварил окуньков с луком и морковью. Потом вытащил мелкую рыбешку и запустил в ту же воду щучек. Сдобрил рисом, лавровым листом и черными горошинами перца. От души поблагодарил Тобиуса, раскопав в недрах сумки пучок укропа.

Уха получилась такая, что Юрка урчал, как уличный кот, и еле успевал выплевывать косточки. Дан польщенно улыбался и даже не погнал пацана сразу же мыть посуду. Валялись, подставив солнцу животы. Ветер трепал одежду, развешенную на иве. Ну просто Малдазийский курорт, а не степь в межсезонье.

– Смотрите! – Юрка приподнялся на локтях.

Над водой кружила фиолетовая птица с розовым хохолком. Она вытягивала голову на длинной шее, поджимала лапы и вообще вела себя как барышня из хорошей семьи, которой предложили посидеть на грязной травке.

Птица опустила, по-лебединому презрительно изогнула шею и задрожала хохолком. Лапы взбили мутную воду, на одной сверкнуло кольцо. Домашняя, с прудов залетела. Разве тут выживет? Дан потянулся за арбалетом, но покосился на Юрку и передумал. Ладно, каждый имеет право на свой шанс.

Мальчишка, видно, заметил его движение. Спросил:

– А огнестрельное оружие у вас есть? Ну, самое простое.

– Да хоть пулемет. Ежели кто протащит.

– Тогда почему?.. – Юрка повел подбородком в сторону арбалета.

– Я ж не купец, чтоб по дорогам ездить. Мало ли куда занесет.

– Но говорят, если Середина примет, то уже все.

Дан зевнул. Его разморило после обеда, и воспитывать бестолкового сопляка было лень. Проще ответить.

– Оружие – это система. Порох или пули – надо? Надо. Кремень, допустим, истерся. Смазка, опять же. Заменяешь одну деталь – меняется вся система. А чем сложнее система, тем менее устойчива. Так что, соберешься воткнуть новую батарейку в часы, подумай сначала. А арбалет... Тетиву я хоть где раздобуду, болты тоже. Да и вообще... подходящее оружие. Тихое.

– Но в принципе купить пистолет можно? В Бреславле?

– Запросто. Если денег хватит.

Юрка помолчал. Дан уже начал дремать, когда настырный пацан спросил:

– Ну ладно пистолет. Технология. А человека?

– Что – человека? – раздраженно спросил Дан. – Купить?

– Да нет же! Провести из мира в мир. Очень сложно?

Тьфу ты.

– Смотря кого. Если дар есть, ну, как у тебя, например, без проблем. Даже поводырем быть не надо.

– А если нет?

– Тогда сложно. Мало кто может, и то не любого. А кто может, редко соглашается. Ну его к Шэту, здоровье гробить.

– Почему?

Вот привязался!

– Да Середина же! Она или принимает, или отсекает все, что не по ней. Не пропустит, и хоть тресни. Люди вообще... система сложная.

– А если не через Середину?

– Совсем дурак, да? Я же говорил: узел – это такая хреновина, торчит из Середины. Только с нее выйдешь и в нее же войдешь.

Мальчишка посопел и разродился новым вопросом:

– Их вообще много, миров?

Ну не даст же поспать!

– Два месяца назад над дверью часовни Святого Христофора, покровителя путешественников, было написано число триста двадцать восемь, – отчеканил Дан. – Это общеизвестных. А сколько еще ориентиров вейны по карманам прячут, никто не считал.

– А сколько знаете вы?

– Достаточно. Все, отцепись! Через сорок минут разбудишь. Костер закидаешь землей, посуду помоешь, вещи соберешь. Кругом поглядывай, мало ли что.

– И горох перебери, – пробормотал мальчишка.

– Если найдешь, можешь перебрать, – разрешил Дан, прикрывая глаза рукой. – Только тихо.

Стрешкины луга объехали, круто забирая на северо-восток, но не прошло и трех часов, как послышался стук копыт. Юрка беспокойно завертел головой. Вейн дергаться не стал, понимал – догонят. «Прости, пресветлая Иша! – подумал он. – Сама видишь – не хотел». Остановил коня. Рядом пристроился мальчишка, зашипел:

– Вы же говорили, тут не ездят! Кто это? Чего им надо? Это степняки, да?

Дан отвернулся.

Маленькие всадники на легких жеребцах обошли справа и слева, замыкая круг. Видя, что добыча ведет себя благоразумно, за арканы хвататься не спешили.

– Казахи? – удивленно шепнул Юрка.

Вейн поправил:

– Жузги.

Меднолицые воины довольно шурились. Старый шаман бормотал молитву, и бубенцы на островерхой шапке вторили ему звоном.

– Бий! Салеметсиз бе! – сказал Дан.

Обрег выехал вперед.

– Здравствуй, вейн. Мне жаль, что мы встретили тебя.

– Так отпусти.

Возмущенно заскрежетал шаман, Обрег жестом остановил старика.

– Вейн, ты помнишь мое слово, – сказал бий.

Дан, конечно, помнил. Он ругнулся про себя и мотнул головой, показывая на Юрку.

– Как условились.

– Кто с тобой? Спутник, господин или слуга?

– Слуга, – твердо ответил Дан.

Обрег прикрыл глаза веками. Так он еще больше походил на медного божка. Молчал шаман.

– Ты говоришь правду, – согласился бий и посмотрел на Юрку. – Кто для тебя этот вейн – господин, спутник или слуга?

Мальчишка искоса глянул на Дана. Сказал, как выплюнул:

– Господин.

Бий шевельнул толстыми губами:

– И ты говоришь правду.

«Ну так!» – с отвращением подумал Дан.

– Вейн, ты отдаешь нам своего слугу?

Ох, пресветлая Иша, сама виновата, что не выпустила из Цитадели. Были бы сейчас в Бреславле...

– Да, отдаю.

– Что?!

Юрка дернул повод. Аркан тенью метнулся в воздухе и сдернул мальчишку с седла. Пацан охнул, ударившись о землю.

На лице медного божка расплылась улыбка.

– Удачи тебе на твоей дороге, Дан.

– И тебе, Обрег. Кош болыныз!

Вейн прицепил к седлу повод Увальня. Жузги расступились, пропуская.

– Дан! – отчаянно крикнул за спиной Юрка.

Он не обернулся.

– Сволочь!

Вполне вероятно, согласился вейн. А ты – дурачок, к тому же невезучий.

– Пустите!

Юрка дернулся, но аркан подсек и свалил на землю. Куда ни глянь – лес из лошадиных ног, не вырваться. Смотрят сверху круглолицые узкоглазые воины, их лица похожи, точно маски. Переговариваются непонятно.

– Мне нужно в Бреславль!

Юрка вскочил, и его снова заставили упасть.

– Вы не имеете права!

– Почему? – спросил на всеобщем тот, кого Дан называл бием.

– Он не мог меня отдать, я не вещь!

– Ты сам назвал его господином.

Юрка скрипнул зубами, вспомнив, как стаскивал с Дана сапоги.

– Я не раб, а только слуга. На время!

– Он твой господин, – повторил бий.

– Но мне нужно в Бреславль!

Обрег развернул коня, следом пристроился старик в островерхой шапке с бубенцами.

Юрка дернулся, и опять резануло арканом плечи.

– Мне нужно, слышите! Пустите!

Молодой жузг спешил, подошел к пленнику.

– Отвали, урод!

Юрка лягнул, метаясь в пах, но степняк легко увернулся, и кругом засмеялись.

Невысокий парень оказался сильным и скрутил его запросто, точно тряпичную куклу, спутал концом аркана руки. Быстро обыскал, нож забрал себе. На часы прищелкнул языком, однако оставил. Кто-то другой, жадный, потянулся снять, но жузг прикрикнул и оттолкнул. Юрка топорщился, ругался – без толку. Его перекинули вниз головой через лошадиный

круп и придавили локтем. Мотнулась перед глазами земля – степняк пустил коня галопом. Юрка зажмурился. Остро пахло лошадиным потом и дегтем от жужгов сапог. Сбившиеся внутренности застряли в горле склизким комком. Хлестнула по лицу полынь. Послышались крики, собачий лай.

Швырнули вниз. Юрка не успел перевернуться и больно грохнулся на спину. Земля качалась. Маячили высоко в небе всадники. Приплясывали, не желая стоять на месте, лошадиные ноги. От них рябило в глазах, и пришлось сглотнуть, проталкивая взбунтовавшийся желудок на место.

Шершавые пальцы тронули лицо. Юрка отшатнулся, неловко опираясь на связанные руки. Перед ним сидел на корточках шаман.

– Вам чего, а?

Старик пошарил у него за пазухой.

– Не лапай меня!

Юрка попытался двинуть извращенца коленом, но кто-то зашел со спины и жестко стиснул загривок. Шаман беспрепятственно провел по шее, ощупал запястья. Удивился.

– Амулет? Где?

– Какой амулет? Чего вам?

Старик заговорил по-своему, словно ворон закаркал. Хватка разжалась, Юрка дернул головой.

– Не дерись, и с тобой будут обращаться хорошо, – сказал на всеобщем парень, что привез его на своей лошади. – У тебя есть какой-нибудь амулет?

– Ничего у меня нету!

Шаман ухватил за ворот футболки и потряс, сердито глядя на нарисованного монстра.

– Это твой бог? – спросил парень.

– Сдурели? Нет!

Старик удовлетворенно каркнул, спросил еще что-то. Молодой жузг перевел:

– Ты веришь в своих богов? Ты обещан какому-нибудь богу?

– Нет.

Шаман довольно кивнул, бубенчики на его шапке зазвенели. Закряхтев, старик поднялся и пошел к юртам, ему торопливо уступали дорогу.

Парень сказал, распутывая узлы на веревках:

– Хорошо. Значит, боги не будут спорить из-за тебя.

Юрка зашарил взглядом. Вон лошади, оседланные, но рядом их хозяева. Угнать не получится, а побежишь – догонят.

– Как тебя зовут? – спросил молодой жузг. Он смотрел доброжелательно и даже улыбался.

– Юрий! – ответил с вызовом.

– А меня – Азат.

К жузгу подковылял мальчишка лет семи. Он припадал на левую ногу, но спешил изо всех сил. Подал сверток и сказал что-то, повторив несколько раз имя бия – Обрег. Парень тронул ладонью черноволосый затылок с розовыми проплешинами, но калека мотнул головой, избегая ласки.

Азат развернул сверток, и Юрка вспыхнул. Малек принес ошейник – с медными клепками, прошитый проволокой, с цепочкой, пристегнутой к коротеньким дужкам. Нетрудно было догадаться, для кого. Вот гады! Юрка рванулся к лошадям, успел схватиться за стремя, но его сбили с ног. Прижали к земле, выкручивая руки. Кто-то дернул за волосы, запрокидывая голову так, что стало трудно дышать. Кожа с медными клепками коснулась шеи. Щелкнула застежка. Все.

Его отпустили. Юрка ткнулся лицом в землю, не пытаясь подняться. Дан, сволочь...

– Вставай, – велел Азат. Цепочка дернулась. – Не бойся, тебя больше не будут бить.

– Вот еще! – вскинулся Юрка. – Я не боюсь.

– Тогда пошли, ты будешь жить у нас.

– Жить? – Юрка прокашлялся. При каждом движении кадыка ошейник давил на горло. – Рабом, да? Обойдетесь!

Малек смотрел на него, приоткрыв рот. Губы у него обметало болячками.

– Ты не раб, ты – дань богам, – сказал Азат. – Пойдем.

Цепочка висела в воздухе, жузг не спешил ее натягивать. Юрка встал.

Шли медленно, малек старался не отставать, сопел и пыхтел. Встречные рассматривали пленника с любопытством. Азата окликали, говорили что-то похожее на похвалу или одобрение. Молодой жузг каждый раз останавливался, заводил беседу. Малек тогда хватал его за руку и поджимал хромую ногу.

Юрта, к которой пришли, не выделялась среди прочих ни бедностью, ни богатством. Азат откинул войлочный полог и потянул пленника за собой.

Внутри было темновато – свет падал сверху, из зарешеченного отверстия в куполе, в него же уходил дым. Пахло овечьей шерстью и подгоревшим жиром. Рябило в глазах от множества ковров – больших и маленьких, тканых и катаных, одно-двухцветных и пестрых. В центре, у очага, возилась пожилая женщина в наглухо застегнутом одеянии. Она бросилась к ним, хотела расцеловать малька, но тот вырвался. Хозяйка засмеялась, метнулась к Юрке и, встав на цыпочки, коснулась его лба сухими губами. Он испуганно оглянулся на Азата. Жузг прикрикнул по-своему, и женщина вернулась к очагу. Наклонилась над котлом, пряча улыбку.

Степняк разулся и велел, чтобы пленник сделал то же самое. Повел по войлочному ковру в правую половину юрты. Тут стояла низкая постель, накрытая стеганым одеялом. Над ней висели кинжалы в ножнах, украшенных чеканкой. В изголовье приткнулся ящик с плоской крышкой. На полках валялись скребки, шило, обрезки кожи. Левая сторона, наверное, принадлежала женщине – там тоже виднелась постель, но богатая, с атласным покрывалом и горкой подушек. На окованном сундуке теснились плошки и мисочки.

Азат сел, точно йог, выставив колени в разные стороны. Юрка устроился, как привык – согнул одну ногу и оперся на нее локтем. Малек привалился под бок к парню и неотрывно смотрел на пленника, трогая языком коросту на губе.

– Мой брат, Ичин, – сказал Азат. – Калима – наша мать. Отец погиб, давно. Я старший мужчина в семье. Ты здешний?

– Нет. Я из другого мира.

– Зачем ты пошел этой дорогой в божье время?

– Мне нужно в Бреславль. Если вы из-за выкупа, я найду чем заплатить. Честное слово!

Азат покачал головой.

– Голод гонит весной на эти пастбища, и, чтобы задобрить чужих богов, мы приносим им жертвы. Господин подарил тебя.

– Он права не имел! Сволочь он, а не господин!

– Почему? Умный человек, уважает богов. Мог драться, но решил дело миром. Чем плохо?

– Ну, это кому как! – Смешок получился истеричным. – Вы же меня теперь убьете?!

– Будут решать боги. Шаман чует, когда из-за их гнева путаются миры... У вас есть слово, – Азат задумался, вспоминая. – Про... Проц...

– Проекция?

– Да. Чтобы боги успокоились, мы отдаем им жертву.

– Убиваете.

– Нет, – замотал головой Азат. – В другой мир. Пусть уходит, и боги обретут спокойствие.

– Хочешь сказать, когда вы встречаете проекцию, то выбрасываете в нее пленника?

Азат кивнул.

– Сейчас межсезонье, через степь не ездят. Если не я, кого бы отдали? Корову? Давайте я вам пять штук куплю!

Руку с часами Юрка осторожно завел за спину – с жужгов станется отнять и самим продать иномирскую диковину.

– Нет, не корову. Человека. Если не ты, то очередь Ичина. Так решил Обрег.

Юрка посмотрел на малька. Тот опустил голову и шмыгнул носом, втягивая соплю.

– Ичин – калека, но он умный. Он понимает ваш язык.

Ладонь Азата тронула плешистую макушку брата. Женщина у очага заплакала.

Остаток дня Юрка просидел на цепи – ошейник пристегнули к железному кольцу, вделанному в решетчатый каркас юрты. Азат и Ичин ушли, Калима толклась по хозяйству. Выходила она редко. Когда женщина первый раз скрылась за войлочным пологом, Юрка попытался освободиться. Ошейник оказался заклепан на совесть, хотел выломать крепеж – прутья не поддавались. Калима вернулась бесшумно. Юрка заметил ее, когда женщина потянула за цепочку. Глянул с вызовом – он не обещал сидеть смирно! Хозяйка что-то крикнула, и Юрка испуганно замер. Лицо у жужги было безумное. Казалось, дернись, и гвоздями к стене приколотит.

На закате вернулся Азат, отцепил пленника. Калима следила внимательно, не рванет ли будущая жертва к выходу. Юрка не пытался, понимал, что догонят сразу. Успокаивал себя: шанс еще будет, не может не быть!

Азат сел к очагу, небрежно бросив конец цепочки на ковер. Калима укорила негромко, но жужг бровью не повел. Юрка опустил рядом, постаравшись правильно скрестить ноги. Глядя на него, улыбнулся Ичин, лизнул болячку в уголке рта. Юрка отвернулся. Из-за калеки, который долго не протянет в степи...

Ужинали бараниной с рисом. Хозяйка выложила кушанье на общую тарелку, и все брали с нее руками. Юрка помедлил, глядя, как малек копошится в еде грязными, в коростах, пальцами, но голод пересилил брезгливость. Пленника не одергивали, позволяя наестся, хозяйка даже подпихивали ему лучшие куски. Если б не ошейник, казалось – принимают гостя.

После ужина у матери со старшим сыном вышел спор. Парень хмурился, возражал, но Калима настаивала – и все-таки взяла верх. Перед тем как лечь спать, она связала пленнику руки и замотала другой конец веревки себе вокруг запястья. Юрке пришлось устроиться рядом с низенькой кроватью на женской половине юрты. Вытянулся на кошке, неловко приподняв локти. Плечи быстро затекли.

За тонкими стенками выли и грызлись собаки. Было душно. Кололся войлок, громко похрапывал Азат. Уснуть у Юрки не получалось.

Дан, скотина! Обманул, продал. Знал, что так выйдет, недаром о проекциях рассказывал. А если выбросят куда-нибудь вроде той каменной пустоши? Унюхаешь там узел, как же! Быстрее сдохнешь без воды и припасов. Или к дикарям отправят, те сожрут и не подавятся. Впрочем, оказаться без денег и документов в современном мире тоже не сахар. Нужно бежать. Он должен попасть в Бреславль!

Юрка повернулся, и ошейник сдавил горло. Звякнула цепочка. Калима тут же встрепенулась, пошарила в темноте. Скривившись от брезгливости, позволил ощупать лицо.

Глава 4

Дни у жузгов начинались рано: решетчатый круг в центре купола еще оставался пред-рассветно-синим, когда поднималась хозяйка. Женщина снимала веревку со своего запястья, туго приматывала Юркины руки к изголовью кровати и спутывала ему ноги, точно лошади. Он просыпался от ноющей боли и тихонько возился, пытаясь устроиться поудобнее. Лечь уже не получалось, додремывал сидя.

Калима уходила на дойку. Первое время в ее отсутствие Юрка теребил зубами узлы, но только сильнее их затягивал. Путы врезались в кожу, руки опухали и долго ныли. Пробовал перегрызть веревки, свитые из конского волоса. Те не поддавались, а рот наполнялся солоноватой, с кровью, слюной. Как-то от его шебаршения проснулся Азат. Бесшумно ступая по коврам, подошел. Юрка думал, ударит, но жузг только проверил, надежно ли связан пленник.

Возвращаясь, хозяйка приносила бурдюки с молоком. К этому времени решетчатое отверстие на потолке светлело. Калима разрывала угли, схороненные под слоем пепла. Из мешка доставался сухой навоз, который деятельно стаскивал днями Ичин. Разгорался кизяк не хуже бересты. На треножнике повисал котел и наполнялся молоком. Пока оно нагревалось, женщина замешивала хлеб. Юрку от этого зрелища мутило, он отворачивался, а то потом кусок не лез в горло. Калима оголяла колено и на нем мяла сероватый комок теста, тискала, шлепала об ногу. После лепешка укладывалась на смазанную жиром сковороду, накрывалась сверху второй и засовывалась в огонь. Закипевшее молоко сливалось в ведра. Женщина священнодействовала, высоко поднимая половник и сбивая пенку. Загустевшая к следующему утру, пенка становилась лакомством для Ичина.

Воздух в юрте нагревался. В котле потрескивали зерна пшеницы, брызгалось и шипело раскаленное масло. Калима собирала для Азата сумку – бокшу. Укладывала в нее свежий хлеб, мясо и твердые шарики из соленого творога, которые назывались куртом.

Просыпался Ичин, возился под боком у старшего брата, зная, что, пока тот не встанет, завтракать не дадут. Юрка тоже ожидал пробуждения хозяина с нетерпением.

Азат отвязывал пленника, снимал с ног путы и выводил из юрты. Цепочку он вешал себе на пояс. Юрка сердился, просил хотя бы тут отпустить, но жузг не соглашался. Сам он не стеснялся присутствия соседей и мог завести беседу, сидя на корточках.

На мытье отводилась пара минут. Воды в ведре плескалось на донышке, и ту приходилось делить с Азатом и Ичином. Через несколько дней Юрка стал так же грязен, как остальные. Волосы слиплись сальными космами, футболка и штаны лоснились от жирных пятен. Воспалился ожог – памятка Дана. Кожа под ошейником зудела и чесалась.

Завтракали быстро, Азат торопился на пастбище. Ели жареную пшеницу и вчерашнее мясо, запивали зеленым чаем, щедро забеленным молоком и присоленным. Потом молодой жузг уходил, и почти сразу же исчезал из юрты Ичин.

Пленника Калима пристегивала неподалеку от входа. Работать его не заставляли, и сначала Юрка этому радовался, но затем стало казаться, что от бесконечного пустого дня можно сойти с ума. Он не знал, чем занять себя. Разглядывал убранство юрты, пересчитывал узоры на коврах и кисти бахромы, чугунки, подушки, перекрестья прутьев в решетчатом круге на потолке. Следил за Калимой, пытаясь угадать, что она сделает в следующее мгновение, и сам с собой заключал пари. Проиграв, честно отбывал наказание: клал руку с часами на колено и замирал истуканом на пять минут. После вымерял, сколько нужно времени, чтобы закипела вода или подошла лепешка. Вспоминал фильмы, книги, песни и даже теоремы с уроков геометрии. День никак не заканчивался. Иногда, глядя, как медленно меняются на экранчике цифры, Юрка едва сдерживался, чтобы не завыть. Больно прикусывал пальцы и раскачивался из стороны в сторону. Хозяйку, похоже, это не тревожило.

Калима нечасто покидала юрту. Она варила творог, сбивала масло, лепила и выкладывала на доски белые комочки, те самые, что потом становились куртот. Мастерила рубахи сыновьям, не затрудняя себя выкройками. Полотнище сгибалось пополам, делался разрез-ворот, вместо рукавов вшивались прямые куски ткани, и бока расставлялись клиньями. Украшалась такая рубашка намного дольше. Для Ичина вышивка ложилась попроще, для Азата – позатейливее.

Через два дня на третий жузга ходила ткать. Деревянные станки стояли за границей аула, в цветущей степи. За ними собирались женщины и девушки, тут же крутились дети, приползали морщинистые старухи. Пленника Калима брала с собой. Спутывала ему ноги, цепочку пристегивала к своему поясу. Казалось, вот он – шанс! Но не драться же было с пожилой теткой.

После сумрака юрты солнце резало глаза. Юрка шурился, глядя, как рождается из нитей ткань, сплетаются цветные узоры. Надоедало – отворачивался, наваливался спиной на подпорку станка и рассматривал стойбище. Днем мужчин почти не было видно, они пасли скот или охотились. Шаман ходил среди женщин и детей, как облезлый петух в курятнике. Несколько раз Юрка замечал, что за стариком следит Ичин. Близко подбираться калека не решался, устраивался с деревянной заготовкой в стороне. Из-под ножичка сыпалась мелкая стружка, освобождая лошадиную голову или припавшего к земле зайца. Фигурка рождалась медленно, Ичин чаще поглядывал на шамана, чем на работу. А Юрка смотрел на малька. Растревлял себя, думая, какой тот противный, в болячках и коростах. Грязный, сопливый. Но все равно Ичина было жалко. Юрка злился, заставлял себя ненавидеть – и не получалось. Неистовая Калима спасает сына. Азат любит брата. Ичин хочет жить. А самому Юрке нужно в Бреславль.

«Я сбегу», – повторял каждый вечер, закрывая глаза.

Представлял, как доберется до города. Пройдет немощеными улицами, вонючими от помоев и лошадиного навоза. Из-за щелястых заборов его облают собаки. Отыщет узел, пока еще мертвый. Наверное, на площади, под охраной хмурых стражников. Те – за деньги, естественно – укажут ближайший трактир. Войдет в темный зал с закопченными стенами и спросит у хозяина: «Зеленцов у вас остановился?» Конечно, у них, валяется в номере и дует от скуки пиво. Небранный, с опухшей рожей. Юрка вломится без стука и скажет: «Вы – сволочь!» Нет, лучше: «Ты – сволочь!» Или: «Убийца!» А может, просто дать по морде без разговоров? Нет, Зеленцов должен знать. «Дарья Жданова, помнишь ее?»

Представлять это было все равно что выдавливать угри – противно, но делаешь.

«Я успею, – думал Юрка, лежа возле постели Калимы. – Завтра точно получится».

Но завтра наступало, и ничего не менялось. Дни, неотличимые друг от друга, медленно текли, приближая конец межсезонья.

Глупо. Совсем как Дик, тот тоже подрывал под забором, забыв, что сидит на цепи. Вот и Юрка – завернул у стены войлочное покрытие и копал. Пальцы с трудом рыхлили сбитую землю. Все, что выгребал, рассыпал под кошмой и приминал. Отсчитывали время часы, напоминая: скоро появится Калима, да и Ичин может заглянуть. Начал кровить заусенец на большом пальце, а потом обожгло болью – под ноготь впилося что-то острое. Чертыхаясь, Юрка выцарапал эту дрянь. Ух ты! Плоский, размером с ладонь, осколок лопатки. Край зазубренный, точно пилка.

Он успел очистить кость от земли и спрятать под футболку, когда вернулась с дойки Калима. Привычно окинула пленника взглядом. Юрка украдкой вытер о штаны грязные руки.

Вечером, укладываясь спать, сунул находку под ковер. Теперь у него есть оружие. Если ударить в живот... нет, одежда помешает. По горлу. Представил, и чуть не вырвало. Кого

убить? Калиму? Ичина? Азата? Процедил кислую слюну сквозь зубы. На кошме осталось мокрое пятно.

Ночь прошла – хуже не придумаешь. Снилось, что убивает. Снилось, что убивают его – привязали к лошади и тащат по степи. Путы, затянутые жужгой на руках, заставляли принимать кошмары за реальность.

К рассвету решил: воспользуется лишь в крайнем случае, когда другого выхода не останется.

Разглядев в утреннем свете пленника, Азат встревожился:

– Ты не заболел? Лучше скажи...

– Обойдусь без вашей заботы, отвали!

Жужг укоризненно качнул головой, но больше не приставал.

Сели к столу. Юрка угрюмо посмотрел на осточертевший курт, и тут в юрту ворвался шаман. Он тряс головой, бубенцы на шапке оглушительно звенели. Азат вскочил. Охнула Калима. У Юрки ослабли ноги. Уже? Сейчас?..

Шаман рванул цепочку – ошейником перебило дыхание. Старик потянул, и Юрка, плохо соображая, пополз на четвереньках. Помог Азат – подскочил, дернул за плечи. Шаман сунул поводок молодому жужгу и первым бросился к выходу.

– Азат! – сдавленно крикнул Юрка, попытался перехватить цепочку, но только резануло ладонь. – Не надо!

Парень, не слушая, тащил за собой. Следом бежала Калима, толкала в спину.

Между юртами плясал шаман. Он трясся всем телом, притопывал и тянулся к небу. Скрюченные пальцы царапали воздух. В нескольких шагах стоял Обрег, гневно раздувал ноздри. Подбегали жужги, сбивались в толпу, не решаясь пересечь невидимую границу. Шаман бился и корчился в очерченном ими круге.

Азат остановился, намотав на кулак цепочку.

– Это проекция, да? – дернул его Юрка.

– Может быть. Шаман чувствует, но не может понять, где она – далеко или близко.

Старик шарил ладонями по земле. Длинное одеяние волочилось за ним, собирая навоз. Седые волосы выбились из-под шапки и пачкались в пыли. Вдруг шаман замер, упершись безумным взглядом Юрке в лицо. От страха перехватило горло.

В наступившей тишине слышалось хриплое дыхание шамана. На губах у него высыхала пена.

Резко спросил что-то Обрег, и старик подпрыгнул, вырвал цепочку у Азата. Толпа расступилась. Мелькали одинаково круглые, раскосые лица. Визжали под ногами собаки. Взметнулся грязный войлок, и Юрку втолкнули в темную, пропахшую сладковатым дымом юрту.

Тускло светились угли, только они освещали жилище шамана, сверху на решетчатый круг была наброшена шкура. Старик нырнул в сундук, полетело тряпье. Юрка попятился, но его схватил за плечи Азат.

– Не бойся, – негромко произнес жужг.

Юрка в бешенстве оглянулся на него.

– Он будет говорить с богами. Покажет им тебя. Скажет: мы на ваших землях, мы помним о вас. Вот наш дар, хотите – берите, но не карайте.

Шаман прыгнул к очагу. Теперь он напялил другую шапку, громоздкую, украшенную рогами. Лицо закрывала повязка с бахромой, в прорезях посверкивали глаза. Старик бросил на угли сушеную траву и завыл, раскачиваясь взад-вперед. Тень на стене повторяла его движения. Вой становился все громче, сгоревшая трава воняла. «Обкурился, – брезгливо подумал Юрка. – Торчок хренов». От сладкого дыма кружилась голова.

Пальцы, измазанные чем-то жирным, коснулись щеки. Засмеялся в лицо шаман.

Брызнуло светом – старик откинул полог, и Азат выволок пленника наружу. Их ждали. Мужчины оседлали коней, женщины держали ребятишек, и даже собаки суетились тут же. Они заворчали, когда из юрты выкатился шаман с огромным бубном. Гулкие удары отдавались через землю в пятки и колебаниями проходили по всему телу. Юрка почувствовал, как сердце начало биться в такт. Быстрее кружился шаман – быстрее пульсировала кровь. Уже шумело в ушах, не успевало дыхание. Юрка хватал пересохшими губами воздух.

Тишина. Замерло растерянное сердце, и несколько жутких мгновений казалось, что оно не застучит больше.

Шаман лежал ничком, похожий на убитую птицу с потрепанным оперением.

Обрег шагнул вперед и ткнул рукоятью плети, указывая на дальнюю часть аула.

– Хей-е! – отозвались мужские голоса.

Всадники лавиной потекли между юрт. Закричали мальчишки, бросились следом.

– Пойдем, – сказал Азат.

Из толпы вынырнул Ичин, пристроился рядом. Быстро глянул на пленника и отвернулся.

В полукилометре от стойбища начертили на земле круг. У границы его гарцевали всадники, посматривали друг на друга задиристо.

– Это чего? – хмуро спросил Юрка, вытирая лицо футболкой.

– Аударыспак. Игра, соревнование. Боги не стали путать мир, но шаман чувствует их гнев. Он пообещал дар, а сейчас наши воины покажут себя, какие они сильные, ловкие и храбрые. Может, боги перестанут сердиться.

Юрка хмыкнул.

По знаку Обрега всадники ринулись в круг и сцепились там, подняв пыль. Ревела толпа, подбадривая и ругая. На взгляд Юрки, это походило на обыкновенную драку, и на месте богов он бы еще больше разгневался на таких придурков.

То один, то другой жузг оказывался на земле. Лавируя между копыт, выползал за границу. Наверное, второй раз садиться в седло было запрещено, хмурые парни подзывали коней и уходили.

Юрка поскреб под ошейником. Саднило, хотелось откашляться, но стоило напрячь горло, и проклепанная кожа давила на кадык.

В круге остались двое. Они сшиблись, ухватили друг друга за бока. Кони их смотрели злобно и пытались кусаться. Рывок! Все, последний противник оказался на земле. Победитель, сам еле удержавшийся в седле, гордо выпрямился и поехал к Обрегу. Юрка сплюнул.

Ичин сидел на корточках и с завистью смотрел на парня, склонившего перед бием голову.

Вчера утром на степь напал туман, и лошади брели в нем по колено, недоверчиво приносясь. Вместе с туманом пришли звуки – колокольный перезвон. Сначала монотонный, размеренный, он постепенно усложнялся, вплетая высокие голоса. Звон плыл над степью, чудный, странный для здешних мест. Солнце быстро подъело прохладную муть, а колокола все не унимались, и звук их становился громче – Дан ехал в сторону проекции.

Вскоре над степью поднялась белая стена. Зыбкая – трава просвечивала сквозь нее. В арочных проемах виднелось затканное тяжелыми облаками небо. Над арками поблескивали золоченые купола с прямыми крестами, на них лежал снег. Белые хлопья проплывали вдоль стены и исчезали, не коснувшись земли.

На Взгорский монастырь это походило мало, но Дан все равно остановился. Такая проекция не опасна, а звонарю разве что запах почудится, и он скажет: «Эк уже на весну заворачивает».

«Надо заехать к отцу Михаилу», – подумал вейн. Нехорошей вышла последняя встреча.

Маленькие, зазвонные колокола один за другим замолкали. Явственнее слышались басовитые голоса благовестников и подзвонных. Дан зажмурился. Ну вот, теперь похоже. Кажется, обернись, и увидишь затопленный перешеек, превративший полуостров в остров.

...Худой инок греб умело. Десятилетний Дан сидел на банке и презрительно щурился на монастырские стены. Сдалась ему эта школа! Он сам по себе вейн, подумаешь, ориентиров не знает, наберет постепенно. Вот возьмет и уйдет. Пусть попробуют удержать.

Лодка ткнулась в деревянный причал, инок кинул веревку.

– Вылезай.

Дан выпрыгнул, заставив борт удариться о доски. Затолкал кулаки в карманы штанов, отчего те скособоились и открыли грязные, в цыпках, лодыжки. Оттопырив нижнюю губу, оглядел изрезанный тропками склон и лестницу, ведущую к церкви. На верхней ступени ждал священник в теплой рясе.

– Отец-настоятель. Иди к нему.

Дан выпятил грудь с тощей низкой амулетов и не подумал двинуться с места.

Это был то ли одиннадцатый, то ли двенадцатый приют на его памяти. Предпоследний избавился от драчливого сопляка через полгода. В последнем попечитель начал рассылать письма уже через три месяца. Он предлагал вместе с Даном полную смену одежды и два мешка муки, в характеристике указывал несомненные творческие наклонности воспитанника, упоминал о его остром уме. Увы, никто не хотел принимать это сокровище под свою крышу. Наверное, в конце концов его бы продали на рудники – не со зла, с отчаяния, – но тут подвезло с даром, и попечитель быстренько сплавил пацана во Взгорский монастырь...

Вейн тронул каблуками бока Кыся.

Призрачная звонница осталась за спиной. Какое-то время еще пахло мокрой землей и снегом, потом пересилил степной дух. Вскоре замолчали и колокола.

Так было вчера, а сегодня от пустынной дороги тянуло жаром и бензиновой вонью. На западе открылась устойчивая проекция, и ветер дул с той стороны. Кысь, вбирая ноздрями непривычные запахи, нервничал. Да и Увалень мотал башкой, натягивая повод.

Вейн завязал голову тряпкой, низко спустив ее на лоб, но соленые капли все равно стекали на лицо. Смахнул их ладонью, поморгал. Глаза слезились. Ночью укусила мерзкая гадина, заползшая из неведомых земель. Попробовала его кровушки и издохла, судорожно растопырив лапы. Яд из ранки он отсосал, но еще лихорадило, и было больно смотреть на солнце.

Человека Дан заметил поздно. Тот грузно, точно медведь, поднялся и наставил на вейна ружье. Кремневое, и это означало, что оно может выстрелить. «Шатун» истекал потом в меховой куртке и теплых штанах, заправленных в унты.

Занесла же нелегкая.

– Прешле месье! – прохрипел человек. – Прешле!

Дан медленно поднял руки, понимая, что не успеет схватить арбалет. Слова показались знакомыми, но язык давно стерся из памяти.

– Я не враг, – сказал на всеобщем.

Человек от неожиданности дернул ружьем, и вейн помянул про себя Шэта.

– Прешле месье! Гьерд!

Ой, нехорошие у него глаза. Таращится, точно спятивший филин. От страха Дан припомнил:

– Да, прешле месье. Проклятое место.

Губы у безумца кривились. Лицо под лохматой шапкой побагровело и распухло.

– Кьяно. Мни. Отхей.

Мни – мне. Кьяно... Коня?

– Отдать коня? Я плохо тебя понимаю. А ты знаешь мой язык.

«Шатун» рыкнул по-звериному и неуверенно, запинаясь после каждого слова, выговорил:

– Коня. У тебя два. Мне одного.

– Хорошо.

Дан повернулся и начал отвязывать от седла повод Увальня. Рукоять ножа пришлась к запястью. Быстрое движение – и лезвие выскользнуло из чехла. Хлопнул жеребца по крупу, отправляя к новому хозяину. Конь, одуревший от жары, посмотрел на вейна мутным глазом.

Безумец подскочил к Увальню, схватил повод и ослабил. Но ружье не опустил, собака. Пролаял:

– Еду. У тебя много. Отдай.

Насчет «много» Дан бы поспорил, но чужак уже выдвинул новые требования:

– Ты поведешь. К выходу. Из проклятого места. Да. Не приведешь – убью.

Вот и делай людям добро.

– Убью! Гьерд!

Пальцы его тряслись. Того и гляди, нажмет на курок.

– Веди! Дьявол!

– Хорошо, договорились.

Вейн тронул коня, поворачиваясь к «шатуну» плечом. Чужак замешкался. меховые одежды мешали взгромоздиться в седло, но выпустить ружье он не решился.

– Эй, помочь?

Недовольное ворчание. Ствол качнулся... Нож стальной рыбкой вылетел из руки Дана, пропорол горячий воздух и воткнулся «шатуну» в глазницу. Выстрел! Тоненько заржал Увалень, взвился и повалился на бок. Вейн скатился с седла, распластался на земле. Кысь, освободившись, рванул подальше.

Унты, видневшиеся из-за лошадиного зада, ударили пятками по земле и затихли.

Дан полежал еще, прислушиваясь. Шумно дышал раненый конь. Протрещал коротко кузнечик.

Вейн приподнялся и заглянул через Увальня. «Шатун» был мертв.

Ружье его, к сожалению, оказалось бесполезным – припасов не осталось. Арбалет увез Кысь. Пришлось выдернуть из тела нож и несколько раз воткнуть в землю, очищая лезвие.

Увалень смотрел на человека, от глаза вниз по шерсти тянулась мокрая дорожка. Кровь толчками била из раны на животе.

– Не повезло тебе, парень.

Дан зажал локтем лошадиную голову и полоснул по шее.

Руки потом долго оттирал травой – сминал жесткие стебли, выдавливая сок, и размазывал по коже.

Кысь маячил на горизонте. Не сбежал, умница. Дан пошел к нему, издали приговаривая:

– Хороший, хороший...

Конь нервно прядал ушами, раздувал ноздри, но позволил приблизиться и ухватить повод.

– Вот и молодец. Поехали отсюда.

Часа через полтора-два бензиновый дух иссяк, и на смену ему пришел новый – смолы и снега. Но, сколько Дан ни оглядывался, кругом была степь. Вейн спешил и прикоснулся к земле. Прохладная. Наверное, отсюда забрел чужак в шубе. Вышел, разинул рот на траву, показавшуюся из-под сугробов, а проекция-то и растаяла. Дан прикрыл глаза, шумно вдохнул и среди прочих запахов различил полынь. Узел уродился слабеньким. Скорее всего, рассосется к ночи. Но, если повезет и налипнут новые проекции, может окрепнуть. На всякий случай ориентиры вейн взял.

На рассвете осенило: если нельзя расклепать кольцо, укрепленное в стене, значит, нужно перепилить решетчатую основу юрты. Еле дождался, когда Ичин уковыляет за навозом, а Калима уйдет по воду. Бросился, пытаясь дотянуться до сундучка Азата. Чуть не удавился, хрипел, как пес, но не вышло. Со злости рванул цепочку, обдирая звеньями пальцы, и сообразил: да вот же инструмент!

Вернувшись, женщина посмотрела с подозрением. Юрка кашлял, в горле першило. Он сердито глянул в ответ: мол, сижу я, чего надо? Калима отвернулась к очагу и достала миску с тестом. Начала раскатывать лепешки. Юрка извелся от нетерпения. Закрывал глаза, но все равно угадывал по звукам: вот открыла крышку на котле. Вот плюхнула еще один кусок теста. Наконец женщина встала и взяла топорик. Опустился за ней полог. Послышался стук – Калима рубила сухой джангил, редкий степной кустарник. Ну, десять минут есть, вымерено не раз.

Юрка обмотал цепочкой пальцы и натянул. Звенья врезались в кожу, оставляя багровые следы. Зашоркал по пруту чуть повыше кольца. Сошла грязь, отполированная временем, показалась светлая древесина. Дальше пошло хуже. Юрка понюхал, колупнул. Ель? Сосна? В любом случае, должна поддаваться! Может, пропитана чем? Он закусил губу, продолжая пилить.

Шевельнулся полог, Юрка успел плюхнуться на кошму. Женщина внесла охапку веток и высыпала у очага.

Калима уходила четырежды, и к вечеру след от цепочки стал глубиной с ноготь. Пришлось замаскировать его грязью. Юрка облился потом, пока Азат отцеплял поводок. За ужином прятал руки – пальцы опухли и посинели. Еду брал украдкой, жевал преувеличенно долго. Остался голодным.

Назавтра шоркал цепочкой отчаянно, ругаясь сквозь зубы. Прут начал поддаваться. Еще бы немного... Но день клонился к закату, приходилось спешить. Юрка сдвинул кольцо на пропил, уперся ногой в решетку и дернул.

– 3-з-зараза!

Рванул еще раз, надеясь, что вот сейчас крепление хрупнет. Посыпался мусор, стены пошли волнами. Черт! Юрта качалась так, словно в ней прыгал слон. Завопили снаружи дети. Юрка торопливо выскреб из-под кошмы землю, плюнул в ладонь и обмазал кашицей прут.

Калима влетела, словно черная птица, бросилась к пленнику. Пальцы пробежали от ошейника по цепочке к кольцу и обратно. Юрка смотрел честными глазами, и женщина отступила. Наверное, подумала, что рвался с отчаяния.

Монотонно застучал пестик – Калима уселась сбивать масло. Юрка старался не ерзать. Менялись на часах цифры. Скоро вернутся мужчины, тогда не сбежишь. Но вот женщина отставила горшок и вышла.

Быстро! Сковырнул засохшую грязь, резанул цепочкой... В юрту ворвалась хозяйка. Коротко свистнув, пастушья плеть обожгла плечо. Юрка взвился, и второй удар пришелся по локтю. Вспух багровый след.

– Я все равно убегу!

– Ыстей алмайсын! Жок!

Метнулась петля и стянула запястье. Свободный конец веревки скользнул между прутьями. Калима повисла, налегая всем телом, и Юркины руки вздернуло вверх. Вот черт!

Жузга торжествующе улыбнулась и сказала:

– Теперь я уходить. Ты сидеть.

Обманула, как младенца...

На улице хозяйка кликнула младшего, и спустя пару минут тот появился в юрте с неизменной деревяшкой в руках. Пристроился у очага и принялся выстругивать лису с пышным хвостом.

Юрка покрутил кистями, разгоняя кровь. След от плетки чесался немилосердно, особенно сейчас, когда до него не получалось дотянуться. Ичин посмотрел исподлобья и снова опустил взгляд на работу.

– Ты зачем следишь за шаманом? – спросил Юрка.

У малька вздернулось плечо, словно птенец выставил перебитое крыло. Сползла из-под лезвия извилистая стружка.

– Не придуривайся, что не понимаешь. Зачем?

Ичин шмыгнул сопливым носом.

– Я хочу научиться чувствовать гнев богов. Тогда меня им не отдадут. Шаман старый, ему нужен ученик.

– Разве этому можно научиться? Я думал – дар. Есть или нет.

Изогнутое плечо дрогнуло. Малек потерялся об него щекой, разукрашенной коростой. Отвечая, он смотрел на ножик у себя в руках.

– Но я же не могу быть пастухом или охотником.

Снова посыпалась стружка. Ичин сопел громче обычного.

Теперь, кроме локтя, зудело между лопатками – войлок колол сквозь футболку. Юрка шевельнулся, и малек вздрогнул.

– Ты что, боишься меня? Это же смешно.

Плечо опять медленно поползло вверх. Ичин втянул голову и сказал шепотом:

– Я не боюсь.

– А чего тогда?

Не ответил, продолжая кромсать деревяшку. Лисий хвост истончался до крысиного.

– Ты шел с вейном, – сказал Ичин, глядя на свои пальцы. – Ты видел, как он находит проекции?

В отличие от старшего брата это слово калека произнес уверенно.

– Да.

– Ты знаешь как? – Малек подался вперед. – Может, он говорил что-нибудь? Звал богов?

Юрка покачал головой.

– А ты...

Качнулся полог, и в юрту вошел Азат. Ичин замолчал, бросил в очаг испорченную фигурку.

Молодой жузг невесело усмехнулся, увидев Юрку.

– Бежать пытался? – спросил, ослабив узел и позволяя опустить руки.

– Естественно.

Азат не понял, и Ичин перевел шепотом.

– У меня умный брат, правда?

Жузг старательно улыбался, но Юрка все равно насторожился.

– Что случилось?

Азат сел к очагу. Сказал, прикрыв глаза веками:

– Через три дня уводим табуны на дальнее пастбище, к Мелетек-озеру.

Ну, чем меньше охранников, тем лучше. Вот только...

– А в туалет меня кто выводить будет?!

– Юрий, ты поедешь с нами.

Он скривился. Хотя... Проще от десятка парней убежать, чем от одной Калимы! В степи свободы больше, а тут из юрты не выйдешь, чтоб не заметил. Увести коня. Распо-

рот куртку, копыта тряпками обмотать. Без седла удержится запросто. Да, точно, получится! Отвернулся, пряча лицо, и вдруг сообразил:

– А если проекция откроется тут?

– Тогда богам отдадут Ичина, – ровно произнес Азат.

На ночь Калима связала пленника так, что путы врезались в кожу. Запястья быстро опухли. Дремал Юрка урывками – стоило шевельнуться, и вскидывался от боли. Ошейник сбился, давил на горло. От духоты и недосыпа звенело в ушах.

Ничего, осталось недолго. Эта ночь, завтра, послезавтра, послепослезавтра – и убежит. Обязательно. Ему нужно в Бреславль! Нужно!.. Это слово жужжало в голове, точно жук, и его хотелось прихлопнуть.

Нужно...

В Бреславль...

Юрка уткнулся в кошму, неловко вывернув руки. В носу щекотали слезы. «Я хочу домой», – подумал, закусывая войлок.

...Весна выдалась ранняя. Уцелевшие сугробы жались в тень и подтекали ручьями. Парила мокрая земля, кое-где подсохли тропинки. Мальчишки уже расчехлили велосипеды и рассекали на них лужи. Юрка топал пешком, поглядывая на них с завистью – у его «Камы» прохудилась камера на переднем колесе. Эх, старье! Его не латать, выкидывать пора!

Придерживая рюкзак с учебниками, перескочил канаву, полную талой воды. Под ногами хрустел шлак. В щели между столбом и калиткой виднелась скоба, но стальной язычок замка был спрятан. Значит, Ленька дома. Юрка нашарил и дернул хитрый рычажок. Брякнула защелка, выпав из гнезда.

Стоило открыть калитку, и под ноги кинулась рыжая псина, повизгивая от восторга. Юрка осторожно погладил Найду по голове, не обольщаясь дружелюбной встречей. Собака из тех, что по приказу любого повалит, хоть чужака, хоть знакомого.

– Привет! Где твой хозяин?

Найда метнулась к сараям.

Ленька вышел, вытирая испачканные мазутом руки. Швырнул тряпку на козлы.

– Ну, здорово! – пробасил он.

Ладонь широченная, вот уж точно – лопата. Юрка пожал и украдкой размял слипшиеся пальцы. Силен мужик!

– Я рано, да? А когда можно?

– Недельки через две. Торопишься?

– Велик чинить надо.

– Ладно, придешь на майских, аван выдам.

– Спасибо.

– Да чего там, отработаешь.

Ленька всегда нанимал мальчишек на лето, одному на конеферме – пусть и маленькой – не управиться. Но все равно каждую весну Юрка опасался: ну как передумает? Где тогда деньги брать? Да и лошади, опять же...

Громко, со вкусом зевнула Найда, не спуская глаз с гостя. Пахло навозом, мазутом и свежей древесиной. Ветер раздувал опилки, казавшиеся яркими, праздничными на черной земле.

Ленька неторопливо закурил, усмехнулся.

– Ладно, иди, поздоровайся, – разрешил снисходительно.

Юрка швырнул рюкзак на козлы и побежал к конюшням, оскальзываясь на мокрой тропке. Следом неслась Найда.

Гнедой жеребец по кличке Алый дохнул в лицо. Он был доволен встречей и немного сердит, что парень не являлся раньше. Милостиво принял сахар, захрустел, выпустив блестящую нитку слюны. Юрка погладил его по бархатистой щеке.

– Надоело стоять?

Алый, соглашаясь, переступил. Глухо стукнули копыта.

– Ничего, скоро лето.

Глава 5

Обрег, как и положено бию, имел несколько юрт. Под жилье – большая, белая, крытая шкурами и опоясанная цветными лентами. Серые, попроще, предназначались для хозяйственных нужд. Юрка сидел на цепи возле той, что отводилась под кухню, и рядом с ним лежали псы в ожидании подачек. День стоял жаркий, войлочные стены закатали снизу, прихватив на высоте человеческого роста веревками. Сквозь решетки было видно, как готовят обед три жены Обрега – старая, похожая на высохшего деревянного идола, беременная молодка и девочка лет тринадцати. Калима разговаривала со средней, помогая катать из теста жгуты под баурсаки. Трещало в казане масло.

Передвинуться в тень не давал поводок. Чесалась спина – всю дорогу Калима щипалась, сильно, с вывертом. Юрка откинул голову, уперся затылком в столб коновязи и прикрыл глаза. Уже завтра он поедет с табунщиками. Последний день в ауле – и такой бесконечный! Лениво меняются цифры на часах. Тени сначала не хотели становиться короче, теперь отказываются расти. Чтобы хоть чем-то занять себя, Юрка вспоминал лето.

...Литовку Ленька кому попало не доверял, боялся, обрежутся пацаны. Брал с собой только Юрку и Левку Панаргина.

Косить тяжелее, чем пасти табун, но Юрке нравилось. Да и платил Ленька по-честному, а на две пенсии и сиротское пособие не больно пошикуешь. Зачем подряжался каждое лето Панаргин, было непонятно. Жил он за Обводной, в элитной новостройке. Учился в той же школе, на класс старше, и уже всюду ухаживал за девушками.

На покос выезжали рано. В телеге Юрка сворачивался клубком и досыпал под мерный стук копыт. Похрапывал Левка. Очки он не снимал, и они медленно сползали на кончик носа.

– Приехали! – будил Ленька.

Пока он распрягал Маньку, Юрка душераздирающе зевал, а Левка протирали очки подолом футболки, моргал и близоруко щурился.

Ленька командовал:

– Начали!

Сам вставал первым, потом Левка. Юрка последним.

Все помнится ярко, до звуков, до запахов.

Трава тяжелая, в росе. Литовка подрезает ее с влажным шорохом. Ш-ш-ших, ш-ш-ших. Блестящее лезвие описывает полукруг, оставляя за собой короткий зеленый ежик. Вялое от недосыпа тело разогревается, лучок крепче ложится в ладонь.

Роса подсыхает, звук становится легким, звенящим: цы-ы-х, цы-ы-ых. Коса идет тяжелее. Припекает под футболкой плечи, руки наливаются усталостью. Ленька прет, точно мотокосилка. Левка старается не отставать. Густо пахнет травяным соком. Опушка манит тенью и красной, доспевшей земляникой. Юрка поглядывает на солнце: как разгорится день, сядут перекусить. Насобирать ягод, залить молоком и умять с хлебом – вкуснее не придумаешь.

Ленька оглядывается:

– Устали? Отдохните.

Юрка мотает головой. Вот еще!

Шуршит трава. Остановился Левка, перевернул косу. Протер очки и придирчиво оглядел лезвие. Оселок достал, правит.

Цы-ы-х – широкий полукруг. В густой зелени желтеют головки львиного зева.

– Левка, пятки срежу! – шумит Юрка.

Тот презрительно хмыкает и быстро отрывается вперед.

То ли идешь по лугу, то ли земля вращается навстречу. Звенят кузнечики, звенит литовка. Прилипла футболка к спине.

– Шабаш! – кричит Ленька.

Юрка из упрямства докашивает полосу.

– ...ауызды юирген, – сказали над ухом. – Тамак же.

Пришлось открыть глаза. На корточках перед ним сидела младшая жена бия, держала тарелку с золотистыми шариками из теста.

– Ешь! – повторила девочка и засмеялась, довольная, что вспомнила слово на чужом языке.

Во рту еще чувствовался призрачный вкус земляники с молоком, и Юрка отказался. Жужга застрекотала по-своему, видно, пыталась втолковать, что баурсаки – это вкусно. Взял, а то бы не отвязалась.

...Еще хорошо вывозить с покоса. Ленька обычно подавал, Юрка стоял на телеге – принимал, укладывая и уминая.

Вилы с шорохом пронзают сухую траву, Ленька играючи вскидывает огромный пласт. Стог уменьшается, Юрка поднимается выше. Труха липнет на вспотевшее тело, не вытряхнуть, и он стягивает футболку. Обрадованное солнце хватается за голые плечи, но кожа уже прокалилась и загорела дочерна.

– Хорош, – говорит Ленька.

Потягивается со звериным рыканьем. Ходят на спине литые мускулы. Юрке немножко завидно.

Едут домой.

Ленька ведет лошадь – чтобы не сбилась с колеи, не завалила стянутый веревками воз. Юрка лежит на сене, острые травинки покалывают между лопатками. Солнце просвечивает сквозь закрытые веки и делает темноту багрово-жаркой. В мышцах приятная усталость, настоящая, взрослая. Такой после гантелей не бывает. Дремота легкая, сквозь нее слышно, как орут птицы. Леньку тоже слышно:

– Слезай, меняемся!

Юрка нехотя соскальзывает, зевает. Кобыла Манька смотрит насмешливо.

– Но, пошла!

А к вечеру затопят баню. Ванная у них тоже есть, но, как говорит дед: «Не тот расклад».

В крохотной парной жарко, чешутся от пота царапины. Тонкие, незаметные, сейчас они припухают. Юрка яростно скребется, и дед командует:

– Геть на полук!

Доски обжигают живот. Юрка широко открывает рот, пытаясь вдохнуть, и тут же захлопывает, хлебнув горячего воздуха. Раздраженно шипит каменка, вода на ней испаряется в считанные мгновения. Дед уверен – лучше веника ничто зуд не снимет. Хлещет, усердствует. Юрка старается не скулить. Хватает деда ненадолго, он присаживается на лавку и кашляет, потирая грудь. Внутри у него гулко булькает.

Потом Юрка охаживает деда. Березовые ветки вымочены в кипятке и прокалены на пару. Дед кряхтит, но пощады не просит. У Юрки горят от жара уши, он поглубже натягивает войлочную буденовку.

– Будет!

– Я еще могу, – возражает Юрка, но веник убирает.

После бани сидят на крыльце, обстоятельно рассуждают про погоду и гадают, успеет ли Ленька вывезти до дождей сено. Пьют кисловатый домашний квас, отдуваясь и фыркая. Ворчит бабушка:

– Угробисься, старый пень.

Дед назидательно водит кривым пальцем, желтым от табака:

– В бане мыться – заново родиться.

– Народная мудрость, – поддакивает Юрка.

Бабушка отмахивается:

– Ну вас! Идите чай пить.

Юрка цедит последние мутные капли кваса.

– Я щас лопну.

– Чай не пьешь – откуда ж сила? А попил – совсем ослаб, – припоминает дед еще одну народную мудрость.

Заварка у бабушки особая, с листом черной смородины и мелиссой. А тут чаем называют солоноватую бурду, разбавленную молоком. Юрка сглотнул. Сейчас бы не отказался от любого – солнце припекает все сильнее. Можно окликнуть, попросить воды, но Калима делает вид, что не понимает. Раздраженно поскреб сопревшую под ошейником кожу. Ничего, уже завтра его здесь не будет. А напиться Ичин принесет. Завертел головой, высматривая малька. Тот стоял между юртами, бросив мешок с сухим навозом, и тарасился в степь. Юрка прислушался. Лошади! Не одна и не две, много. Странно, днем в ауле мужчинам делать нечего.

Отряд приближался. Юрка удивленно моргнул. Рядом с Обрегом настоящий человек-гора на высоком жеребце. Бий на своей низкорослой лошадке едва достает гостью до локтя. Так, получается, ввали? Есть тут люди в межсезонье! Юрка быстро пересчитал чужаков-русоволосых. Девять. В походной одежде, вооружены арбалетами и длинными ножами. У двоих – револьверы с громоздкими рукоятками.

Остановились у белой юрты. Может, крикнуть? Не степняки же, свои! Подумал и зло усмехнулся. Нашел «своих»! Дан вон тоже «свой» был.

Человек-гора помог спешиться одному из спутников. Юрке сначала показалось, что раненому, но нет – девушке в мужской одежде. Она небрежно кивнула здоровяку и пошла за бием. Вдоль узенькой спины спускалась коса пепельного цвета. Человек-гора держался позади, настороженно зыркая на жузгов.

– Ичин, – шикнул Юрка. – Иди сюда!

Малек подковылял, припадая на больную ногу.

– Кто это?

– Не знаю. Раньше не приезжали.

– А сейчас откуда взялись?

Малек пожал плечами.

– Спроси у своих.

Ичин нехотя поплелся к всадникам. Остановился, стараясь держаться на виду. Юрка с досадой вспомнил, что у жузгов младший не смеет говорить со старшим без разрешения, тем более если младший – ненужный калека. На Ичина обращали внимания не больше, чем на возившихся в пыли щенков, и, уходя, оттолкнули с дороги. Кажется, прочих русоволосых повели к сыну Обрега.

Малек виновато оглянулся, и Юрка махнул рукой. Что уж теперь...

Гуще повалил из серой юрты дым. Девочка-жена металась с тарелками. Притащился шаман, скрылся за белым пологом. Калима помогала беременной молодой раскатывать тонкие лепешки.

Гостей, значит, принимают, с ненавистью думал Юрка. А брехали-то: межсезонье, степняки, опасно. Тобиус сказочки рассказывал, добреньким казался, а даже не предупредил, сплавил вейну в слуги. И Азат врал, давил на жалость. Вон приехали к жузгам, и ничего, жертву богам с них не требуют. Только его – в ошейник! Гады! Юрка рванул цепочку. Звякнуло кольцо, пристегнутое к коновязи. Звенья скользили в ладони, обдирая кожу, трещало дерево. Ну же! Давай, ломайся!

Выскочила разгневанная Калима. Юрка оглянулся на нее:

– Не подходи!

Женщина сложила на груди руки и усмехнулась. Ее, как видно, радовало Юркино отчаяние.

Он выпустил цепочку. Сел, подтянув спутанные ноги, уткнулся подбородком в колени. Калима быстро оглянулась и пнула пленника в бедро. Юрка не шелохнулся. Да пошли они все!

Тоненько закричал позади юрты баран, его резали к бийскому столу. Потянулись со всего аула собаки. Те, что лежали тут раньше, порывивали на пришлых. Запахло паленой шерстью. Младшая жена Обрега пронесла баранью голову. Капала кровь, бессмысленно таращились мертвые глаза. Псы не тронулись с места, лишь ощерились, показывая зубы. А щенки подползли и стали жадно слизывать красные лужицы.

Качнулся расшитый полог, и вышел бий с гостями. Юрка глянул равнодушно. Никто не поможет. Каждый за себя.

Пепельноволосая девушка вдруг очутилась перед ним. Вонзила пальцы под ошейник – стало трудно дышать – и притянула пленника к себе. У Юрки похолодел затылок. Глаза у девушки – нечеловеческие: золотые, блестящие, зрачки вытянуты в узкие щели, как у кошки на ярком свету.

– Он едет в Бреславль?

– Кто? – прохрипел Юрка.

– Вейн, твой хозяин.

Девушка наклонилась ближе, ноздри у нее подрагивали, казалось, она принюхивается. Зрачки – как два ущелья. Юрка падал в них, и ветер застревал в горле.

– В Бреславль?

...вдохнуть...

– Говори!

...воздуха!..

– Он едет туда?

– Да!

Хватка разжалась. Юрка закашлялся, силясь отдышаться. Ни хрена себе! Значит, Дан не на пустом месте параноиком заделался? Ну, если эти догонят, мало вейну не покажется.

Как уезжали гости, он не видел. Калима загнала в юрту и села за шитье. Иголка быстро мелькала в пальцах и так хищно пронзала ткань, что Юрка отполз подальше, насколько позволяла цепь.

Остаток дня еле тянулся. Часы, казалось, путали секунды с минутами. Хотелось со всего маху долбануть их об землю, Юрка с трудом удерживал руку.

В девятнадцать ноль три Калима отложила недошитую рубаху и начала готовить ужин.

В девятнадцать двадцать шесть закипела вода.

Запахло горячим бульоном и мясом. Юрка глотал слюну.

В девятнадцать пятьдесят две вернулся Ичин с мешком сухого навоза. Кизяк отдал матери и пристроился на мужской половине латать сапожок.

Табунщики запаздывали. Калима тревожилась, посылала младшего сына глянуть, не показался ли старший.

Азат пришел в двадцать тридцать четыре. Он выглядел веселым, потрепал брата по волосам. Дернул за цепочку, подзывая к столу. Юрка хмуро посмотрел на молодого жузга. Он тоже врал!

Женщина метнулась к очагу, но Азат остановил ее. Заговорил, поглядывая на Ичина. Малек слушал, приоткрыв рот, и расковыривал ссадину на щиколотке. Хозяйка всплеснула руками, погладила старшего по щеке. Юрка впервые видел, чтобы Азату перепала ласка. Ичин смотрел на них блестящими глазами.

Калима с грохотом открыла котел, торопливо, обжигаясь паром, вытащила на тарелку мясо. Пододвинула пленнику и сказала что-то, улыбаясь. Потянулась – Юрка дернулся, опасаясь удара, но женщина провела ладонью по его волосам. Вспыхнул, покраснев, Ичин.

– Азат! – Юрка вскочил, конец поводка скользнул по ковру.

Бросилась Калима, зажала цепочку в кулаке.

– Что случилось?!

– Были люди. Издалека, с гор, – объяснил жузг. Он забрал у матери поводок и заставил Юрку сесть. – Они оставили дар богам, как потребовал бий. Все хорошо, давай ужинать.

Желудок сжимался от голода, но Юрка не притронулся к мясу.

– Мы завтра едем на пастбище?

Азат покачал головой.

– Мужчины лучше устерегут воина, а мальчишку нужно оставить с женщинами. Так сказал Обрег.

Юрка посмотрел на торжествующую Калиму. Дурак этот Обрег.

И он тоже дурак. Размечтался!

Ранним утром, пока в юрте спали, а хозяйка возилась снаружи, Юрка вытащил из-под кошмы осколок лопатки. Зажал его между колен и тронул подбородком. Острый. Если ударить по горлу... Или воткнуть углом в глаз... Затошнило. «Я смогу, – думал Юрка, морщась. – Я должен. У меня нет другого выхода!»

Вернулась Калима. Юрта наполнялась теплом и запахами. Заскворчало на сковороде зерно.

Проснулся Азат. Ичин, к счастью, только повожился и громче засопел заложенным носом.

– Кайырлын тан!

Это Юрка уже понимал: «С добрым утром!» Отвечать не стал. Поднялся, показывая, как ему не терпится выйти. Кость едва не провалилась в штаны, пришлось напрячь живот, удерживая ее под ремнем.

Жузг прицепил цепочку к поясу и вывел Юрку наружу, в прохладный, чуть тронутый рассветом сумрак. Войлочные стены юрты потяжелели от росы, ленты на них потемнели. Пахло навозом и парным молоком. Махнул сосед, проходя мимо. Сонно зевнул пес и снова уронил башку на лапы. Мелькнула женщина, согнувшаяся под тяжестью ведра. Где-то заплакал ребенок.

Азат шел впереди, косолапо ступая в кожаных сапогах. Кость царапала живот под футболкой, и Юрка осторожно выудил ее. Ударить, отцепить поводок, на коня – и в степь. Пока спохватятся, будет далеко. Вот сейчас... Приблизиться на полшага и!.. Нет, рано, кто-нибудь может заметить.

– Смотри, какое солнце, – сказал Азат. – Хороший обещает день.

Юрка стиснул зубы.

– Замерз? – удивился жузг, мельком глянув через плечо.

– Нет!

Вот и последняя юрта.

Азат остановился, развязал штаны и зажурчал. На пленника он не смотрел, привык, что тот отходит на всю длину поводка.

По горлу или в глаз?.. Если в глаз, можно промахнуться, а второго шанса не будет. Юрка спрятал осколок в кулаке так, чтобы зазубренный край выпирал на пару сантиметров. Жузг невысокого роста, удобно. Махнуть слева направо. Все произойдет очень быстро. Давай!..

Губы пересохли, Юрка провел по ним языком. Ну!.. Они раздумывать не станут, выбросят в проекцию, и готово, выбирайся, как знаешь, если сразу не сдохнешь. Азат первым и толкнет.

Жузг завозился, поднимая выше рубаху. Юрка рывком шагнул к нему. Земля мягко прогибалась под ногами. Пальцы, сжимавшие кость, занемели и мелко дрожали.

Они не пожалеют. Бей!.. Рука ватная, не поднять. Трус! Слизняк! Юрка громко сглотнул.

Азат повернулся, посмотрел без удивления.

– Брось.

Так же он говорил Ичину, когда малек хватался за тяжелое ведро.

Юрка коротко выдохнул и швырнул обломок кости Азату под ноги.

– На, подавись! Другой найду! Все равно зарежу!

Жузг качнул головой:

– Не сможешь. Я слышал твое дыхание. Так не убивают.

– Да пошел ты!

Мышцы болели и подрагивали, будто уголь грузил. Футболка прилипла к мокрой спине, и в прохладном воздухе пробрало ознобом. Азат смотрел с жалостью, точно на калеку. Сказал:

– Тебя будет выводить мать. Ты ее не тронешь.

– Это вопрос? – усмехнулся Юрка.

– Нет.

– Ладно. – Он выплюнул скопившуюся во рту слюну и пообещал: – Мы пойдем другим путем.

А потом табунщики уехали...

Юрка лежал на кошме и равнодушно смотрел, как расцвечивается вышивкой ткань в руках Калимы. Женщина негромко пела что-то тягучее, бесконечное. Жгло под веками, и хотелось плакать.

Не получилось. Ничего у него не вышло. Слабак.

Калима наклонилась, перекусила нитку – песня оборвалась. Женщина расправила ткань и с улыбкой огладила вышивку. Рубашка была маленькая, на Ичину. Юрка смотрел, как смуглая ладонь скользит по цветным ниткам, и отчаянно, до судорог в горле, завидовал мальку.

...Несправедливо. Он хорошо помнит ту осеннюю ночь и все, что случилось после, а от жизни до нее остались лишь смутные тени. Иногда всплывает голос, ласковый, насмешливый: «У-у, какой у меня сынуля!» Запах... Духи? Мыло? Разопревшая овсянка с вареньем? Горячее молоко? Что-то родное, уютное. Байковый халат, на вишневом отвороте – пятно от каши. «У-у, сынуля! Хулиган!» Халат до сих пор висит в шкафу. Пятно отстирали, и ткань пахнет порошком и сухой ромашкой, которую бабушка кладет от моли.

Конечно, остались фотографии. С большого портрета у деда в берлоге улыбается симпатичная девушка, года на три постарше теперешнего Юрки. У девушки темно-русые волосы, сколотые в хвост, круглые глаза и розовые ненакрашенные губы. Она совсем не похожа на маму. Просто студентка-первокурсница.

Но почему он так хорошо помнит тот вечер?

Был ноябрь, уже стемнело. Юрка ходил за бабушкой хвостиком и ныл:

– Ну где ма-а-ма? Ну ба-а-ба, где-е-е?

Дед строго сказал:

– Юрий, прекрати! Ты же мужчина.

Он сердито мотнул головой:

– Я маленький.

Через месяц ему исполнялось четыре года.

Дед шелестел газетой. У бабушки в руках пощелкивали спицы, с них свисал полосатый носок. В корзинке крутились и подпрыгивали клубки. Гремел цепью Дик, беспокоился, бегал от огорода к калитке и обратно. Моросил дождь, и Юрке было жалко пса. Подошел к окну, расплющил нос о стекло.

– Иди в будку, – сказал шепотом.

Дик не услышал.

– Ну, сколько раз говорила! – вырвалось у бабушки.

Дед закричал.

– А ты мог бы и поостроже, отец как-никак.

– Рита, – виновато сказал дед, – ты же знаешь. Как об стенку горох.

Юрка представил: тук-тук-тук, скачут, разлетевшись, желтые сухие горошины, закатываются под стол, застревают между вязаными половиками. Шумно, весело! А летом горох зеленый, в стручках. Мама отрывала усатый хвостик, и стручок распадался на две половинки.

– Ну ба-а-а, а где ма-а-ма?

Бабушка рассердилась:

– Ты почему еще не спишь?

Юрка набычился. Не пойдет он спать, пока не вернется мама.

– Федул, чего губы надул?

Дед притянул его к себе и посадил на колени.

– Кафтан прожег. А большая дыра? Одни рукава остались.

Юрка хихикнул, приваливаясь к деду. Пригрелся на его вязаной безрукавке и задремал, продолжая упрямо думать: «Не пойду!»

Разбудил телефон. Громкие трели звучали слишком настойчиво для ночной поры.

Дед спустил Юрку с колен. Бабушка стояла у журнального столика, но почему-то не поднимала трубку. Спрятала руки под фартук. Мама все еще не было. Сами собой обиженно припухли губы.

Звонок оборвался – дед снял трубку.

– Слушаю!

Юрка дернул бабушку за подол:

– Ну где мама?

Та прижала внука к себе.

– Да, – сказал дед. – Выезжаю.

Мама погибла на той самой улице, название которой Юрка не мог запомнить – то ли Краснокоммунская, то ли Краснокоммунарская. Водитель не виноват, так утверждали в милиции. Женщина бежала по проезжей части навстречу машине, у которой ярко горели фары. Это видели свидетели, припозднившаяся парочка. Мужчина за рулем пытался отвернуть, но автомобиль повело юзом на мокрой дороге.

Спрашивали у бабушки, деда, маминых подруг и коллег. Но никто не знал, что понадобилось ночью на Обводной и куда так отчаянно спешила Дарья Жданова.

Юрка возненавидел телефон. Он подкрадывался к нему на цыпочках, точно к спящему чудовищу, и шептал:

– Сволочь!

Телефон молчал, поблескивая лаковым корпусом.

Став постарше, лет в пять, осмелел и попытался убить пластмассового гада. Тот снова звонил, трели отзывались во всех уголках дома. Юрка придавил подушкой телефон.

– Замолчи! Сволочь! Замолчи!

– Ты что?

Дед взял за плечо и присел рядом на корточки.

– Юрик, что случилось?

– Пусть он замолчит! Гад!

Дед сунул руку за тумбочку, дернул – и стало тихо. Юрка продолжал давить, кряхтя от усердия.

– Что ты делаешь? – Дед хотел забрать подушку, но внук сердито отпихнул локтем. – Юрик, зачем?

Он глянул на него, такого большого и такого глупого. Пояснил:

– Я его задушу!

– Внучек...

Дед поднял его вместе с подушкой, понес в кресло.

– Маленький ты мой...

На следующий день вместо старого белого аппарата стоял новенький, ярко-зеленый. Юрка выждал, когда дед уйдет на работу, а бабушка займется обедом, и упрямо сдернул с кровати подушку. Пусть другой, они все – гады! Телефон спал, Юрка подобрался к нему. Сейчас... Поднял подушку и удивленно замер, держа ее на вытянутых руках.

На зеленую трубку наклеили картинку: щенок под огромным одуванчиком. У щенка были длинные уши и черный нос, рыжие пятна на морде и галстучек. Он смотрел проказливо, казалось, вот-вот вильнет хвостом. Юрка опустил подушку.

Телефоны он больше не душил, но все равно не любил, когда поздним вечером раздавался звонок. Становился раздражительным, ругался с бабушкой и даже хамил деду. Какое-то время это сходило ему с рук, отчего злость становилась только сильнее. Но однажды дед хлопнул по столу и отправил распоясавшегося внука, тогда уже второклассника, в угол. Юрка пошел, сердито вскинув голову, и из-за шкафа крикнул:

– Ее нет, и все! И не было! Никогда не было! Ушла, и пусть! Не хочу! Не надо мне ее!

Дед растерянно кивнул. Больше при нем о маме старались не говорить.

...Юрка сглотнул соленый комок и спрятал лицо в сгибе локтя. Калима все пела.

Глава 6

Ткали долго, покуда позволял дневной свет. Постукивала рама. Мелькал челнок, протискиваясь между нитями основы. Размеренные, монотонные движения. Медленно росло полотно.

Когда Калима дернула за цепочку, Юрка с трудом распрямил затекшую спину. Прядь сальных волос упала на лицо, и он раздраженно тряхнул головой. Поскреб шею под кожаным ремнем. Под ногтями скаталась грязь.

Хозяйка торопилась, Юрка плелся медленно, натягивая поводок. Ему спешить было некуда. Темнота юрты, пропахшая мясом и прогорклым жиром, надоела до изжоги. Место у двери обжил, как пес конуру. Скоро таявать и выть начнет.

Аул был тих, воздух – до неправдоподобия прозрачен. Ветер, пахнувший травами, трогал разноцветные ленты на юртах.

Отодвинулся войлочный полог, открывая душную глубину с вызубренным наизусть убранством. Юрка попятился, замотал головой. Женщина раздраженно обернулась, глаза ее вспыхнули.

– Не надо, – попросил Юрка. Вспомнил угаданное слово, означающее «нет»: – Жок.

Калима что-то сказала. Он пожал плечами и показал на коновязь возле юрты:

– Блин, ну куда я денусь?

Женщина заколебалась. Пленник в последние дни вел себя тихо, особых хлопот не доставлял. Юрка вытянул руки, предлагая связать покрепче.

И вдруг – грохот, звон, крики! Испуганно обернулась Калима.

Старый шаман бежал, выпучив глаза, и лупил колотушкой в огромный бубен. За ним – жужги, из тех, что остались охранять поселение. Метались женщины, выкликая детей. А неподалеку, за юртами, вставал призрачный лес, все выше и выше, и вот уже деревья вымахали втрое против обычных.

Юрку окружили. Шаман тряс бубном у него перед лицом, кричал и брызгал слюной. Куда-то пропала Калима, мелькнул Ичин – его узкие глаза стали круглыми. Юрка испугался, что малька затопчут.

Рывок, натянулась цепочка – пленника потащили, он еле успевал переставлять ноги. Кругом вопили, дергали за куртку и волосы. В толпу ворвался жужг верхом на коне, подхватил Юрку и кинул в седло. Больно сдавил локтем горло, не давая шевельнуться. Из-под лошадиного брюха выскочил шаман со своим бубном, и перепуганный конь шархнул, давя людей. Вынырнула растрепанная Калима, швырнула бокшу. Сумку перехватил всадник.

Тряхнуло – лошадь пошла галопом. Жужги отстали, громко выл за спиной шаман. Лес приближался, обретая цвет, форму, запах. Огромные деревья упирались в небо раскидистыми ветвями. Ствол в несколько обхватов неожиданно возник перед лошадиной мордой, и конь взвился свечкой. Юрку толкнули с седла. Он больно ударился коленями и локтями, зарылся в палую листву и остался лежать. Суматошно колотилось сердце, а когда успокоилось, оказалось, что кругом очень тихо. Ни голосов, ни грохота бубна.

Юрка осторожно приподнялся. Всадника не было. Аула тоже. Куда ни глянь – великанский лес.

– Приехали!

Коснулся дерева – настоящее, серая кора крошится под пальцами. Юрка запрокинул голову, пытаясь разглядеть верхушку, и не смог. Ни хрена себе размерчики! Божья коровка затопчет. В горле пересохло, и он шумно сглотнул. Тогда какие тут хищники?! Метнулся, прижался спиной к стволу и в панике зашарил взглядом. Никого. Даже птиц не слышать.

– Трусишка зайка серенький.

Губы слушались плохо, сказал погромче:

– Дурак!

Огляделся уже спокойнее и заметил сумку. С такой Азат ездил на пастбище – с длинной ручкой, на боку узор: ромбики и лошадки. Вытряхнул ее содержимое на лиственный ковер. Свертки из промасленной ткани, фляжка, что-то пестрое, моток веревки, огниво. Последним вывалился нож в кожаном чехле. Рукоять деревянная. Лезвие с узким кончиком, заточено отлично. Намного лучше, чем та безделушка, что отобрали когда-то.

На ощупь вставил кончик ножа в замок на ошейнике, попробовал шевельнуть. Не получилось, нажал посильнее, и острие соскользнуло. Юрка испуганно замер, чувствуя, как побежала вниз теплая капля. Чуть резче, и... Его передернуло.

– Нет уж, на фиг!

Оставил замок в покое и попытался разрезать ошейник. Лезвие скрежетнуло по проволоке. Юрка стиснул зубы и продолжил пилить, стараясь держать нож подальше от шеи. Было трудно дышать, приходилось останавливаться, чтобы откашляться и передохнуть. Отлично закаленная проволока не поддавалась, зато из ранки сильнее потекла кровь.

– Чтoб тебя!

Поднял цветастую тряпку. Маленькая рубашка, по размеру – на Ичина. Так вот что за сумку швырнула Калима. Чувствуя непонятную вину, Юрка распорол рубаху на ленты. Обмотал шею, заодно спрятав цепочку.

Пустая сумка валялась, раззявив пасть. На всякий случай вывернул ее, и на ладонь упал плетеный браслет. Жузгов оберег, тоже на маленькую руку. Выкинуть? Юрка помедлил и сунул его обратно.

В промасленных свертках оказалась еда: сыр, творог, вяленое мясо, курт, сухая лепешка. Во фляжке – кумыс. Неплохо! Сложил все обратно. Прицепил нож к поясу... и замер. Дальше-то куда? Ни тропки, ни просвета между деревьями.

Понюхал воздух – прелые листья и какая-то гниль. Поискал на стволе мох. Кора – серо-коричневая, бугристая, в трещинках – понизу отливала зеленым. Юрка на четвереньках обполз дерево. Везде одинаково. Да и зачем ему север?

Сел, медленно отряхивая ладони. Паника поднималась волной, и Юрка скорчился, вжимаясь лбом в колени. Спокойно! Главное – не психовать. Он сможет. У него получится. Вот сейчас подумает и... Черт возьми, да иголку в стогу сена найти проще, чем тут – узел! Куда идти? Направо, налево, вперед, назад? Десятки, сотни направлений – и только одно правильное. Как угадать? Ошибиться намного проще. «Ненавижу!» – вспомнил Дана.

Сидел долго. Встать и сделать первый шаг было страшно.

Начало темнеть. Ветер шуршал высоко в ветвях, быстро холодало. Юрка поддернул воротник, и сумка резанула плечо. Там же еда! При мысли о ней засосало в желудке. Первым под руку попался курт – твердый, как камень, приготовленный специально для долгого пути. С трудом смог отгрызть кусок, перемолол его зубами. Сухие комки царапали гортань, и Юрка закашлялся, даже слезы выступили. Подумал испуганно: «Да что же я делаю?!»

Вскочил и, уже не думая о направлении, побежал. Толстые корни лезли под ноги, кроссовки скользили по листе. Гигантские стволы заставляли петлять, и тень шарахалась от дерева к дереву.

Юрка остановился, тяжело дыша. Воздух сипло вырывался из горла, и казалось – все окрестные хищники с интересом прислушиваются. Заткнул рот рукой. Стало тихо. Ни шуршания, ни шороха, ни птичьего крика. Юрка опасливо посмотрел за спину и только сейчас понял, что вечер на исходе. За ближайшим деревом – темнота.

– Идиот, – обозвал себя шепотом. – Помчался, как лось.

Сбросил сумку на землю. Пора устраиваться на ночлег.

С топливом пришлось помучиться. Тонкие ветки попадались редко. Пару толстых сучьев сначала обстругал, и только потом удалось разломить. Сухие листья горели, точно плотный картон, и давали мало жару.

– Не деревья, а дубоиды какие-то, – ругнулся Юрка.

На огне согрел мясо и зачерствевшую лепешку. Запил ужин кумысом. Пока жевал, все поглядывал через плечо. Лес молчал, прикидываясь безопасным. Нет уж, решил Юрка, лучше он переночует наверху.

Бугристая кора ступеньками ложилась под ноги. Интересно, а медведи умеют лазать по деревьям?

Юрка чертыхнулся и прошептал:

– А нам все равно, пусть боимся мы волка и сову.

Вспомнилось, как Дан советовал петть, когда ехали через каменную пустыню, и выругался – в голос, от души. Подтянулся на руках, зацепившись за развилку. Подходящая ветка! Достаточно высоко, чтобы не достали с земли, и есть шанс не убиться, если свалишься. Широкая, как диван, с ложбинкой у основания. Надергал в нее листьев, и шикарное получилось гнездо.

Юрка свернулся клубком, накрылся курткой. С полминуты ловил потрескивания и шорохи, а потом отключился.

Проснулся от холода и вместо темноты обнаружил густой туман. Смутно проступали силуэты дубоидов. Куртка и джинсы намокли, листья в гнезде стали влажными. Сдвинувшись к краю гнезда, Юрка посмотрел вниз.

– Ни черта не видно, – сказал вслух.

Хотелось в туалет, но спускаться в неизвестность он побаивался. Прошел по ветке, пока она не начала качаться. Расстегнул штаны. Хихикнул, представив, как ошалеет хищник, случись ему оказаться внизу.

Прохладный воздух забрался под одежду. Юрка трусцой вернулся в гнездо и зарылся в листву, натянул на голову куртку. Согреться долго не получалось, и в зыбкой дремоте вспомнилось, как тяжело болел в первую школьную зиму, набегавшись во время перемены по двору.

В бреду тогда чудилось: комнату заполнило горячим паром. Тонул в нем, не в силах приподнять голову. Нагревалась подушка, намокли и слиплись волосы. И вдруг на лоб опустилась холодная ладонь. Юрка открыл глаза. Возле постели сидел дед, от него пахло морозом и табаком. На тумбочке, среди лекарств, лежал огромный темно-красный гранат, большая редкость в те времена. Он мерцал среди тусклых пузырьков, точно елочная игрушка, и казался прохладным даже на вид. Юрка удивленно моргнул. Рука со лба исчезла. Дед взял нож, осторожно развалил гранат на две половины. Засветились багряные зернышки, полупрозрачные, с косточками внутри. Дед выковыривал их и скармливал внуку с ладони. Зернышки брызгались во рту кисло-сладким соком...

Юрка сердито сбросил куртку. Туман поредел, стало светлее. Все, хватит сидеть в гнезде!

Сполз по влажной коре на землю. Чтобы согреться, трижды обежал дубоид. С костром возиться не стал, слишком все кругом было волглым. Догрыз курт всухомятку.

Значит, так: он – вейн, у него получится. Не дав себе и мгновения на раздумья, Юрка вскинул на плечо сумку и зашагал.

Поднималось солнце, ложилось под ноги золотистыми пятнами. Истончался туман. Сверкали на паутине капельки росы, но сами пауки не показывались. Молчали птицы.

Часа через два неспешного хода стало теплее. Деревья раздались, пропуская свет. За гигантскими стволами что-то блестело, и вскоре Юрка очутился на берегу маленького озера.

– Привал, – скомандовал он вслух.

У берега вода прогрелась, дальше, на глубине, обжигала холодом. Юрка побултыхался, громко ухая и подвывая. Эх, в баню бы сейчас! Кое-как оттерся песком, постирал одежду и развесил на дереве.

На завтрак – или полдник? – прикончил остатки припасов, допил кумыс и набрал во фляжку воды.

Футболка высохла, джинсы оставались влажными. Кривясь, Юрка натянул их. Сумка основательно полегчала, но это как раз не радовало.

Он по-прежнему не знал, куда идти, и потому просто закрыл глаза и крутанулся на месте.

– Я – вейн, я – смогу.

Снова выпало на запад, и Юрка – тайком от самого себя! – обрадовался. А если бы другое направление?..

Становилось жарко. Снова захотелось есть, хоть кору грызи. Какое-то время Юрка шепотом материл Дана, приговаривая:

– «Захочешь – почуеть!»! С-с-котина! Тебя бы сюда!

Сам-то, поди, уже в Бреславле. Сидит в трактире и жрет. Мясо, здоровущий кусок. К нему жареная картошка с луком, сметаной, еще хлеб с сыром и... Чтоб ему подавиться!

Шмыгнул носом и вдруг почувствовал странный запах. Не табака с ромом, а скорее, тухлых яиц. А вдруг Дан ошибся? Вдруг для него, Юрки, узел пахнет иначе? Побежал. Сумка хлопала по спине, подгоняя. Воняло все сильнее. Юрка с размаху выскочил на обрыв и еле успел зацепиться за ветку.

– Черт...

На дне котлована бурлила жижа, подернутая маслянистой пленкой с радужными разводами. Пленку с чавканьем разрывали пузыри. Деревья, росшие по краю, казались мертвыми. Торчали голые сучья, кора вздулась и пошла черными наростами.

– Тьфу, гадость.

Пузырь вынырнул у ног и лопнул, распространяя зловоние.

Тьма опустилась резко, точно с неба упало черное покрывало. Вейн остановил Кыся и положил ладонь ему на шею, успокаивая. Проекция? Но пахнет клевером и душицей, слышится шорох травы, приминаемой ветром. Дан спешил и пошарил по земле. Да, он все еще в степи.

– Тихо, парень, тихо, – сказал Кысю. – Шэт его знает, куда мы попали.

Конь нервничал, но несильно, и это настораживало. Когда проекция и хищники – понятно. Драться или удирать, вот и все занятия. А сейчас что делать? На всякий случай вытащил нож. Можно, конечно, снять с седла арбалет, но в кромешной темноте от него мало проку.

– Мы дергаться не будем, мы осторожненько...

На горизонте взвился белый огонь. Прыжком выметнулся вдоль неба к Дану, собрался в комок и хищной кошкой упал на землю.

У вейна сперло в груди. Так, значит, не все, что рассказывают о межсезонье, – сказки!

– Здравствуй, Оракул, – сказал он.

Сияющий зверь мигнул. Глуховатый голос произнес с оттенком удивления:

– И ты.

Дан озадачился. Что – он? Пришел? Что-то сделал неправильно?

– Ты назвал меня Оракулом, – объяснил голос.

– Разве это не так? – осторожно спросил Дан. Все-таки брешут, собаки!

– Нет.

- А как тебя называть?
- Оракул. Ты назвал меня так.
- Значит, я могу спрашивать?

Полыхнуло и гулко ударило по барабанным перепонкам. Дан зажмурился, из-под век потекли слезы.

Когда он смог открыть глаза, темнота уже не была такой густой, в ней мерцали опаловые капельки. В их свете вейн разглядел людей. Ближе всех стоял пожилой священник. На два шага дальше – жрица Йкама. За ней парень, в котором Дан узнал господина Эрика. Потом Игорь с винтовкой на плече, в опущенной руке менестрель держал гитару. Грин в походной куртке. Мальчишка, оставленный у жузгов. Кто-то еще, незнакомый.

- Спрашивай, – разрешил отец Михаил.

Йорина кивнула.

Дан понимал, что жрицы на самом деле тут нет, но на всякий случай избегал смотреть ей в глаза.

- У меня все получится?
- Это неправильный вопрос, – сказал отец Михаил голосом Оракула.

Да, действительно, что значит – «все»?

- Я дойду до Бреславля?
- Не то, – с сожалением произнес Грин.

Вейн разозлился:

- А ты тут при чем?
- Я – Оракул.
- Хорошо! Тогда скажи, Йорина знает, где я сейчас?

Ответило то, что приняло облик жрицы:

- Неважно.

ТЬфу ты!

Отец Михаил поторопил:

- Спрашивай. Время уходит.
- Я спросил!
- Нет, – покачал головой менестрель.

Дан скрипнул зубами.

- Я успею до конца межсезонья? Йоры идут по следу? Оракул ты или нет, Шэт побери?!

Всхрипнул Кысь, напуганный криком вейна.

- Я – Оракул, – сказал Грин. – Ты сам меня так назвал.
- Тогда отвечай.

- Ты задаешь не те вопросы, – возразил отец Михаил.

Так, может... у Дана пересохло в горле, и он хрипло спросил:

- Я останусь в живых?

Настоятель Взгорского монастыря смотрел с жалостью и укоризной. Совсем как десять лет назад, когда после очередной выходки Дана, растерзанного, с разбитым носом и коленками, привели к нему в кабинет.

- Отец Михаил...
- Он не спросит, – перебила Йорина. – Чтобы спрашивать, нужно сомневаться.
- Да, – согласился менестрель, развернулся и пошел в темноту.

Дан сжал кулаки.

Они уходили. Грин, Юрка, те, кого Дан не смог разглядеть.

- Подождите! Отец Михаил! Я не понял, так «да» или «нет»?

– Я не могу ответить. Ты не задал вопрос, – терпеливо объяснил настоятель и пошел за остальными. Опаловые светляки роились вокруг него, утягивая за собой темноту. Дан уже мог разглядеть свои руки и морду Кыся. Конь тревожно фыркнул ему в лицо.

Пахло не так, и шумело иначе. Вейн оглянулся.

Из-за горизонта накатывало море. Сизые волны несли мелко искрошенный лед, подминая степную траву. Испуганно кричала чайка. Первый вал был низким, он только пробовал горячую землю на вкус. А дальше вода поднималась стеной.

Проекция!

Дан сам не понял, как оказался в седле. Конь в ужасе мчался прочь, но их догонял ветер, бросал пригоршнями холодные капли.

– Давай! – вейн ударил каблуками.

Метнулась над головой чайка, ее товарки горестно завопили. Дан глянул через плечо. Страшная стена приближалась, гоня перед собой волны, заставляя их злее вгрызаться в землю. Вынырнули каменные спины прибрежных валунов. Вейн облился потом, представив, как скала подрезает Кысю ноги.

Пресветлая Иша, за что?!

Вода уже пенилась под копытами, с хрустом ломались льдинки. Но пока еще была видна степь, и Дан цеплялся взглядом за выгоревшую на солнце траву. Только бы не затянуло! Пресветлая, помоги!

Кысь дышал тяжело, бока раздувались, с морды срывалась пена. Вейн полоснул ножом по ремням, сбрасывая мешок с припасами. Плюхнуло – поклажа упала в воду. Оставался еще груз. Дан занес руку, но вовремя придержал. Нельзя!

Спина мокрая. Вода стекает по лошадиной шкуре. Бурлит под сапогами. Исполинский гребень покрылся сверху белым и начал загибаться.

– Пошел! – дико заорал Дан.

Отчаянный рывок вынес Кыся в степь, и, почувствовав твердь под ногами, конь передумал сдаваться. Дан припал к его шее, ожидая тяжелого удара. Вот сейчас... сейчас...

Бухнуло. Хлестнуло ледяным крошевом – но и только. Ошеломленный, вейн повернулся.

Проекция остановилась. Вода билась о прибрежные скалы – и бессильно стекала с них. Там, где пространство истончалось, переходя одно в другое, виднелась каменная сердцевина, тысячелетиями скрытая от глаз.

Дан сполз на землю. Колени у него дрожали. Хотелось вздохнуть поглубже, но горло закупорил пережитый страх.

– Твою... мать... Оракул! Шэт!

Пена на морде Кыся окрасилась в розовый – губы порваны удилами. Бока судорожно вздрагивали.

Дан снял с него сумку и повесил через плечо.

– Пошли, парень. Давай. Полегоньку...

Конь смотрел жалобно, глаза у него были красными, в сетке лопнувших сосудов. По ногам, изрезанным льдинами, бежала кровь.

– Ну ты же умница. Мы медленно, еле переставляя копыта.

Ворочалось и шумело море, Дан опасно оглянулся. Конь, почувствовав его страх, шагнул.

– Вот и хорошо. Нельзя тут. Опасно.

Большак манил теплой, прогретой на солнце пылью, накатанными колеями. Но каждый вейн знает: разрывы чаще случаются именно на дороге. Дан посмотрел на Кыся. Ох, бедолага.

– Ладно, рискнем. Осторожненько, по обочине.

Под жаркими лучами рубаха, вымоченная чужой водой, успела просохнуть и снова намочить от пота. Дан кряхтел под тяжестью сумки, но перевесить ее на коня не решался. Над ними с суматошными криками носилась чайка. Возмущалась, не понимая, куда девалось прохладное море и откуда взялась эта гладкая, заросшая чахлой травой земля.

– Цыц! – сказал ей Дан.

Чайка визгливым голосом передразнила с высоты.

– Разоралась! Степь ей наша не нравится. Дура! Правда, Кысь?

Между деревьями торчал полосатый шест. Табличка – ярко-оранжевая, перечеркнутая крест-накрест – сверкала под солнцем. Граница? Знак опасности? Заминировано? Юрка остановился, раздумывая: обойти или черт с ней. Обходить не хотелось. Тем более дальше, за шестом, росли все те же дубоиды и ковром лежали листья. Ничего особенного.

– Для ежейков поставили? – спросил Юрка вслух. – Зря! Ежиков тут нет.

За все время, что блуждал по лесу, он не встретил даже букашки.

– Ну ладно!

Задержал дыхание и перешагнул тень от шеста.

Ничего не произошло.

Юрка ругнулся. А чего он ждал? Взрыва? Воя сигнализации? Пограничников с собаками? Презрительно дернул плечом и зашагал дальше. Правда, на всякий случай внимательнее поглядывал под ноги.

Через несколько метров он нашел люк, прикрытый крышкой.

Петли порыжели от ржавчины. Ушко, торчавшее на макушке, подъела коррозия. Юрка подцепил, уверенный, что надорвется, но не поднимет эдакую махину. Крышка заскрежетала и неожиданно легко встала на ребро. Пахнуло сухим воздухом, совсем не похожим на канализационный. Вертикально вниз уходил колодец с литыми, без швов, стенами. Поблескивали ступеньки, сваренные из хромированных прутьев.

– Эй, – позвал Юрка.

Не отозвалось даже эхо.

– Ладно, поглядим.

Он нашарил корягу и втиснул ее рядом с петлями, на упор.

Лестница закончилась быстро, Юрка спрыгнул на дно. Света, падающего сверху, хватило, чтобы рассмотреть гладкие стены и арку, ведущую в тоннель. Казалось, она затянута черной бумагой, такая за ней густилась темнота. Юрка потрогал край – и под пальцами неожиданно вспыхнул свет. Отдернул руку. На стене осталась россыпь сияющих отпечатков.

На дренажную систему это точно не походило. А вдруг там, дальше, склады с НЗ?

Туннель спускался под небольшим углом. Широкий – плечом к плечу трое поместятся, но низкий, до потолка легко дотянуться. Дно покрывало что-то мягкое, похожее на пробку, и кроссовки не скользили. На полметра вперед стены наливались светом, на полметра позади – темнели. Местами люминесцентная краска была стерта, похоже, кто-то громадный чесал тут спину. Но звериного духа не чувствовалось, воздух казался мертвее, чем в лесу.

Юрка не сразу сообразил засечь время, и, когда глянул на часы, могло пройти и десять минут, и двадцать.

Вскоре туннель раздвоился. Налево уходил узкий отросток, вход в него от пола до середины перекрывала ажурная решетка. Юрка сворачивать не стал.

Дальше боковые ходы встречались часто. Одинаковые по размеру, они отличались высотой решеток: где-то доходили до потолка, где-то высывались на пару-тройку сантиметров.

Бесконечный туннель надоел быстрее, чем дубоиды в лесу.

– Ну кто так строит, а? – попенял Юрка вслух.

Уже хотел повернуть обратно, когда прямой до сих пор коридор круто преломился. Юрка шагнул за угол и увидел бункер.

Полукруглая комната с низким потолком переливалась и подмигивала множеством разноцветных кнопок, но все равно выглядела заброшенной – везде лежала пыль. Экраны – а вертикальные пластины ничем иным оказаться не могли – остались мертвыми, даже когда Юрка переступил порог и включилось освещение.

Еды, конечно, тут не было.

– Дурак, – обозвал себя шепотом. – Поперся...

Он прошелся вдоль изогнутой стены, не решаясь прикоснуться к кнопкам. У пультов стояли креслица с подлокотниками, но без спинок. Одно валялось на боку, из прорванной обивки вылезла начинка и осыпалась трухой. Справа, в небольшой нише, приткнулся диван. Над диваном висела черно-белая фотография города. Кто-то щелкнул его снизу, запрокинув объектив. Взмывали узкие небоскребы, сияли сплошными окнами, отражаясь друг в друге. А над ними висела летающая тарелка, один в один, как показывали в передачах про НЛО.

– Приехали.

Может, это бред и он давно в палате с мягкими стенами? Но тогда почему так хочется жрать?

Юрка плюхнулся на диван и с минуту сидел, запустив пальцы в волосы. Потом выругался, сбросил на пол сумку – брякнула полупустая фляжка. Куртку скомкал и сунул в изголовье. Нож на поясе мешал, Юрка рывком выдрал его из чехла. Лег, отвернувшись к стене. Он не собирался спать – отдохнуть с полчаса и валить обратно. Но стоило закрыть глаза, и реальность исчезла. Юрка увидел степь, потрескавшуюся от жары. Били цветные гейзеры – от темно-алых до оранжевых, и между ними ехали узкоглазые всадники. Горели костры, ветер гнал клубы дыма, пахнущие дедовым табаком. Где-то рядом был Дан – стоило лишь вовремя оглянуться, чтобы заметить его. Но то скакал мимо Кысь с пустым седлом, то мелькала на жужге знакомая связка амулетов, то проходила девушка с тигриными глазами, выкликая вейна. А потом взревел мотор, и надвинулся огромный, блестящий на солнце радиатор...

Юрка рывком сел, мгновенно придя в себя. Странно, но уверенность, что Дан – близко, не пропала. Посмотрел на потолок. Гладкий, похожий на скорлупу. Ударить бы, пробиться наверх. Ему нужно туда. Да, точно. Узел там! И запах... Но не табака с ромом, а мерзкий, как от бомжа. Юрка замер. В бункере кто-то был. Он шуршал, чавкал, коротко взрыкивал и сопел.

Глава 7

В носу свербело от полынной горечи. Все было в точности, как описывал Арсей Ичигин: запах густо висел слоями – выходя из одного, вейн почти сразу попадал в другой. Степь качалась под ногами, ровная, как сковородка, на которой пекут блины. Пот заливал глаза. Казалось, затылок сверлит чей-то взгляд. Дан не оборачивался.

Все-таки те трое – Арсей Ичигин, Алекс Грин и Стефан Батори – были сумасшедшими. В полосу прибоя влезли они со стороны Бреславля. В первый год заплутали, а во второй и третий – прошли, сначала с востока на запад, потом с юга на север. По их меркам выходило, что топать еще Дану и топать. Ничего, продержится, а там и до города... Узел открылся точнехонько под ногами, и мгновенно выкатились ориентиры, как последний золотой из дырявого кармана. Вейн успел отпрыгнуть и хрипло выругался. Это что же, Шэт побери, и подумать нельзя?

– Хрен тебе, – сказал Дан, обходя источник полынного духа.

Тень под ногами распалась натрое, две из них отливали синевой. Вейн сощурился на солнце, висевшее на положенном месте. Хоть бы облачко какое набежало.

Снова душно запахло полынью. Синие тени, точно лезвия ножниц, то сходились, то расходились.

– Два кольца, два конца, – припомнил Дан загадку, которую слышал от Грина. – Посредине я. Как гвоздик.

Засмеялся, представив себя гвоздем. Крепким, железным, с ребристой шляпкой и острым кончиком.

– Врешь, не забьешь! Еще погуляю! – крикнул и захлебнулся горячим воздухом.

С трудом отдышался. От страха проступил и тут же высох на висках пот. Дан вытащил из-под рубахи связку амулетов, нашел в ней крестик. Помоги, пресветлая Иша! Проведи! Не дай сойти с ума!

Лишние тени постепенно выцвели. Подул ветер, разгоняя полынный запах, и стало полегче. Вейн повел занемевшими под тяжестью поклажи плечами. Бросать топливо нельзя. Все остальное – сколько угодно, но только не дрова. И не соль.

Узел чувствовался справа, достаточно далеко, чтобы думать хоть о Бреславле, хоть о кровати в «Перекрестке».

...а может, рискнуть? Ломануться, вдруг получится пробиться в закрытый город? Разом, за один шаг!

Дан выругался. Шэтово искушение!

В третью свою экспедицию Ичигин и Батори этим, собственно, и занимались. Перебирали узлы – мгновенно возникающие и исчезающие. Обманные, переменчивые, обращающие входы в выходы и наоборот. Сбивающие ориентиры и не соблюдающие допуск – то самое крохотное расстояние, позволяющее не влипнуть мордой в камень на выходе. Грин только страховал, потому и вернулся в Бреславль. Ичигин нашелся спустя полгода, с переломанными ногами. Про Батори больше не слышали. «Зачем?» – спросил как-то, недоумевая, Дан, и Грин ответил: «Именно тогда в теорию узлов...» Он не договорил, вспомнив, что его бывшего ученика всегда больше интересовала практика. Усмехнулся: «Бреславль был бы открыт».

Полынный дух мешался с запахами моря и горячего железа. Проекция наслоилась? Впереди узел, придется взять левее, все дальше уходя от дороги. Дан посмотрел на солнце, сверяя направление – он боялся заблудиться. Не приведи Всевышний!

Долго везло: ловушки вырастали медленно, предупреждая запахом, и плавно таяли. Припекало, как и положено в степи, не более. Стрекотали кузнечики. Потом они исчезли –

узел растекся, точно маслянистая пленка по воде. Чтобы протиснуться сквозь такой, пришлось бы лечь на брюхо, но думать про Бреславль Дан все равно остерегался – и из-за этого постоянно думал. Хитрый же узел местами вспухал, доходя до пояса. Он уже трижды менялся – с двойного на вход, со входа снова на двойной, а потом на выход. Запах у него был противный, вроде как и на полынь не похожий. Дан принюхивался, морщился и, только пройдя узел насквозь, понял, в чем дело.

На границе его лежал труп – та часть, что осталась тут, в степи. Загустевшая кровь свернулась на горячей земле, воздух гудел от мух. Дана затошнило. Он выбрался из узла и какое-то время стоял к нему спиной, кривясь и сплевывая под ноги. Потом решительно повернулся.

Сохранились штаны с кожаной заплатой на задку и сапоги, порыжевшие от конского пота. Судя по тому, что пятками они смотрели наружу, неудачливый коллега явился со стороны города. В петли был вдернут ремень с пряжкой, заточенной по краям. На ремне висела фляга и пустой чехол от ножа. А все, что выше, срезало начисто.

– Ну, прими тебя святой Христофор и проводи к Всевышнему! – сказал Дан.

Подумал, не пошарить ли в карманах, авось найдется что годное для опознания, но не смог заставить себя прикоснуться к трупу, хотя немало повидал на своем веку мертвецов.

– Прости, хоронить тебя некогда.

Гнилостный запах чувствовался еще долго, пока его не перебило полынью.

Сумка была вывернута наизнанку. Кто-то угловатый и заросший мял ее, облизывал швы, постанывая и далеко высовывая язык. Сквозь прорехи на его лохмотьях просвечивало костлявое тело, мутно-белое, точно отлитое из воска. Дикарь поднял голову и предупреждающе заворчал.

– Я тебя не трогаю!

Юрка поднял руки, показывая раскрытые ладони. Осторожно сдвинулся на край дивана. Куда он отбросил нож?!

Дикарь следил настороженно, но нападать вроде не собирался.

– Оставь ее себе, а я пойду. Хорошо? – Юрка говорил на всеобщем. – Ты меня пропустишь?

Тот оскалится в ответ, показав заостренные зубы. Прижал сумку к груди. Руки у него были жуткие, кожа туго обтягивала кости.

– Я пошел, ладно?

Не понимает. Сидит, загораживая выход. Вспомнив, что говорил Тобиус, Юрка четко произнес про себя: «Пропусти меня». Всплыли непривычные слова, повторить которые – язык сломаешь, но он постарался:

– Сиссеушь вией.

Зря!

Бешено сверкнули под космами глаза. Дикарь бросился на него и сдернул за ногу на пол. Юрка пытался вырваться, но жесткие пальцы стиснули запястья. Ах, так! Ударил лбом в лицо, добавил коленом и смог высвободить правую руку. В левой же, казалось, захрустели кости. С грохотом упало кресло. Нож! Где-то должен быть нож! Рука натыкалась то на край ниши, то на сброшенную куртку, скребла по полу. Дикарь верещал, брызгая слюной, царапался и тянулся к горлу. Лязгнули зубы. Юрка завопил от страха, на мгновение перестав отбиваться, и безумец тут же прижал его коленями. Дохнул тошнотворно в лицо – и вгрызся в жесткую кожу ошейника. Его затылок саданул Юрку в подбородок, сальные волосы упали на лицо. Пальцы резануло – нож! Зажал в кулаке у самой рукояти и полоснул наугад. Лезвие запуталось в лохмотьях. Юрка ударил снова, крест-накрест... Визг оглушил. Хлестнуло вонючим тряпьем.

Безумец крутился, пытаясь ощупать спину. Загремев, упало еще одно кресло. Дикарь вскрикнул, метнулся к выходу и исчез в туннеле. Несколько мгновений был слышен топот, а потом стало тихо.

– Ни хрена себе.

Юрка потрогал шею – кожаный ремень измочален, в слюне. Брезгливо сморщившись, вытер ладонь о стену. Так бы и загрызли... И спал-то – или не спал? – всего ничего. Глянул на часы: минут двадцать.

Саднило поцарапанную щеку. Жгло и пощипывало пальцы. Юрка посмотрел на руку. Кровь. Наверное, порезался, когда схватился за лезвие. Нет, сматываться отсюда, и побыстрее! Суетливо натянул куртку, собрал барахло. Фляжка откатилась под кресло, жузговый оберег валялся на пульте. Сумку Юрка повесил через плечо и задвинул за спину. Нож убирать не стал. Сжав рукоять, выглянул за порог. В медленно разгорающемся свете увидел цепочку красных капель.

Мягкое покрытие пола гасило звуки. Кровь встречалась то чаще, то реже. Иногда попадались потеки на стене, краска вокруг них светилась. Юрка часто оборачивался, а возле боковых проходов замедлял шаг. Понимал – люминесцентное напыление выдает его с головой. Напряженно прислушивался, нюхал воздух. Проходя мимо черной дыры, каменел спиной – вот сейчас завизжит и бросится, вцепится зубами! Потом вздыхал с облегчением – до следующего перекрестка.

Возле одного из ходов цепочка из капель обрывалась. Юрка осторожно заглянул в ответвляющийся туннель. След уходил внутрь.

– Чтоб ты сдох!

С трудом разжал сведенные пальцы. Так напряженно стискивал нож, что порезы закровили и рукоять стала липкой. Вытер ее о штаны и посмотрел на часы. До выхода еще долго, нечего стоять.

Через сорок пять минут он очутился под люком.

Скобы скользили в ладонях. Юрка выбрался наружу, поморгал. Дневной свет показался тусклым после сияющих стен. Уже вечерело, и стало заметно прохладнее.

– Тоже мне, повесили табличку. Решетку надо! И на замок!

Вытащил втиснутую для упора корягу. С грохотом обрушилась крышка.

Юрка постоял мгновение, соображая. Да, все правильно, туннель тоже шел на запад. Значит, ему туда. От люка к бункеру примерно часа полтора, ну, два. Значит, столько же, если не собьется с дороги, и будет на месте. Вопрос – на каком? Сердито мотнул головой. Доберется – увидит.

Часы отмерили половину пути, когда закончился великанский лес и начались заросли. Впереди торчал одинокий дубоид. Он возвышался над кустами, словно телебашня над одноэтажными домишками. На горизонте изломанной линией виднелись холмы, подсвеченные заходящим солнцем.

– И на том спасибо, – пробормотал Юрка.

Кусты местами доходили до пояса, но чаще скрывали с головой. Гибкие ветки, покрытые колючками, цеплялись за одежду. Мешало солнце, оно опустилось так низко, что свет бил прямо в лицо. Волосы липли к шее, на лбу и щеке зудели царапины.

На полминуты глазам стало легче – алый диск перекрыло небольшое облачко. Потом снова ослепило. Юрка глянул из-под руки. Это оказалось не облако. По закатному воздуху бесшумно плыла платформа со стеклянным куполом, она походила на приплюснутую галошу. А вон и вторая, со стороны холмов. Юрка попятился, споткнулся и упал спиной в кусты. Колючки жадно вцепились в куртку.

«Галоша» скользнула над ним, показав черную подошву. Юрку вдавило в землю. Пригнулись кусты, у дубоида-отшельника затрепетали ветки.

Там, наверху, были люди. Там была еда. Но Юрка замер, надеясь, что его не заметят.

Вторая платформа прошла стороной. За ней показалась еще одна, она двигалась параллельно холмам. Юрка оглянулся. Первая, почти касаясь брюхом деревьев, утюжила лес. Служба безопасности? Туристы? Природоохрана? «Галоша» уронила черную каплю, еще одну. Качнулись дубоиды, поднялись белые столбы. Юрка посмотрел в сторону холмов. Там тоже дымило. Вылетела, торопясь, еще одна платформа, пошла наперерез остальным и начала сбрасывать груз. Он насчитал больше десятка бомб, когда «галоши» легли на обратный курс.

Юрка встал, выдираясь из колючих веток. Умнее было бы свернуть, но он, напротив, заторопился к холмам. Гнало предчувствие, нужно – непременно туда. Зудело между лопатками, подталкивало. Впереди трещало, и вскоре потянуло горелым. Юрка остановился, вытер мокрое от пота лицо. Одинокий дубоид пылал, как гигантский факел. Куда он рвется, идиот?

Огонь приближался, шумно ломаясь через кусты. Юрка закашлялся, глотнув дыма. Слезились глаза. «Беги, дурак!» Уже виднелись жадные лапы, ломающие ветки. Алый зверь рычал и остро пах пожаром. А еще – табаком с ромом.

Юрка подался вперед и тут же отпрянул, прикрываясь рукой. Вспыхнуло слева, зверь дотянулся туда. Горящая ветка отстрелила на куртку. Сбил ее щелчком и торопливо проскрежетал «молнией», застегивая до упора. От дыма першило в горле. Но узел – рядом! И есть ориентиры Цитадели! Как там: оплавленный камень, голоса. «Но пэрен!»...

Справа потрескивало – и вдруг занялось. Слева огонь поднимался стеной. Юрка отступил на шаг.

Он же взял ориентиры! Каменный свод, голубое пятнышко неба... Но это на выход, а на вход...

Пламя взметнулось перед лицом.

Дан говорил, в башне... Он был где-то рядом... Близко... Сволочь он!

– Ненавижу! – крикнул Юрка и прыгнул в сердцевину табачно-ромового запаха.

Хлестнуло по щеке. Махнул рукой по горящим веткам и от жуткой боли заорал, захлебываясь раскаленным воздухом. Кажется, вспыхнула куртка. Рванулся – и упал ничком, прямо в огонь.

Шаги были не слышны, но Йорина знала, что он идет следом, и сказала:

– Оун, не надо.

Люди мешали ей. Над каждым из них мошкаринной тучей висела тоска, звенело недоумение. «Как же так? – спрашивали себя йоры. – Отдали без боя? В жертву? И кому?!» Йорина шла через эти тучи, стиснув зубы и напрягая жилы на шее. Она знала, что глаза ее светятся в темноте, подобно янтарию на солнце. Недаром встречные спешили убраться с дороги и шептали молитву Двубликому. Хотелось обернуться, крикнуть: «Да, отдали! И еще отдадим! Еще погибнут!»

Некогда принимать бой. Она не может позволить себе так бездарно терять людей, и лучше откупиться одним, чем лишиться половины отряда.

Оун ее не одобряет. Но он воин, воину – не понять. Ему до сих пор кажется, что все закончится быстро, стоит лишь догнать.

– Останься! – повторила жрица с металлом в голосе.

Темнота еле слышно вздохнула, и запахло багульником, выдавая чувства Оуна.

На горизонте небо соединялось с твердью ровным швом. Кто другой не увидел бы границы, но Йорина ясно различала ее. Куда ни повернись, везде было так, и зря серебристый ковыль пытался удержать своими метелочками густую черноту – он лишь сгибался под ее весом, стелился и прикипал к земле. Страшным казалось небо отсюда, с равнины. А к вору

по имени Дан оно наверняка милостиво и позволяет скользить под своим брюхом, подобно змее. Как можно?! Это несправедливо!

Йорина села, повернувшись лицом на юго-запад. Дрогнули ноздри, ловя среди чужих запахов единственный родной. Так новорожденный кутенок чует молоко, еще не открыв глаза. Жрица прерывисто вздохнула. Будь ты проклят, вор по имени Дан! Пусть отступятся от тебя твои боги! Пусть твоя мать поймет, какое породила чудовище, и твоя женщина отвернется в ужасе. Пусть изгрызет тебя болезнь и ни один лекарь не возьмется лечить. Йорина застонала от невозможности коснуться, заполнить леденевшую внутри пустоту. Как слепая, зашарила по воздуху, осязая черты того, кто украл ее суть, украл надежду ее народа. Без воды получалось хуже, но в этой степи даже затхлое озеро – редкость.

Молодой мужчина с обветренным жестким лицом. Ямочка на подбородке. Нижняя губа упрямо поджата. Твердые скулы. Пальцы покалывает щетина, а пару дней назад он был гладко выбрит. Нос с горбинкой – ломал в драке? Высокий открытый лоб, волосы зачесаны назад и перехвачены шнурком. Над бровью – еле заметная отметина. Крохотный шрамик возле уха. Мочка порвана, заросла неровно.

Йорина уже знала это лицо наизусть.

Вытерла ладони о траву. Прохладные стебли уняли зуд, но кожа все равно покраснела. Невыносимо хотелось снова тронуть воздух, вылепливая уже другое: высокие скулы, чуть раскосые глаза, мягкие брови, сросшиеся на переносице. Но нельзя. Почует.

Жрица обхватила себя за плечи, съежилась под ночным ветром. Сейчас не осталось даже того горького недоумения «Эрик, как ты мог?», которым были пропитаны эти дни. Ушло, истаяло. Или его разъело вместе с душой? Вытеснило неистовое желание, одно-единственное – вернуть!

Эрик... имя перестало быть живым. Теперь оно походило на полынь, высохшую под солнцем. Ее горький запах пропитал степь, стелился шлейфом за вором по имени Дан, забивал ноздри – и Йорина не сдержалась. Она приподняла губу, оскалив зубы, и тихонько зарычала. Знала, что вейн, если он сейчас бодрствует, оглянется, если спит – вскинется, не понимая, что встревожило.

– Я найду тебя, – шепнула жрица. – Найду!

Вспугнутая, поднялась на крыло птица. Вскрапнули кони.

Йорина шевельнулась, меняя позу. Встала на колени, сложила руки на груди. Молитва короткая и вряд ли поможет Иршту, оставшемуся среди жузгов. Слова осыпались, точно осенние листья, и не было в них ни веры, ни надежды.

Трава. Мягкая, прохладная. Широкий лист лопуха. Юрка лежал, уткнувшись в него. Дергался левый глаз, и жгло щеку. Волосы упали на лицо, от них воняло паленым. Руки... попробовал шевельнуть пальцами и от боли едва не потерял сознание. Всклипнув, перекатился на бок. Кругом была степь, полумрак и ни единого горящего дерева. Получилось. Пусть не Цитадель, главное – вышло! У Юрки потекли слезы. Моргал, не в силах остановить их, и вскоре зашипало кожу. Снова лег ничком, прижался обожженной щекой к лопуху. Левую руку сунул в траву, поближе к земле. Пекло так, что хотелось скулить, но он только зажмурился до багровых кругов под веками.

Нужно перетерпеть.

– Я – вейн, – сказал он шепотом.

Боль понемногу отступала. Юрка сел и обвел взглядом горизонт. Алый краешек заката. Чуть в стороне от него – крохотный огонек, совсем не страшный. Туда.

Степь медленно ложилась под ноги. Прохладный воздух – такой густой, что хоть запылай им горечь пожарища, – едва заметно колыхался ветром. Посвистывала птица, ей отвечала другая. Серебром отливал ковыль, расходился волнами, словно вброд идешь через заводь.

Юрка совсем не удивился, разглядев сидящего у костра человека. Шагнул в освещенный круг и сказал:

– Привет, Дан. Я думал, ты уже в Бреславле. А где же лошади?

Вейн снял руку с арбалета, поскреб небритую щеку.

– Увы. Межсезонье, сам понимаешь.

– Понимаю, – сказал Юрка. У него снова задергался глаз.

Дан полюбопытствовал:

– В морду дать хочешь?

Юрка вытянул руки, растопылив пальцы. Вейн присвистнул.

Было очень больно, когда Дан счищал грязь с обожженной кожи. Юрка гонял желваки, надеясь не грохнуться в обморок – в глазах опасно темнело. Мазь уняла зуд. Прохладные листья, положенные под бинты, смягчили жжение. Левую руку вейн замотал от кончиков пальцев до запястья. Правой повезло больше.

– Повязки придется часто менять, – сказал Дан. – Так, рожу покажи.

Глаз все еще слезился. У Юрки живот подбирался от страха, стоило представить: хлестни ветка на пару сантиметров выше...

– Шрам останется?

– А ты что, красная девица, об этом волноваться? Все, готово.

Юрка перевел дыхание.

– Сними ошейник. Можешь?

– Мы уже на «ты»? Быстро!

Дан достал складной нож со множеством лезвий. Он копался в защелке тоненьким крючком, бесцеремонно развернув Юркину голову к свету.

– Знаешь, – сказал, – я бы и с такими ручонками врезал.

– Я собирался, – равнодушно признался Юрка. – Но ты поведешь меня в Бреславль.

– Уверен? – развеселился вейн.

– Да. Я за эту дорогу тебе заплатил. Ты мой проводник.

Ошейник расстегнулся, Дан подкинул его в руке.

– Отдай.

Юрка свернул простеганную проволокой кожу, обмотал цепочкой. На каждое движение пальцы отзывались болью. Размахнулся – и выкинул в степь.

Дан цокнул языком.

– Я тебе больше не слуга, понял? – посмотрел на него в упор Юрка.

– Да нужен ты мне!

– Конечно, сейчас – нет. Ты же меня из-за степняков взял.

– Догадливый мальчик.

Юрка не удержался и злорадно сказал:

– А тебя там искали. Тетка с ненормальными глазами и здоровенный качок. С вооруженным отрядом.

– Шэт! Вот дрянь!

В горле все еще першило, и смех вышел хриплым, точно ворона каркнула.

– Чего ржешь?! – окрысился вейн. – Меня поймают, тебя тоже по головке не погладят. Так что заткнись. Когда они были у жузгов?

– Дней пять назад, кажется.

– Чтоб их проекцией переехало! – Дан сплюнул. – Жрать хочешь?

– Естественно.

На крохотном огоньке, схороненном в кольце прогоревших углей, булькала каша. Дан сдернул котелок.

– Чуть не подгорела из-за тебя. На, – сунул ложку.

Юрка зачерпнул разваренную пшенку, подул торопливо. В животе громко забурчало.

– Как тебе удалось взять на меня ориентир? – спросил вейн.

– Не знаю. Я не брал.

– Угу, дяденька, он сам ко мне в карман завалился. Случайно вышло?

– Да.

Юрка ответил спокойно, теперь насмешки его не задевали.

– Самородок. Вот так и пускай неучей в мощный узел.

Вспомнилось, как вейн держал за плечо, и вдруг пахнуло полынным соком, свело судорогой мышцы.

– Я думал, в Цитадели выйду. А получилось – вот.

– Поди, крыл меня по матушке-бабюшке, когда в узел ломился?

Юрка не ответил, нырнув ложкой в варево. Каша закончилась слишком быстро, и он жадно глянул на порцию вейна. Дан, сердито сопя, повернул к нему котелок другим боком. Юрка благодарить не стал.

– А как так получилось? – спросил без особого интереса. – Ты же говорил, тут нет узлов.

– Нет, – подтвердил Дан. – Кроме полосы прибоя. А она вон там, недалеко, кончается.

Юрка посмотрел вопросительно, но объяснить вейн не соизволил.

– Я надеялся, что ты выпутаешься, – признался Дан.

– А то совесть бы замучила?

– Грехом больше, грехом меньше... Не собирался я никого с собой брать. С жузгами договорился, было дело. Но так, знаешь, слово за слово. Думал: не повезет, наткнусь на Обрега, что уж, не сбегу? Из проекции не выберусь? А тут ты. В Бреславль тебе понадобилось! Не удержался.

– А гонял меня зачем? Приятно, да? Господин хренов!

– Тоже мне, нашел удовольствие. Просто у жузгов свои заморочки. Нельзя распорядиться жизнью спутника – каждый отвечает за себя. Ну и клиента, естественно, тоже. Вот и пришлось... Ты должен был подтвердить, что я твой хозяин.

– Тобиус про это знал?

Дан покачал головой, и Юрка предпочел поверить. Сказал:

– Те, ну, которые тебя искали, тоже оставили человека.

– Еще бы! Оун – глава Воинского Совета. Йорина – жрица. Им все йоры слуги.

– Зачем они за тобой гонятся?

– А зачем ты ищешь Зеленцова?

Юрка вместо ответа зевнул – он осоловел после каши. Боль ушла из рук, но еще зудело под глазом. Чесалась сопревшая под ошейником кожа.

Вейн разровнял тонким слоем прогорающие дрова. Языки пламени, пробегая по обугленному дереву, ало светились в темноте.

– Не вовремя ты тут появился, – сказал Дан.

Юрка сонно моргнул.

– Хочешь – дрыхни. Но после полуночи я тебя подниму.

Глава 8

Мальчишка накрылся курткой и уснул, едва закрыв глаза. Даже не спросил, зачем разбудят. Как был бестолочью, так и остался. Это ж надо – шагнуть в степь через узел в полосе прибоя! По ориентиру на человека! Ох, спасибо, пресветлая Иша, уберегла дурня. Чудо – даже перекреститься хочется. Креститься Дан, конечно, не стал. Отвернулся к костру. Угли медленно остывали, подергиваясь пеплом. В их тусклом свете вейн ошкуривал колышки. Пришло время той ноши, что пер на себе через полосу прибоя. Одна беда: дров осталось мало. Ему бы хватило, но с Юркой... Малолетка, да еще раненый – лучшая приманка. Вейн ухмыльнулся: это мысль. Оставить пацана, а самому разбить лагерь неподалеку и переждать ночь.

Вонзил колышек в землю, взялся за следующий. Стружки падали на угли и мгновенно вспыхивали.

Значит, Йорина идет по следу, не обманулась. А как было отлично придумано! Появится в Бреславле до начала сезона, встретится с посредником и через первый же узел – куда подальше. Ищи ветра в поле! Отсидится с полгодика, пока йоры с господином Эриком разбираются, а там можно и вернуться. Шэт бы побрал эту жрицу!

Темная кора сходила под ножом, открывая сливочно-белую плоть. Лучше бы, конечно, живое дерево, но и это пойдет. Дан ухмыльнулся, вспомнив, как на спор вместе с Таке-ром-Почтовиком просидели ночь на краю полосы прибоя. Выпендривались, жалели, что нельзя убитые тени развесить над камином. Охотнички! Правда, и дров, и соли они тогда притащили с избытком.

Четыре колышка выстроились по углам, заключив в квадрат вейна, мальчишку и костер. Часть углей Дан отгреб и, закрывая спиной от ветра, мелко порубил ножом. Лезвие вскрывало алую сердцевину. Летел пепел, отстреливали искры. Закончив, Дан вытащил из мешка завязанную узелком тряпицу. Да, соли на двоих маловато.

Когда измельченные угли остыли, вейн переложил их на рогожу. Высыпал туда же соль и перемешал, разминая крупные куски пальцами. Прикинув на глаз, разделил на четыре кучки. Ну, Иша, пресветлая и милосердная, защити!

Воткнул нож в левом верхнем углу, повел от колышка к колышку. Земля нехотя расходилась под лезвием и кровила травяным соком. Граница замкнулась. Вейн пополз вдоль нее, подтягивая за собой рогожу. Он высыпал щепоть – угли с солью – в канавку и тщательно разравнивал, стараясь, чтобы не оставалось пустого места. Готово! Успел.

Потряс Юрку за плечо:

– Вставай! Ну!

Мальчишка вскинулся, уставился испуганно.

– За черту, – Дан ткнул в присыпанный землей след от ножа, – не выходить. Даже если отлить приспичит.

– Ничего, я у жузгов приспособился гадить в компании, – огрызнулся Юрка.

– Ты смотри, разговорился! Нож лучше достань. Кто сунется – лезвие в угли, потом отсекаешь. Понял? Нагревать не обязательно, главное, через огонь пропустить. Вот так.

Дан резко ударил клинком в середину костерка и выдернул.

– Понял?

Юрка кивнул. Он сидел, сгорбившись под курткой, и зябко вздрагивал со сна, ну чисто воробей, потрепанный кошкой.

– Время еще есть. Хочешь – спрашивай, – великодушно разрешил Дан.

Мальчишка глянул исподлобья:

– Вейнов – их вообще сколько?

Дан удивился. Он-то уже прикинул, что бы такое страшное рассказать о предстоящей ночи.

– Не знаю. Кто нас посчитает? Может, сотня. Может, три. А может, тысяча или десять тысяч.

– Ты знаком со многими?

– Нет. Мы... не любим встречаться. По именам слышал, конечно. А в лицо – человек десять-пятнадцать.

За спиной у Юрки шевельнулась темнота. По серебристому ковылю бесшумно поползла тень.

– Тобиус сказал, Зеленцова ты не знаешь.

– Он пришлый. А я знаком в основном по школе. Есть такая при Взгорском монастыре. Ну, или с кем случайно пересекался.

Тень остановилась и вылепила острую мордочку, похожую на крысиную. Принюхалась, дергая носом.

– Как мне найти Зеленцова в Бреславле?

– Поспрашивай по гостиницам. Первые две недели сезона – самое хлебное время. Узлы падут как сумасшедшие. Людей, технологии – пропускают почти все. У вейнов от клиентов отбоя нет, хорошо покрутишься, на год вперед заработаешь. Так что про твоего Зеленцова должны знать, не штаны же там он просиживать собирается.

Ковыль стелился под ветром, и черные туши скользили по нему, словно по волнам.

– Это... кто? – Глаза у мальчишки округлились.

– Тени.

Дан нащупал в связке амулетов «коготь».

– Грин говорит: закон сохранения энергии. Когда в Бреславле гаснут узлы, в степи появляются проекции. Межсезонье заканчивается – приходит в норму. А тут граница между тем и этим. Полоса прибоя, где все бурлит. А это – пена у берегов.

– Прямо учебник по физике.

Дан вспомнил, как маялся перед учительским столом, ничегошеньки не помня из урока, и лицо у наставника Алекса было таким же несчастным, как у юного вейна. Хмыкнул:

– А ты думал!

– Я думал – чудо, – отрезал пацан.

Тени подползли к границе. Наглая лапа попыталась ухватиться за колышек – и отпрянула.

– Они хищные?

– Ну, мяса не жрут, кровь не пьют. Но вейнов любят – на ужин. Высасывают. Особенно таких, как ты. Молодой, раненый – им самый смак.

Юрка вытащил нож, положил рядом с костром.

– А с голодухи и меня уплетут за милую душу. Я бы обошел, да никак. Полоса прибоя кольцом вокруг Бреславля. Говорю же: не вовремя ты появился.

– Ну извини, подождать не мог. Так город уже близко?

– Пару дней осталось.

Тени плотно обсели границу, степь за ними стала не видна. Потянуло холодом. Юрка жался к костерку, нервно поглядывая через плечо.

Дан поворошил ножом угли. Скоро начнется.

Он угадал. Черная лапа скользнула на свет, подрагивая от нетерпения. Вейн полоснул воздух – от неслышного вопля тишиной заложило уши.

– Видел?

Мальчишка судорожно кивнул.

– Вот так и действуй.

Снова воткнул нож в угли. Рядом вонзилось Юркино лезвие.

Тени копошились, обиженные, что их не пускают к еде – особо изысканной после мелкой степной дичи. Одна, сердитая, свернулась мячиком и подпрыгивала, плюхаясь на сородичей. Те не расползались, позволяя топтаться по головам. Кажется, даже помогали – подкидывали.

Шэт, умники нашлись! Дан вскочил и успел принять на нож перелетевший через границу бесплотный шар. Обожгло холодом. Вейн стряхнул тень в костер – пыхнуло, едва коснувшись углей.

– Сволота жадная! – ругнулся он, сунув руку под мышку. Ломило зубы, точно хватанул воздуха с крупинками льда. «Коготь» царапнул кожу.

Юрка прыгнул к колышку и прочертил лезвием у себя перед грудью. Тень отпрянула.

– Молодец, – похвалил Дан. – Давай второго. За спиной.

Мальчишка взвился, замахал ножом. Тень упорно тянула к нему лапы.

– Через огонь, сопляк!

Дан ткнул клинком в угли, обжигаясь. Крест-накрест резанул между пацаном и тенью.

– Пошла вон!

Убралась. Вейн посмотрел на мальчишку и, не сдержавшись, треснул по шее.

Юрка зашипел, точно кот:

– Не смей! Ты мне не хозяин!

Дан выдернул у него нож и сунул в огонь вместе со своим.

– Зато я сильнее и опытнее. Хочешь попасть в Бреславль – делай, что говорят.

Теням надоело ждать, они полезли, давя массой. Одни откатывались, стоило коснуться границы, другим удавалось пробиться. От ударов ножами угли раскатились и рассыпались искрами под ногами. Приплясывая в крохотном квадрате, Дан пытался сгрести их обратно и молился, чтобы огонь не погас. И чтоб этот Шэтов мальчишка не лез под руку! Чуть не отсек ему ухо.

Граница еле держалась, тени чувствовали это и лезли друг через друга. Эх, мало соли! Но кто же знал, что принесет сопляка нелегкая. Дан в левой руке сжимал горящую палку, в правой – нож. Полоснуть по факелу, по тени. По факелу, по тени... Звенел вымороженный воздух, стягивало кожу на щеках.

Погас факел. Дан наклонился к костру, и шустрая лапа хватанула его за задницу.

– Шэт, твою мать!

Подскочил, точно жеребенок. Рассвирепев, попер на тени.

– Граница! Дан! – отчаянно закричал Юрка. Колышек ткнулся в колено. – Вижу!

Запоздалый страх наполнил рот кислой слюной. Как пацана зеленого, чуть не выманили!

Факел, тень, факел, тень...

Снова заорал Юрка. Тень обвила мальчишку от кисти до плеча и присосалась к горлу. Пуповина, пульсируя, уходила за границу, и за нее цеплялся выводок, стремясь урвать свою долю. Дан рубанул – один конец спружинил, придавив сородичей, другой петлей скрутился в воздухе и шлепнулся в огонь. Юрка упал на колени.

– Вставай! – Дан дернул за шиворот.

У мальчишки дрожали губы, ожоги темными пятнами выделялись на белом лице.

– Режь их! – крикнул вейн и сам закружился, отбиваясь. Куда-то делся факел. Выругался, выхватив из-под ног головню.

Юрка очухался. Сообразил, подбросил в костер и ринулся Дану на помощь.

Обожгло грудь. Вейн почувствовал, как просыпался под рубахой тонкой струйкой песок. Все, нет «когтя». Зарычал, рассекая ножом воздух. Огонь еле теплился, некогда его раздуть. Матерился Юрка.

Скоро рассвет, уже скоро.

Холодно. Кажется, ресницы покрылись инеем, смерзлись и мешают смотреть. Сбросил тень с ножа на кол. Светлое дерево потемнело, точно облитое чернилами.

Юрка ползал по земле, Дан едва не наступил ему на руку. Мальчишка вскочил. На перевязанной ладони светился уголек. В хворост его, молодец, пацан!

Не загорается. Дан яростно хлестнул ножом по пеплу. Обмороженные пальцы не ощутили тепла, но тень отпрянула. Скоро рассвет!

Вспыхнул огонь. Дан выхватил новый факел и шагнул к теням, заставляя их убраться за границу. Они тоже устали.

Факел, тени. Факел, тени... и вдруг – никого. Степь в серебристых волнах ковыля. Еле заметные отсветы на востоке.

Дан повалился на землю.

– Отбой!

Пацан все оглядывался, рука с ножом подрагивала.

– А?..

– Оглох? Утро, говорю. Ложись спать.

Дан лениво дрыгнул ногой, отбрасывая попавшую под колено ветку. Веки опускались сами собой. В полосе приборя рисковал прикорнуть разве что на часок, и то лишь когда начинал дремать на ходу.

– Спать? – В Юркином голосе сквозило недоумение. – Прямо тут?

– Ну, можешь для начала прибраться, – разрешил Дан. – Там сумка рядом с тобой. Дай.

Шуршание. Плюхнулось тяжелое, пахнущее кожей и лошадиным потом. Не открывая глаз, затолкал сумку под голову.

Проснулся вейн ближе к полудню. С удовольствием потянулся, громко зевнул. На его возню оглянулся Юрка, и Дан подмигнул:

– Жить – хорошо!

– Ага, а хорошо жить еще лучше, – буркнул пацан.

– Надо же, умная мысль. Соображаешь!

Юрка посмотрел на него как на идиота. Спросил:

– Мы тут долго еще загорать будем?

Дан поскреб щетину. Оброс, как дворовая шавка. И воняет так же.

– А вот поедим и пойдем. – Он глянул на разоренное кострище: – М-да. Негусто.

С последней охоты оставался кролик, задняя его часть. Дан понюхал: вроде съедобно, ну, подумаешь, маленько подванивает. И пшена с две горсти наберется.

– Пресный суп с душиком – фирменное блюдо межсезонья.

Огня хватило лишь вскипятить воду. Дан накрыл котелок крышкой и поставил в угли, пусть доходит.

Юрка маялся, точно щенок на привязи.

– Выйдем на Славскую дорогу, там уже и деревни начнутся, – сказал Дан. – Скидывай куртку.

– Зачем? – настороженно спросил мальчишка и вцепился в отвороты.

– На лоскутки порежу! Вот дурень... Зашью. А то с таким бродягой на постоянный двор не пустят.

Ему – стыдно признаться – нравилось штопать. Стежок к стежку, неторопливо. Умиротворяющее занятие. Правда, джинсовая ткань сопротивлялась и топорщилась, но Дан справился.

Юрка сидел, разглядывая руки с чистой, неаккуратно наложенной повязкой. Сам, видно, постарался, пока вейн дрых.

– Увальня жалко, – сказал пацан. – И Кыся.

Дан перекусил нитку.

– На месте Кыся мог быть я. Правда, меня бы им не хватило. Футболку.

Игла легко прокалывала трикотаж, стягивая края дырки. Нарисованному монстру повезло – он остался целым. Шикарная все-таки вещь, Дан бы от такой не отказался.

– Лови.

Юрка оделся, осторожно протискиваясь в ворот. Посмотрел на вейна.

– Все равно я тебя ненавижу.

– Твое право, – согласился Дан. – Бери ложку. Обед готов.

Варево получилось так себе, но пацан ел с аппетитом. Наголодался, видно. Интересно, где его носило? Расспрашивать Дан не стал. Ну его, еще укусит.

Собрали вещи. Часть пожиток вейн сунул в разноцветную жужгову сумку. Мальчишка молча поднял потяжелевшую кладь.

Спустя пару часов они вышли к дороге.

Обычно оживленный Славский тракт был пуст. По обочинам белели ромашки, не сбитые колесами. Колеи заросли спорышом. Дан нашарил связку амулетов, перебрал их, зацепившись за пустую подвеску от «когтя», и выудил крестик. Все-таки дошел. Пресветлая Иша, благодарю за милость! Закончится все – свечку поставлю, самую дорогую. И тебя не забуду, святой Христофор.

Спадала жара, удлинялись тени. Степь вспучилась холмами. Дорога лежала между ними серой лентой, а там, где не могла втиснуться, карабкалась на вершину.

Юрка украдкой поглядывал на часы, и каждый раз Дан ехидно понукал:

– Топай, солнце еще высоко.

Мальчишка – вот новость! – не огрызался. Только раз посмотрел на вейна и спокойно напомнил:

– Мне нужно в Бреславль.

– Ну-ну. Собираешься Зеленцова на ножи поставить? Кишка у тебя тонка, пацан.

– Увидим.

– А чего глядеть, я и так вижу. Если тебя в угол загнать, может, и пырнешь. А просто так...

– Горелым пахнет, – перебил Юрка. Лицо у него стало напряженным, дернулся обожженный уголок глаза.

– Штаны не обмочи с перепуга.

За холмом и вправду воздух еле заметно колыхался от бесцветного дыма.

Звякнул колокольчик. Послышалось низкое, густое мычание, его подхватили на два голоса. Справа от дороги десятка три коров методично подъедали траву. Возле костра, над которым висел котелок, сидели пастух с подпаском. Рядом лежала огромная псина, похожая на волка. Собака подняла голову и уставилась на путников. Она не рычала, но Дан не рискнул подходить близко. Громко сказал, остановившись у обочины:

– Вечер добрый.

Подпасок вытаращил глаза. Пастух тоже удивился их появлению, но ответил степенно:

– И вам не хворать. Садитесь, если ноги на дорогу жалуются.

– Ничего, еще походят. Не знаете, Ерухим уже приехал?

– Да, вчера возвернулся.

– Я всегда говорил, что у него на клиентов нюх. Ну, бывайте.

За спиной услышал, как подпасок спросил:

– Бать, а откуда они?

– Может, с Гусинок, – с сомнением предположил пастух.

– Да не, бать...

Юрка на часы уже не смотрел, и по солнцу было ясно, что пора искать ночлег. Дан поспорил сам с собой на десяток медяков, что мальчишка о привале не заикнется, – и выиграл.

Дорога вильнула в сторону и разошлась на две. Тракт тянулся прямо, а слева укатили съезд к постоялому двору, сейчас до странности тихому. Юрка уставился на вывеску, написанную на всеобщем.

– Отец у хозяина из переселенцев, – пояснил Дан. – Еще он строил.

Постоялый двор назывался «У старого еврея».

На крыльце дремала курица. Дан перешагнул ее и стукнул в запертую дверь.

– Ерухим, твой батюшка тебя проклянет! Как ты встречаешь клиентов? Хочешь, чтобы они оставили свои деньги у кривого Малека?

Загребели засовы. Выглянул удивленный хозяин.

– Бог ты мой, разве ж я проспал и межсезонье уже закончилось?

– Увы, нет. Но мы пришли, так что открывай.

Сковороду только что сняли с огня. Поджаристая картошка, пересыпанная колечками лука, еще скворчала, и от запаха сдавило желудок. Хозяин выставил на стол запотевший кувшин, по глиняному боку скатилась молочная капля.

– С ледника, вчерашнее.

Ерухим выложил из кармана фартука нарезанный скибами хлеб – белый, с крупными порами, совсем как тот, что пекла бабушка. Юрка не выдержал, вцепился зубами в горбушку. Он хватал огненную картошку, запивал холодным молоком, запихивал в рот хлеб и никак не мог насытиться.

– Лопнешь, – предупредил Дан.

Юрка мотнул головой, проглотил, точно гусь, не жуя, и сказал:

– Мне нужно продать часы.

Вейн удивленно приподнял брови:

– Прямо сейчас? Кому?

– Ну, хотя бы трактирщику. Я же должен заплатить за еду.

– Этот хитрый еврей не даст и половины настоящей стоимости. Просто из любви к искусству. Мой совет – подожди до города.

Вот черт... Юрка положил вилку. Ему продешевить нельзя, деньги понадобятся.

– Ешь. Ты действительно оплатил дорогу. А в Бреславле сведу с нужным человеком. За пятнадцать процентов.

– Десять.

– Идет, – подозрительно легко согласился вейн.

Юрка подцепил ломтик картошки – золотистый, с поджаристой корочкой – и спросил:

– А за сколько надо было?

Дан ухмыльнулся:

– Пять и то много.

Юрка отвалился от стола, чувствуя, что не может больше проглотить ни кусочка. Съеденное комом застряло в горле.

– Пойду с хозяином переговорю.

Дан ушел, выкликая Ерухима.

Юрка приткнулся в угол и съежился под курткой. Его знобило, наверное, от холодного молока. Болел желудок. День за окном медленно угасал. Щелкая кнутом, пастух прогнал стадо. Натужно мычали недоевшие коровы.

Вейн долго не возвращался, и Юрка успел задремать. Разбудила служанка. Напевая, она убирала со стола. Ее голос, шаги, бряканье посуды неприятно отдавались в голове. Юрка шевельнулся, разминая затекшую шею, и еле сдержал стон. Мышцы одеревенели.

Громко стуча сапогами, с лестницы скатился довольный вейн. Он успел побриться и сменить рубаху.

– Две комнаты брать не стал. Экономия! Хочешь, топай наверх. Я еще с Ерухимом посижу. Пусть наврет чего интересного.

Юрка поднялся. Дан присмотрелся к нему при неярком свете керосиновой лампы.

– Ты как себя чувствуешь?

– Нормально.

– Ну иди, коли так. Третья дверь направо, в конце коридора.

В крохотный номер с трудом втиснулись две кровати. Шкафа не было. Зато в углу, за отдернутой занавеской, стояла лохань, наполовину полная воды. Тетка в переднике опро- стала в нее из ведра кипятка и оглянулась.

– Вам полить?

– Нет, я сам.

Тетка ушла.

Юрка скинул одежду, подумал – и залез в лохань целиком, подтянув колени к груди. Защищало царапины и ожоги. Вода закрывала по плечи, была обжигающе горячей, но согреться не получалось. Пробирала дрожь, заставляя стучать зубами.

Скрипел под окном сверчок.

Юрка шевельнулся, плеснув на пол. Посмотрел на свои руки в намокших повязках. Надо же, почти не болят, хорошая мазь у Дана. Помогая зубами, развязал узлы. Ожоги выглядели паршиво. Осторожно опустил руки в воду. Кожу пекло, и Юрка начал считать шепотом, стараясь не торопиться. На четвертом десятке он притерпелся. Расслабился, уткнулся подбородком в колени и закрыл глаза. Подумал: завтра будет в Бреславле. Если повезет, послезавтра найдет Виктора Зеленцова и войдет без стука к нему в гостиничный номер. Вейн начнет орать, мол, чего надо, и Юрка бросит ему в лицо: «Дарья Жданова, помнишь?» Он столько раз воображал это – в «Перекрестке», у жузгов, в дубоидном лесу, – что видел все до мелочей: стол, усыпанный крошками, тарелку с объедками, таракана на стене. Чувствовал даже запах – грязного белья и пива. Вот только лицо Зеленцова никак не мог представить. Не получилось и сейчас.

Взвыл во дворе пес. Юрка вздрогнул.

Небо за окном совсем почернело, проступили звезды. Все так же скрипел сверчок. Вода в лохани остыла, и плечи покрылись гусиной кожей.

Юрка вылез, оставляя мокрые следы, дошлепал до кровати и забрался под одеяло. Матрас колелся соломинками, шуршал. От наволочки пахло сухой ромашкой.

Совсем как тогда.

...Весна разгоралась нахальная, ранняя. Юрка и радовался ей, и сердился. Жди теперь майских, пока Ленька заплатит. Конечно, можно приварить на камеру заплатку, но это что слону горчичник.

Обошел лужу, раскинувшуюся посреди дороги. Вдоль палисадника тянулась узкая тропка, и по краю уже пробивалась трава. На заборе сидел черный кот, довольно жмурился на солнце.

– Только спрыгни, животное! – пригрозил ему Юрка. – Я тебе так сплуну через левое плечо!

Кот презрительно дернул ухом.

Калитка оказалась запертой изнутри. Брякнуло железное кольцо, поворачиваясь и под- девая «язычок».

Во дворе ярко желтела кирпичная дорожка. Вдоль нее ходил петух, придирчиво рассматривая оттаявшую землю. Лапы у него были грязными, побледневший за зиму гребень свалился набок. Не петух, а недоразумение. Увидев Юрку, куриный предводитель предостерегающе сказал:

– Ко-ко, – и отступил за поленницу.

Подумаешь, неженка, всего-то с полдесятка перьев из хвоста выдрали.

Дед сидел на крыльце, привалившись к балясине. Под левой рукой на чисто вымытых досках лежали трубка и газета.

Юрка брякнул рюкзак под дверь и с разгону попросил:

– Дед, а давай ты мне поможешь камеру залатать?

Ну, сейчас начнет ворчать, что проще зашить все дырки в неводе.

Дед не ответил, даже головы не повернул.

– Ну а чего, – заканючил Юрка. – Там еще можно!

Он перевесился через перильца, заглянул в лицо.

– На переднем...

Дед смотрел, не отрываясь, на Дикову будку. Глаза у него были стеклянные, и в них отражалось солнце.

– Дед...

К седым волосам пристало куриное перо, оно трепыхалось на ветру, щекоча лоб.

– Дедушка!

Кажется, он орал. Истошно, захлебываясь. Появилась бабушка. Прижала Юркину голову к переднику, пахнущему молоком и комбикормом. Гладила затылок, что-то говорила. Юрка не слышал. Он сидел на земле и молотил по грязи кулаками. В горле саднило от крика.

Приходили еще люди. Его увели на кухню. У Юрки дрожали руки, он никак не мог удержать кружку. Зубы стучали о фаянсовый край. Женщина в белом халате запихала ему в рот таблетку. Кто-то помог снять джинсы, это было уже в спальне. От холодной воды ломило пальцы, в ванну стекали мутные ручьи. На кровати лежали парадные брюки и темно-серая рубашка. Верхняя пуговица с трудом пролезла в петлю. Остро пахло валокордином и сушеной ромашкой. Юрка никак не мог понять, почему – ромашкой? Зачем? Пошел по комнатам, принохиваясь.

В зале он нашел бабушку и деда.

Маргарита Леонидовна сидела на стуле, прямо держа спину и вскинув голову с тяжелой короной из кос. Она надела черное шерстяное платье, слишком теплое для этой весны. Окна затворили ставнями, и луч, пробившийся в щель, перечеркивал бабушкино лицо.

– Я попросила всех уйти, – сказала она.

Голос прозвучал непривычно громко. Юрка обернулся – большие напольные часы, бабушкино приданое, молчали. Замер за стеклом маятник.

Дед лежал на столе. На нем был темно-синий костюм, почти неношенный. От ткани пахло сушеной ромашкой...

Тусклая полоска света легла на пол. Дан вошел, прикрыл дверь, и снова стало темно. Скрипнула кровать. Брякнули подковками сапоги. Зашуршала куртка. Щелчок – арбалет на взводе. Тихий стук – вейн положил оружие на пол. Бухнулся на постель со счастливым вздохом, повозился, взбивая подушку, и спросил:

– Чего не спишь?

– А как ты узнал?

Юрка провел перед лицом растопыренной пятерней и с трудом различил пальцы.

– Слышу, как ты дышишь. Дрыхни давай. Завтра рано вставать.

«Завтра, – подумал Юрка. – Уже завтра». Снова представил, как войдет, скажет. Опухший от пива и безделья Зеленцов поднимется с кровати... Картинка вышла тусклой, как выгоревшие на солнце обои.

Сверчок продолжал надоедливо скрипеть.

– Дан, – позвал Юрка. – А можно... ну, как в другой мир, только в прошлое? Я знаю, там ничего нельзя менять. Я не буду. Мне посмотреть, и все.

Он замер в ожидании ответа.

– Прошлого не существует. – Вейн громко зевнул. – Будущего тоже.

– А как же... Ну, у одних арбалеты, а другие в космос летают.

– Разница в скорости развития, в начальной точке.

– А все остальное?! – Юрка приподнялся на локте. – Оно похоже!

– Ну и что? У вас летоисчисление какое?

– Обычное. Как его... от Рождества Христова.

– Ну вот. Знаешь, сколько таких миров? В одном Христос родился раньше, в другом позже, а в общем, та же фигня. Даже твоя деревня наверняка есть.

– Город, – поправил Юрка, снова опускаясь на подушку.

Вейн удивился:

– А с лошадьми ты хорошо управляешься.

– Так получилось. А люди? Такие же?

– С чего им другими быть? По большому-то счету. А по мелочам... Ну, сидит твой тетка сейчас дома, прижав задницу, и ведать не ведает, что он вейн. Или не вейн он вовсе. Тебе-то что с того? Он же – не ты.

Да, согласился Юрка. Может, у того, другого, все живы.

Глава 9

Скрипело колесо.

Дан, подсев к вознице, выпытывал новости. Мужик из Гусинок обстоятельно рассказывал, какие нынче цены на перо и яйца, как подрался мельник с бреславльскими подмастерьями кожевенника и сколько приданого дает за дочку Ерухим. Казалось, вейну это действительно интересно. Юрка угрюмо посмотрел ему в спину и отвернулся.

Степь по обе стороны дороги потеряла надоевший до оскомины цвет. Зелень, расцвеченная мать-и-мачехой, осталась лишь по обочинам, дальше темнели распаханые поля и кое-где виднелись купы деревьев. По склону холма карабкалась вверх деревенька с извилистыми улицами. Посверкивал церковный купол.

Скоро они приедут в Бреславль. Уже сегодня.

Юрка подгрел под голову сено и накрылся курткой. Было зябко, несмотря на летнее солнце. Яркий свет резал глаза. Скрипело колесо, грозя сломаться. Вот сейчас, когда покажутся с бугорка... Или хрухнет на этой колдобине... Юрка хотел, чтобы оно сломалось. Чтобы треснула ось, захромала кобыла. Что угодно.

От сена пахло сухой ромашкой. Закроешь глаза, дом чудится. Тихий, молчаливый. Они с бабушкой бродили по нему, натывались друг на друга – и смотрели растерянно.

Юрка резко повернулся, ударившись затылком в обрешетку. Дан и возница громко смеялись. Он пошарил в сене и выудил сухой стебелек ромашки. Выкинул на дорогу.

...Прошли две недели после похорон. Сидели на кухне, делали вид, что пьют чай. Тикали ходики. Голая сирень царапала ветками стекло. За окном стоял глянцево-мокрый, раскисший весенний вечер.

Бабушка, подперев голову рукой, смотрела на Юрку. Он качал ногой, стучаясь пяткой о ножку стула. Сосредоточенно обводил ложечкой пышную розу на клеенке. Черенок оставлял продавленный след. Бабушкин взгляд не мешал, она теперь часто садилась вот так, забыв про дела. Выкипал на плите суп, выскальзывала нитка из иголки, оставалось посреди коридора ведро с грязной водой. Юрка приходил из школы, молча выключал газ, домывал пол, наливал себе молока и пил его с батоном.

– Виноваты мы перед тобой, – тихонько вздохнула бабушка.

Удивленный Юрка поднял глаза.

– Не доростили. Будь ты хоть немного постарше.

– Баб...

Качнулась голова с седым венчиком волос.

– Я лягу. А ты сбегай, позови Марью Ивановну.

Юрка вскочил.

– Что, сердце? Может, врача? Корвалол?

Раньше он высчитывал, сколько бабушке лет, только в канун дня ее рождения. Сейчас же – помнил постоянно. И ненавидел, сам не понимая, что именно – время, годы?

– Не надо.

Бабушка встала, не опершись на стол. Пошла из кухни, ровно держа спину.

Юрка вылетел в сени и сорвал первую попавшуюся ветровку – старую, в которой ездил на покос. Никак не мог найти обувку, а свет включить почему-то не догадался.

Оскальзываясь в потемках на мокрой дороге, метнулся к дому напротив. С треском хлопнула калитка палисадника. Юрка, протиснувшись между георгинами и стеной, застучал по оконному переплету.

– Марь Ивановна!

Вспыхнул свет в дальней комнате, показалась согнутая фигура в белой, до пят, сорочке. Сложив руки козырьком, старушка всмотрелась.

– Вас бабушка зовет!

Соседка закивала.

Юрка бросился обратно. Выругался, угодив в канаву с талой водой, и долго возился, пытаясь выбраться – нога все время срывалась с размытого края.

Дома нетерпеливо выпутался из грязных штанов, побежал в спальню к бабушке, но вспомнил про соседку. Пришлось, чертыхаясь, искать и натягивать шорты, а там подросла и Марья Ивановна.

Пришла строгая, в сером платочке, туго затянутом под подбородком.

– Лежит? – спросила у Юрки, кивнув на закрытую дверь.

– Наверное, – растерялся он.

Марья Ивановна просеменила в спальню, его за собой непустила.

– Позову, если что.

Юрка остался стоять, тупо разглядывая косяк. Что – «если что»? В ушах тоненько звенело, показалось – телефон. Он вздрогнул. Нет, в доме было тихо. На всякий случай снял трубку и послушал гудок. Может, все-таки вызвать «Скорую»? Да нет, ерунда, обойдется, бабушка же сказала: «Не надо». Он решительно положил трубку на место.

Ходил по кухне. Щелкал кнопкой чайника, не давая ему остыть. Бабушкина чашка стояла на столе, наполовину полная. Качалась за окном сирень. Ходики отсчитывали время – глаза у деревянной кошки равнодушно смотрели то направо, то налево.

Было около двух, когда вышла Марья Ивановна. Перекрестила его, велела строго:

– Зайди.

У Юрки сдавило под ребрами.

В спальне горел маленький светильник с тусклой лампочкой. Бабушка лежала на краю постели, стянув на грудь угол покрывала. Вторая половина кровати осталась нетронутой, пышно стояла «треуголкой» подушка. Юрка сел на стул, придвинутый к изголовью.

– Баб, ну ты чего, а?

Она улыбнулась и погладила его по руке.

– Так сам посуди, сколько мы с ним годков прожили. Зовет, не может без меня. Не думает, старый пень, что я тебя одного бросаю.

– Баб!

В горле пискнуло, Юрка испуганно замолчал.

– Ты меня не жалеешь, – сказала бабушка. – Мне-то что. Я с дедом твоим встречусь, с Дашенькой. Вот тебе трудно будет. – Перевела дыхание, попросила: – Ну-ка, наклонись.

Он послушался. Бабушка коснулась губами щек и лба.

– Все, иди. Ивановну мне покличь.

Юрка мотнул головой.

– Иди, внучек, иди, родной. Так надо.

Сколько раз ослушивался ее, но сейчас не посмел.

Вышел за дверь. Марья Ивановна вздохнула жалостливо:

– И-ех, сынку, не пожалела вас злодейка.

«Какая злодейка?» – хотел спросить Юрка. Не успел – старушка ушла.

Снова сидел на кухне, но уже не трогал чайник. Скорчился на табурете, обхватил руками живот. Мутило. Пересохло в горле. Можно было дотянуться до бабушкиной чашки с недопитым чаем, но Юрка не шевелился. Только иногда поворачивал голову и смотрел на ходики.

Уже светало, когда дверь в спальню отворилась. Соседка перекрестилась на пустой угол и сказала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.